

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ N 6 (90)

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Л.А. Тутов</i>	
Философия хозяйства и кризис неоклассики.....	9
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Ю.М. Осипов как создатель новой парадигмы стоимости.....	20
<i>А.В. Тарасов</i>	
Хозяйство — визуальное зеркало логоса.....	33
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: Китай и современная наука.....	48
<i>Г.Г. Фесенко</i>	
Город: философско-хозяйственные контексты.....	57
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>П.С. Лемещенко</i>	
Институциональная ценность как категория новой политической экономики..	67
<i>В.И. Корняков</i>	
Главный фантом классической теории и современность.....	86
<i>И.С. Золкин</i>	
Первые итоги членства России в ВТО: влияние на внешнеэкономическую безопасность.....	93
<i>В.В. Кашицын, С.В. Филимонов</i>	
Дискуссия о рынках в России в конце XIX — начале XX в. и ее непреходящее значение.....	98
<i>А.А. Бабаева</i>	
Новая индустриализация как неотъемлемая составляющая инновационного роста.....	108
<i>Л.Ю. Андреева, М.Л. Сомко</i>	
Система профессиональных компетенций, переподготовки и повышения квалификации работников крупных компаний как фактор экономической динамики.....	114
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Эстетика катастрофы.....	125
<i>В.М. Юрьев, В.Г. Бабаян</i>	
Власть как отражение конкуренции между блоками в социально-экономических системах.....	129
<i>Д.Г. Егоров</i>	
Что такое наука и почему мы ей доверяем?.....	143
<i>К.В. Молчанов</i>	
«Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения.....	155

Раздел IV	
Актуальная культурология	
<i>Т.В. Науменко, А.И. Гринюк</i>	
Проблема культуры в аспекте межкультурной коммуникации	169
<i>Л.А. Булавка-Бузгалина</i>	
Проблема идентификации: между героическим и мещанским императивом бытия	179
<i>Е.Ю. Лекус</i>	
Псевдоидентичность, или Как выжить в мире распавшихся универсалий	189
<i>Н.А. Кубанёв, В.П. Океанский</i>	
Культурология и геополитика в истории России	194
Раздел V	
Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Галичина: выбор в пользу Центральной Европы?	205
<i>А.А. Федотов</i>	
Империализм начала XX в. в формировании геополитики начала XXI в.	214
Раздел VI	
Актуальная история	
<i>М.Ю. Лачаева</i>	
О нашей революции	225
<i>Д.В. Воронин</i>	
Советский госарбитраж в послевоенные годы: трудности и проблемы	236
Раздел VII	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Предисловие к книге «Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы»	245
<i>Г.С. Бискэ</i>	
Советский проект: потенциал обновления	251
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Pro-тив философии(ю) антиязыка	258
<i>В.В. Варава</i>	
«Черная кошка познания», или Как философствуют антиязыком	270
Научная жизнь	281
Наши авторы	287
Содержание за 2013 г.	291

Contents

Part I

Philosophy of Economy

L.A. Tutov

Philosophy of Economy and the Crisis of Economics 9

G.I. Moiseychik

Yu.M. Osipov as the Creator of a New Paradigm of a Value 20

A.V. Tarasov

Economy — a Visual Mirror of Logos 33

M.R. Eloyan

History of Philosophy of Economy: China and Modern Science 48

G.G. Fesenko

City: Philosophical and Economic Contexts 57

Part II

Economic Theory

P.S. Liameshchanka

Institutional Value as a Category of New Political Economy 67

V.I. Korniyakov

Main Phantom of the Classical Theory and Present 86

I.S. Zolkin

The First Results of Membership of Russia in the WTO:

Influence on the External Economic Safety 93

V.V. Kashitsyn, S.V. Filimonov

Discussion about the Markets in Russia at the End of XIX — the Beginning
of the XX Century and its Enduring Value 98

A.A. Babaeva

The «New Industrialization» as Immanent Part of the Growth Based
on Innovations 108

L.Yu. Andreeva, M.L. Somko

The System of Professional Competences, Retraining and Professional
Development of Employees of Large-Scale Companies as a Factor
of Economic Dynamics 114

Part III

Actual Philosophy

F.I. Girenok

Accident Esthetics 125

V.M. Yuryev, V.G. Babayan

Power as Reflection of Competition between Blocs
in Socio-Economical Systems 129

D.G. Egorov

What is the Science and why We Trust it? 143

K.V. Molchanov

«Dialectics Laws» — not Dialectics Laws, and some Actual Provisions 155

Раздел IV	
Actual Cultural Science	
<i>T.V. Naumenko, A.I. Grinyuk</i>	
Culture in the Aspect of Intercultural Communication	169
<i>L.A. Bulavka-Buzgalina</i>	
Identification Problem: Between Heroic and Petty-Bourgeois Life Imperative	179
<i>E.Yu. Lekus</i>	
Pseudo-Identity or How to Survive in a World of Broken Universals?	189
<i>N.A. Kubanyov, V.P. Okeansky</i>	
Cultural Science and Geopolitics in the History of Russia.....	194
Part V	
Actual Political Science	
<i>S.V. Biryukov</i>	
Galichina: Choice for the Central Europe?	205
<i>A.A. Fedotov</i>	
The Impact of the Imperialism of the Beginning of the 20-th Century on the Forming of the Geopolitics of the Beginning of the 21st Century.....	214
Раздел VI	
Actual History	
<i>M.Yu. Lachayeva</i>	
About Our Revolution.....	225
<i>D.V. Voronin</i>	
The Soviet System of Arbitration in Post-War Years: Difficulties and Problems.....	236
Part VII	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Forward to the Book «Russian Economic Thought: Originality, History, Prospects».....	245
<i>G.S. Biske</i>	
The Soviet Project: Potential of Renovation	251
<i>V.A. Kutyrev</i>	
Against the Philosophy of Anti-Language	258
<i>V.V. Varava</i>	
«Black Cat of Knowledge», or How Philosophize Anti-Language	270
Scientific Life	281
Our Authors	287
Contents of the Journal for 2013	291

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Л.А. ТУТОВ

Философия хозяйства и кризис неоклассики

Аннотация. Статья посвящена современному этапу развития философии хозяйства и ее роли в преодолении кризиса экономической науки. В работе показаны точки пересечения философии хозяйства и экономической теории на примере модели человека и методологии познания.

Ключевые слова: философия хозяйства, методология экономики, модели человек, кризис неоклассики.

Abstract. The article is devoted to the modern stage of the development of philosophy of economy and its role in overcoming the crisis of economic science. The work shows the point of intersection of philosophy of economy and economic theory on the example of the model of man and methodology of cognition.

Keywords: philosophy of economy, the methodology of Economics, models of man, the crisis of Economics.

Философия хозяйства является в настоящее время одной из наиболее актуальных и динамично развивающихся отраслей мировой экономической мысли. Резко возросшая потребность в организации исследований в данной области обусловлена, в первую очередь, глубоким кризисом, охватившим современную экономическую теорию. В настоящее время господствующая в экономике неоклассическая теория сталкивается с целым рядом теоретических и практических проблем и парадоксов, которые невозможно разрешить, основываясь исключительно на положениях существующей парадигмы. Следует отметить, что в качестве одной из основополагающих проблем неоклассической парадигмы эксперты неизменно называют позитивистскую философско-методологическую позицию, заложенную в основание неоклассики М. Фридменом и его последователями, когда теории практически уравнивались с рабочими гипотезами и считались ценными лишь постольку, поскольку они содействовали получению тех или иных эмпирических результатов. Такой подход сформулировал М. Фридмен в работе «Методология позитивной экономической науки» [1], провозгласивший, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу, и всецело

определяется способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Внимание М. Фридмена к проблемам методологии привлекла дискуссия вокруг принципа максимизации прибыли как стандартной предпосылки микроэкономической теории. Благодаря проведенным эмпирическим исследованиям были получены результаты, которые показали, что реальное поведение субъектов и процессы рыночной экономики существенно отличаются от того, как их представляют себе экономисты, что поставило вопрос о теоретической и практической ценности неоклассической экономической теории. М. Фридмен выступил в качестве защитника неоклассики, заявив, что требование реалистичности предпосылок теории в реальности невыполнимо, так как никакая теория не может претендовать на полное описание действительности. К тому же научная гипотеза должна быть экономной в средствах. М. Фридмен сделал вывод о том, что чем более важной является теория, тем более нереалистичны ее предпосылки.

Идеи М. Фридмена оказали влияния на всю мировую экономическую науку последней четверти XX в. Сформировалась позиция, согласно которой приобретенные знания фрагментарны по своей природе и применимы постольку, поскольку реальные условия соответствуют условиям и предпосылкам, для которых эти результаты получены. Очевидно, что применимость таких знаний обусловлена достаточно редкими и уникальными обстоятельствами. Поэтому значимость теоретических обобщений мало отличается от значимости простого описания исторического опыта.

Данная ситуация поднимает ключевой для современной экономики вопрос о радикальной перестройке всей системы экономического знания. Этот вопрос может быть переформулирован следующим образом: является ли необходимой и достаточной мерой разрешения этой проблемы модернизация существующей неоклассической парадигмы или же необходимо кардинальное изменение фундаментальных теоретических оснований экономической теории? Многообразные направления неортодоксальной экономической теории (неоавстрийская школа, традиционный институционализм, марксизм, посткейнсианство, поведенческая экономика и пр.) предлагают собственные варианты ответа на данный вопрос. Однако многочисленные теоретические дискуссии по данной проблеме неизбежно заходят в логический тупик, связанный с крайней неразвитостью философских и методологических оснований современной экономической теории. В настоящее время экономической науке не удалось выработать такой системы основополагающих теоретических постулатов, которые характеризовались бы оптимальным уровнем абстрагирования, т. е. отвечали двум наиболее общим

условиям — реалистичности и операциональности. Это, в свою очередь, предполагает поиск ответа на такие важнейшие вопросы, как сущность экономической жизни общества, характер ее динамики; предмет, цели и задачи экономической теории, сущностные характеристики ее теоретического инструментария и пр.

Не менее ярко потребность проведения фундаментальных исследований в данной области проявляется и при рассмотрении реалий российской экономической теории и, что особенно важно, российской экономической политики. После разрушения научной монополии марксизма в российской экономической теории интеллектуальная жизнь нового экономического сообщества России подверглась влиянию разнообразных теоретических инноваций. При этом далеко не всегда проводились четкие границы между механическим заимствованием и творческим переосмыслением; органичным синтезом и грубым соединением достижений методологически различных школ научной мысли; подлинными достижениями лидеров мировой экономической науки и работами эпигонов. Наконец, еще одним негативным явлением стала реидеологизация экономической науки, доверие к достижениям которой в России стало во многом определяться не строгостью логического обоснования теоретических выводов, а степенью их соответствия либеральной экономической идеологии. Закономерным следствием данных теоретических недостатков обновленной российской экономической мысли стали хорошо известные провалы в сфере экономической политики, планирование и организация мероприятий которой проводились при активном участии отечественных экономистов, так или иначе воспринявших достижения мировой экономической науки.

В наше время ученые ведущих западных университетов проводят научные исследования, посвященные проблематике философии и методологии экономики (Philosophy and Economics). Среди наиболее влиятельных подразделений, занимающихся научной деятельностью в этом направлении, можно назвать Институт философии экономики Эразма, действующий в рамках Роттердамского университета (Нидерланды), Гуверовскую кафедру экономической и социальной этики в Лувенском католическом университете (Бельгия), Центр философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики (Великобритания). В других университетах — таких как Гарвард, Стэнфорд, Оксфорд — в учебных планах имеются программы «философия экономики». Кроме того, издается целый ряд авторитетных периодических изданий, самыми известными среди которых являются журналы: «Философия и экономика», издаваемый Кембриджским универси-

тетом; «Эразмовский журнал философии экономики» (Роттердамский университет); «Журнал экономической методологии», издаваемый Международным сообществом экономического метода; «Философия и общественные отношения»; «Политическая теория, философия, экономическая наука».

В современной западной экономической мысли представляется близкой по подходам философии хозяйства институциональная теория, которая дает более объемное видение хозяйственной деятельности, расположившись на стыке экономической теории, философии, истории и права. Основным ее понятием является «институт», под которым понимают, во-первых, правила, нормы, регулирующие поведение человека, создающие условия для его стабильного существования и воспроизводства; во-вторых, господствующий способ мышления, а также стереотипы поведения, общественные привычки, народные предрассудки; в-третьих, коллективные действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия; в-четвертых, словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев; в-пятых, правило, или совокупность правил, имеющее внешний механизм принуждения индивидов к его исполнению.

Существуют различные разновидности институционализма, порой значительно различающиеся по отдельным аспектам своей теории. В настоящее время набирает силу так называемый неoinституционализм (Д. Норт и Р. Коуз) и новая институциональная экономическая теория (О. Уильямсон), которые получили распространение и в нашей стране (А.А. Аузан, В.С. Автономов, Р.И. Капелюшников, В.Л. Тамбовцев, А.Е. Шаститко и др.). На первый взгляд, новый институционализм — совершенно новое направление. На Западе он получил распространение чуть более трети века назад. Однако необходимо сделать некоторые уточнения, которые бы прояснили его происхождение (генетические корни).

Во-первых, неoinституционализм использовал базовые идеи институциональной теории (Т. Веблен, У. Митчелл и др.) и продолжил традиции социальных наук прошлого. Так, в XIX в. немецкий социолог М. Вебер, используя деятельностный подход при определении общества, связывает его с возникновением устойчивых смысловых связей в обществе. У Э. Дюркгейма общество, возникая как результат многообразных взаимодействий индивидов, образует внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность. Или уже в XX в. у американского социолога Т. Парсонса социальная система любого масштаба предполагает существование неких, разделяемых всеми, общих ценностей и нормативных стандартов.

Во-вторых, принципиальным отличием неоинституционализма от неоклассической экономической теории и институционализма является фактор неопределенности при построении модели человека. Фактор неопределенности вызван ситуацией ограниченной рациональности, которая в свою очередь распадается на такие компоненты, как ограниченность внимания, ограниченность интеллекта и несовершенство информации. Другим важным моментом, различающим неоинституционализм и институционализм, является объяснение института не как совокупности стереотипов мышления, поведения, правил, а как формальных и неформальных правил, созданных людьми и выполняющих для них функцию ограничений в ситуации выбора.

Неоинституционализм активно развивается в нашей стране, в том числе и благодаря специфике русской духовности, для которой характерна размытость границ между сознанием и бессознательным, поскольку «коллективно-бессознательное русского народа лежит как бы ближе к поверхности сознания... оно не так вытеснено из сознания, не так проработано сознанием, как на Западе» [2, 732]. Поэтому совершенствование неоинституциональной теории в плане ее реалистичности связано с изучением бессознательных факторов и архетипов как коррелятов бессознательного при построении институциональной модели человека.

Институционализм и его продолжение в форме неоинституционализма являются существенным шагом вперед в плане объяснения хозяйственной деятельности, по сравнению с кейнсианством и неоклассической экономической теорией, поскольку они рассматривают не просто абстрактного человека, нацеленного на максимизацию прибыли при минимизации издержек, а стремятся исследовать особенности поведения хозяйствующего субъекта как принадлежащего определенной социальной группе, этносу, культуре, придерживающегося соответствующей морали, в условиях конкретно-исторической ситуации. Институциональная теория существенно расширяет категориальный аппарат экономической теории, вводя в активный оборот такие понятия, как способ мышления, стереотипы, предрассудки, обычаи, интересы личности, нравственные предпочтения, символы и т. д. Кроме того, институционализм анализирует функции, которые выполняют институты. Это, прежде всего, наиболее общие функции, такие как опосредование в отношениях взаимодействия между индивидом и миром и, близкая ей по содержанию, координационная функция, а также более конкретные функции ограничителя поведения и формирования предпочтений, понижения степени неопределенности для человека и защитная функция. Такой многоаспектный подход к индивиду позво-

ляет решать вопросы психологической комфортности человека, сохранения его здоровья и природной среды, защиты от других внешних угроз. Однако имеются и «слабые места» в институциональной теории, которые не позволяют ей претендовать на роль эпистемологической базы. Прежде всего, институционализм плохо адаптирован к российской действительности, ее многоукладной экономике, существующей системе ценностей и жизненных ориентиров. Используемые в институционализме модели являются односторонними экономическими системами. Несмотря на то, что институциональная теория исследует такие важные явления хозяйственной жизни, как нелегальная экономика, бюрократизм, трансакционные издержки, она не изучает онтологические корни этих явлений, не выявляет скрытых смыслов. Это способна сделать только философия хозяйства.

В качестве другого современного аналога философии хозяйства может быть представлена «этическая экономия», разрабатываемая немецким мыслителем П. Козловски, представителем культурно-социологического подхода к изучению хозяйства. По словам П. Козловски, «этическая экономия объединяет этические и экономические суждения, соответствует политической экономии и дополняет ее» [3, 7]. Необходимость объединения экономического и этического подходов при изучении человеческой деятельности вытекает из самой ее природы, предполагающей как экономическую, так и этическую ориентацию поведения человека. С точки зрения П. Козловски, этическая экономия представляет собой нечто большее, чем результат суммирования экономической науки и этики. Позднее к экономике и этике он добавил эстетику, определив в качестве трех главных ценностей культуры и хозяйства эффективность, нравственность и красоту [3, 148]. Ценность для философии хозяйства представляет анализ взаимоотношений экономики и культуры, прежде всего в аспекте влияния на экономику культурных и этических норм и ценностей.

Несмотря на большие эвристические возможности представленного подхода к пониманию современной науки о хозяйстве, он имеет и существенные недостатки. Во-первых, теория хозяйства фактически сводится лишь к двум сторонам жизни: экономической и этической. Во-вторых, хозяйственная деятельность основывается на теории рациональной деятельности в том виде (узкоспециализированном), в каком ее разрабатывает микроэкономическая теория. В-третьих, предлагаемый рационалистический инструментариум сочетается, по словам самого П. Козловски, с такими направлениями этики, как кантовская этика и утилитаризм, однако ничего не говорится о возможностях его использования в сопряжении с другими этическими концепциями. В-четвертых, утверждая, что наука о хозяйстве в своем самоопределении

колеблется между естественной и социальной, или гуманитарной, наукой, П. Козловски естественнонаучный аспект редуцирует к механике и, тем самым, излишне упрощает механизм хозяйственной деятельности.

В современной российской мысли можно выделить следующие основные подходы к трактовке философии хозяйства: философская дисциплина, изучающая хозяйство через призму онтологии, космологии и антропологии; междисциплинарное образование, расположившееся на стыке экономической теории, философии, истории и права; наука хозяйственная, а затем уже философская; этическая экономия; модифицированная политическая экономия; экономическая концепция, использующая теологический подход. Несмотря на такое многообразие и отсутствие единого методологического основания, рассмотрим взаимоотношения философии хозяйства и экономической теории в различных сферах. Одной из таких областей является проблема человека.

Философская модель человека, представляемая исследователем, отражает его общую мировоззренческую установку, т. е. зависит от того, что выдвигается в качестве высшей ценности, определяется в качестве смысла жизни, в то время как рабочая (экономическая) модель человека основана на сложившихся исследовательских конвенциях, которые далеко не всегда в полной мере соответствуют мировоззрению исследователя. На этой основе возникает различие между философской и экономической моделями человека.

Экономическая модель человека, так же как и философская модель, учитывает природную сторону человека, принимая во внимание биологическую наследственность, непосредственно не зависящую от социального окружения. Однако отношения между природным и социальным в экономической модели рассматриваются как данность.

При философском подходе к человеку его духовная сторона проявляется в разумном, моральном и эстетическом поведении (разумность, моральность, эстетизм — основные характеристики человека как существа социального) и при рациональном выборе предполагает движение по направлению к таким высшим человеческим ценностям, как истина, добро и красота.

В отличие от философского рассмотрения человека, экономическая теория имеет дело с характеристиками, связанными с оптимальным результатом — максимизацией целевой функции при данных ограничениях.

Очевидно, что философский подход к пониманию человека предполагает большее разнообразие и индивидуальность по сравнению с экономическими системами, где в каждый данный момент существует

конвенция или набор конвенций относительно ограничений, связанных с характеристиками человека, которые не вписываются в логику модели, а также системы моделей.

В экономической науке модель человека есть изолирующая абстракция, обостряющая специфические черты поведения человека. Поэтому объективно существует несоответствие между философской и экономической моделями человека.

Существенным изъяном экономической модели человека с точки зрения этического подхода является ее интерпретация рациональности, которая означает максимизацию целевой функции при существующих ограничениях. При таком подходе отсутствует содержательная оценка разумности как цели, так и средств хозяйственной деятельности. И то, что является рациональным в определенных узких границах, может быть вовсе не рациональным с точки зрения универсальных человеческих ценностей. Кроме того, «экономический подход не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими... такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны, и выбором сорта кофе — с другой» [4, 29]. Экономический человек выступает, прежде всего, в роли потребителя различных благ, при этом все остальные его стороны жизни оказываются за рамками рассмотрения. Ограниченность бытия экономического человека (как он понимается в неоклассической экономической теории) обусловлена следующими объективными обстоятельствами: мир как хозяйство заменен миром потребления; человек превращен в функцию процесса потребления; удовлетворение бесконечных потребностей представлено как цель экономической деятельности; многообразный мир общественных потребностей сведен к материальным потребностям индивида; крайний индивидуализм и принижение значения духовной жизни человека; «постоянное сравнение предельных издержек и предельных выгод как высшее проявление экономического мышления» [5, 96—98]. Такой подход, конечно же, обедняет представления о человеке и не раскрывает его подлинной природы как субъекта хозяйства.

Кроме проблемы человека и различных аспектов его жизнедеятельности, сферу пересечений интересов экономической теории и философии следует искать в области экономической методологии. Данное положение подтверждают слова В.С. Автономова, написанные им в предисловии к книге М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют», что «в экономической теории методологические проблемы в принципе стоят острее, чем в других общественных науках, поскольку, благодаря использованию модели человека, максимизирующего целевую функцию, и связанного с ней мате-

матического аппарата, степень абстрагирования от реальности в ней намного выше, и теоретические модели могут развиваться до некоторой степени независимо от объясняемых и моделируемых явлений» [6, 11]. Действительно, под влиянием неопозитивизма (К. Поппер), а позднее постпозитивизма (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд) и постмодернизма (Д. Макклоски) в экономической теории и ее методологии произошли значительные изменения, которые, по мнению известного экономиста-методолога О.И. Ананьина, могут быть сведены к следующему: во-первых, «методология из преимущественно нормативной... стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности»; во-вторых, «радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки» [7, 136]; в-третьих, «изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки... уступал место новым представлениям, рисующим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным» [7, 136]. Таким образом, экономическая наука трансформировалась в сторону метанаучных (философских) представлений об экономической реальности, а круг ее интересов включил в себя как онтологическую, так и эпистемологическую проблематику — анализ экономического знания и познания.

Между философией хозяйства и экономической теорией существуют не только точки пересечения, но и противоречия. Так, в основе неоклассической экономической теории лежат три основные взаимосвязанные идеи: идея равновесия, идея возможности математически строгой интерпретации экономических явлений и идея чистой экономической науки. Идея чистой экономической науки предполагает исключение из ее предметного поля всяких ненаучных знаний, двусмысленностей (метафизики), мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами. Однако, борясь за предметную чистоту, неоклассическая теория сама приходит к мифологизации числа, последствием которого является механицизм. Излишняя математизация экономической теории приводит к тому, что она абстрагируется от реальной экономической жизни и теряет ее предметную определенность. Точнее, предмет экономической теории приобретает свойства условности, парадоксальности, искусственности. Как написал известный западный экономист Кеннет Дж. Эрроу в работе «Возможности и пределы рынка как механизма распределения ре-

сурсов», «выводы неоклассической теории справедливы только при выполнении определенных, возможно, чрезвычайно опрошенных предпосылок, касающихся экономической сферы, а также общественных и частных предпочтений» [8, 56]. Все условности, искусственности в неоклассической теории появляются потому, что она превращает ценовой механизм спроса и предложения в единственный и абсолютный механизм движения экономической реальности, считая все остальные аспекты экономической жизни вторичными и производными от вышеуказанного. Философия хозяйства не строит искусственных моделей, абстрагированных от реальной действительности и базирующихся на ограниченных предпосылках. К тому же философия хозяйства рассматривает хозяйство как организм, в отличие от неоклассики, трудности которой обусловлены тем, что «идеи и закономерности, почерпнутые из анализа механической части айсберга экономической реальности, она пытается распространить на подводную часть, которая в существе своем немеханистична, а скорее органична» [8, 67]. Неслучайно в рамках неоклассической теории не получили адекватного разрешения такие проблемы, как соотношение микро- и макроэкономики, спрос и предложение денег, случай несовершенной конкуренции.

Многие западные экономисты считают, что экономическая теория превратилась в царицу социальных наук. Это единственная отрасль социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия. «Она удостоилась издания фундаментального четырехтомного энциклопедического словаря, насчитывающего 4 миллиона слов, через которые как нить Ариадны проходит мысль о том, что экономическая наука, наконец, вышла за узкие пределы ее прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права» [9, 265]. Тем не менее сами же экономисты признаются в том, что без философии экономическая теория была бы беспомощной в методологическом плане и далека от понимания целостного человека.

Подводя итоги, следует отметить, что философия хозяйства играет важную роль в формировании отечественной экономической теории. Во-первых, она позволяет рассматривать экономическую сферу как часть, фрагмент более широкой реальности, тем самым показывая ее связи с другими неэкономическими областями. Соответственно философия хозяйства расширяет горизонты экономической теории, раскрывает роль неэкономических факторов при описании поведения субъекта хозяйства. Во-вторых, философия хозяйства, подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического бытия, выявляет его

скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития. В-третьих, философия хозяйства формирует реальное мысленное поле, в рамках которого совершаются акты научного познания, нацеленные на комплексное социоэкономическое объяснение явлений и процессов, системный подход, учет специфики российской духовности. В свою очередь, экономическая теория на примере модели человека обостряет его специфические черты поведения (эгоизм, альтруизм, рационализм) и дает возможность философии хозяйства получить представление о человеке «практическом», выявить новые свойства и факторы, определяющие поведение человека, и тем самым получить целостную картину о человеке.

Литература

1. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. 2. Вып. 4.
2. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // Философы России XIX—XX столетий. М., 1995.
3. *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб., 1999.
4. *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1.
5. *Фадеечева Г.В.* Мифологичность бытия «экономического человека» в свете философии хозяйства // Философия хозяйства. 2001. № 6.
6. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
7. *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10.
8. *Эрроу К.* Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2.
9. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Ю.М. Осипов как создатель новой парадигмы стоимости

Аннотация. В статье раскрыта сущность новой парадигмы стоимости Ю.М. Осипова. Ее методологические основания заключаются в трансцендентной, а не в эмпирической природе стоимости. Стоимость выступает как трансцендентная сущность любой экономики, но при этом сущность, которая изменяется. Эти изменения в сущности стоимости порождают изменения типов экономики (хозяйства). Осипов открыл смену сущностных форм исторического бытия стоимости на этапах смены общественных формаций.

Ключевые слова: новая парадигма стоимости Ю.М. Осипова, трансцендентность стоимости, сущностные формы исторического бытия стоимости, предстоимость, стоимость, послестоимость, «приговор» политической экономии.

Abstract. The article reveals the essence of the new paradigm of value created by Yuri M. Osipov. The fundamental principle is not empirical, but transcendental nature of value. Value is considered as the transcendental essence of any economy, but the essence to change. Osipov has opened the evolution in the historical patterns of value caused stages of change in social formations.

Keywords: the new Osipov paradigm of value, transcendence of value, the value historical patterns, pre-value, value, post-value, «verdict» of political economy.

Ю.М. Осипов убедительно показал несостоятельность материалистическо-эмпирического субстанциализма стоимости и обосновал его полное преодоление. Материалистическо-эмпирический субстанциализм был заимствован классической политической экономией от философии материализма. Для того же аристотелевского видения субстанции было характерно выделение некоего общего и материального субстрата, присущего некоей совокупности однородных и единичных явлений. Положенную дань аристотелианству отдали все классики политической экономии, сведя предмет политической экономии к общественному материальному богатству, а общественное богатство — к совокупности товаров, денег, ценностей. Пытаясь найти то материальное общее, что характерно массе этих разнородных предметов, универсальным свойством которых была для политэкономов их всеобщая обмениваемость, а следовательно, и некий «сидящий в них всеобщий эквивалент», классики политической экономии, назвав это свойство стоимостью, откры-

ли ее материальный-де субстрат, или субстанцию — затраты труда, понимаемые как усредненные общественные издержки производства.

Такой подход находим у классиков политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля, хотя, нужно заметить, он не был всеобщим и даже подвергался весьма острой критике со стороны философии идеализма или дуализма. Беркли, Гегель, Фихте, Шеллинг, Соловьев и другие критиковали материалистов за «глумление над нематериальной субстанцией». В отличие от материалистов (Декарт, Спиноза, Вольтер), которые пытались найти в реальных явлениях только материальную субстанцию и признавали бытие сугубо материальной субстанцией, идеалисты и дуалисты признавали бытие, онтологию как материальной, так и идеальной, или духовной, субстанцией. Последней они придавали и определяющее значение.

Идеальная субстанция у того же Беркли есть также трансцендентная субстанция, т. е. нечто, находящееся вне вещи или явления, но движущее ими, тогда как материальная субстанция есть нечто, внутренне присущее, или имманентное, вещам и явлениям — как единичным, так и родовым, что определяет существенные свойства, или сущностные качества, вещей и явлений. Беркли полагал, что тщетно искать подлинную, внутреннюю сущность внутри каждой вещи, что внутренняя сущность вещей не есть их материальное или идеальное имманентное, а потому вообще имманентное, внутренне присущее вещи не может быть причиной движения. Далее, внутренняя сущность — как идеальная, трансцендентная субстанция — не нуждается в материальном носителе (точнее, создает себе и для себя требующиеся материальные носители либо материально-идеальные носители, которые вступают во взаимодействие с трансцендентной субстанцией, что означает, по Беркли, мировое со-творчество) [1, 184]¹. Все это не значит, что трансцендентное непознаваемо, а познаваемо лишь имманентное. Трансцендентное обнаруживает себя в своих материальных носителях, в различной степени приоткрываясь познающему и действующему субъекту. Отсюда сущность не есть что-то имманентное (материальное или идеальное), а есть трансцендентное, либо то, что на границе имманентного и трансцендентного. Имманентное есть не сама по себе сущность, а лишь существенное качество вещи. Иными словами, Беркли — в отличие от материалистов (типа Аристотеля, Вольтера, Декарта,

¹ Примерно так понимает хозяйство С.Н. Булгаков — как поле совместного творчества людей и Бога. Имманентная материальная субстанция не нуждается в субъектности и субъекте, что и послужило скрытой причиной изгнания из экономической науки человека.

Спинозы), а также и от идеалистов (типа Канта) — помещает духовное в область такого же действительного и естественного, что и материальное, тем самым осуществляя синтез натурфилософии и метафизики. Отличительной особенностью метода Беркли является различие сущности и существенных качеств, т. е. по сути выделение сущностей первого и второго порядков, которые рассматриваются не изолированно, а во взаимодействии. Сущности первого порядка (трансцендентные) — неизменны. Сущности второго порядка — имманентные — изменяются, они развиваются в движении сущностей. При этом сущности второго порядка нуждаются в носителе, и сами являются носителями сущностей первого порядка. При таком «раскладе» трансцендентное и сущность трансцендентного есть не что иное, как *имманентное* (или «существенное качество») *метафизического объекта* [1, 186]. «...Все мироздание есть произведение мудрого и благого деятеля», в котором присутствуют следы, отпечатки метода и смысла творца. Стало быть, сущность включает в себя момент телеологии, конечного целеполагания, обнаруживаемого на уровне трансценденции. Сущность есть необходимость и «конечная цель вещей» [1, 186, 187, 107]. Тем самым, трансценденция сущностей первого порядка теснейшим образом связана с телеологией (целеполаганием Творца или конечным целеполаганием социально объединенного творящего субъекта).

Идеи трансцендентности, иерархии и телеологии сущности воспринимает философия хозяйства, которая выделяет в проекции на экономику три уровня бытия сущностей: идеальное, идеально-хозяйственное, материально-хозяйственное. У С.Н. Булгакова, в частности, это находит выражение в понимании им метода философии хозяйства как синтеза трех методологических подходов — «научно-эмпирического, трансцендентально-критического и метафизического» [2, 50]. Булгаков в своей философии хозяйства — как альтернативе современной ему политической экономии — выделяет трансцендентные сущности первого порядка (небесная София, хозяйство Бога); трансцендентно-имманентные сущности второго порядка — (земная София, стоимость); имманентные сущности третьего порядка — (общественный труд).

С позиций философии хозяйства становится понятной методологическая узость классической политической экономии. В ней, прибегнув к берклианской терминологии, вполне можно усмотреть «учение о материи, или телесной субстанции» [1, 179] хозяйства².

² С.Н.Булгаков в «Трудах о троичности» [3, 135] отметил, что И. Дамаскин в «Диалектике» дает перечень аристотелевских категорий, которые совсем не

Иначе говоря, в методе классической политической экономии преобладал и оказывал формообразующее влияние философский материализм.

Вместе с тем следует отметить, что «материализм» классической политической экономии никогда до конца не выдерживался, а постоянно давал «идеалистические сбои». То и дело на поверхность проскальзывала нематериальная, идеальная сущность стоимости, хотя бы уже в самом понятии абстрактного труда. Тот же Смит имплицитно подходил к нематериальной субстанции стоимости, говоря о феномене «невидимой руки» рынка.

У К. Маркса можно выявить три уровня интерпретации стоимости. На имманентном уровне Маркс сводил стоимость к абстрактному труду, или к затратам общественно-необходимого труда, средним издержкам производства. На имманентно-трансцендентном уровне он характеризовал стоимость как товар, деньги, капитал, в то же время полагая невозможным целиком свести ее ни к товару, ни к деньгам, ни к капиталу, ни к «самовозрастающей стоимости». Маркс чувствовал, что за стоимостью стоит сущность первого порядка, которую нельзя раскрыть средствами господствовавшей политической экономии. Маркс видел трансцендентную природу стоимости, указав на ее фетишизм и ее эсхатологию. Совершенно примечательным и совершенно игнорируемым, упорно не замечаемым в период всеобщего почитания Маркса в советское время был отрывок из первого тома Капитала, в котором Маркс, показывая телеологию стоимости, обращается к Откровению Св. Иоанна Богослова (Апокалипсису), явив миру красноречивую попытку соединения эмпирической науки и библейского учения³.

«Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во *всеобщий эквивалент*. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они стоимости. Тем самым нату-

содержат категории личности: 1) *субстанция*, 2) количество, 3) отношение, 4) качество, 5) время, 6) место, 7) положение, 8) состояние, 9) действие, 10) страдание (субординация, подчинение). Заметим, первой из безличностных категорий значит *субстанция*.

³ Сведение сущности как трансценденции к телеологии также было характерной особенностью идеалистической философии.

ральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами. *«Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. ...И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его (Апокалипсис)»* [4, 96].

Итак, гений классиков политической экономии привел к открытию феномена стоимости как остова и основы внутренней (имманентной) товарно-денежной организации производства. Вклад Маркса в развитие теории стоимости заключался в том, что он «выхватил» из классической политической экономии системную (системно-специфическую), свойственную ранней стадии развития капитализма (трансцендентно-имманентную) сущность стоимости как денег, капитала (сущность второго порядка) и показал конечную стадию, смысловой, эсхатологический финал в движении этой сущности. Принципиально новым тут было открытие историзма в движении сущностей стоимости.

Вместе с тем Маркс абсолютизировал свойственное лишь начальной стадии развития капитализма как высшей ступени развития товарного производства сведение сущности стоимости к абстрактному труду⁴. Отчасти это имело подоплекой историческую неразвитость форм стоимости во времена Маркса, отчасти политические цели.

Сведение стоимости к абстрактному труду было во многом обусловлено особенностями проявленности стоимости на этапе становления капитализма. Оно действительно работало на том историческом этапе хозяйственного развития человеческого общества, когда стоимость была подчинена хозяйству и играла вспомогательную роль в обслуживании товарного производства и обмена. Именно на этом этапе стоимость могла быть сводима к сгусткам общественного труда, поскольку именно общественный труд, разделение труда были доминантными формами общественного бытия стоимости.

Заметим, что Маркс показал путь преодоления апокалиптической эсхатологии стоимости, желательный не только в интересах угнетенного рабочего класса, но и в интересах сохранения всего человечества — спасительную перспективу развития стоимости, альтернативную разрушительной апокалиптике капитализма. Тем не

⁴ До вскрытия сущности стоимости первого порядка Маркс не дошел, хотя и указал на телеологию стоимости. Он был фактически близок к открытию трансцендентной сущности стоимости.

менее в течение исторического бытия политической экономии как в эпоху капитализма, так и в период социализма, а также в ходе уже постмодернистских перипетий (финансовой трансформации, транснационализации, глобализации) об этом фундаментальном достижении марксистской политэкономии почти забыли.

Выглядит парадоксальным, если не попросту абсурдным, что политическая экономия социализма, марксистская вроде бы по сути своей, или по крайней мере заявлявшая о своей приверженности к марксизму, взяла за основу своей теории стоимости не Марксову ее трактовку со всеми сложностями, иногда и противоречиями, а вполне «простую» трудовую теорию стоимости, которая на самом деле унаследовала домарксистский постулат абсолютного, внеисторического характера стоимости как общественно-полезного труда. При этом были выброшены за борт и трансцендентность, и метафизика, и эсхатология, и телеология стоимости.

И только в трудах Ю.М. Осипова теория стоимости получила новое развитие, причем по сути своей новоклассическое. Фундаментальные достижения Ю.М. Осипова, как нам представляется, заключаются в следующем.

- *Во-первых*, он переосмыслил сам предмет экономической науки. Исходным тезисом Ю.М. Осипова как создателя парадигмы новой теории стоимости от философии хозяйства было положение о том, что сущностью экономики является стоимость (не производственные отношения, не производительные силы, не способ производства, не деньги, не капитал, не товарное производство, а именно *стоимость!*). Это — отправной пункт, задающий не только всю онтологическую и методологическую конструкцию экономической науки, но и формирующий новую парадигму самой стоимости. В трудах Ю.М. Осипова убедительно показано, что категория стоимости характеризует исторический смысл экономической детерминации производства, является субстанцией экономической организации хозяйства, основной, базовой и системообразующей категорией всей экономической детерминации. Стоимость есть «экономическая субстанция экономики, ее первооснова» [5, 67].

- *Во-вторых*, Ю.М. Осипов показал ошибочность прежних методологических подходов, свойственных политической экономии, которые стремились «расшифровать» стоимость, раскрыть ее путем сведения к чему-то иному, в особенности материалистическому иному, ноуменальному — труду, абстрактному труду, затратам рабочего времени, к той же полезности. Все это выхолащивало смысл

стоимости как системообразующей категории экономической детерминации. По мнению Ю.М. Осипова, «экономика это стоимость», которая не имеет никакой другой субстанции, чем сама стоимость [6, 147]. Стоимость не сводима ни к какому материальному, ни к универсальному, ни любому иному субстрату.

• *В-третьих*, Ю.М. Осиповым впервые ясно, открыто и безапелляционно был поставлен вопрос о трансцендентной природе стоимости. Трансцендентность стоимости заключается в признании «идеальной природы стоимости» [6, 201] и «реальной возможности ее (стоимости) вполне самостоятельного бытия» [6, 201]. Трансцендентная сущность стоимости выражена в формуле: «Стоимость не нуждается ни в какой иной по природе субстанции, чем сама стоимость» [7, 117]. Ю.М. Осипов со всей научной точностью, тщательностью и убедительностью открыл и раскрыл «самостоятельность» стоимости как триединой сущности.

В его новой парадигмальной конструкции можно увидеть, что стоимость троична и состоит из трех сущностей⁵. Сущность первого порядка — стоимость как стоимость, работающая трансценденция. Сущность второго порядка раскрывается через исторические формы бытия стоимости (товар, деньги, капитал, финансовые технологии)). *«Ни тебе трудовой стоимости, ни тебе полезности... ибо никакой труд и никакая полезность вообще себя никак не измеряют и ценности своей не определяют, а определяют, только становясь формой капитала, то есть самовозрастающей стоимостью»* [5, 213, 214]. Сущность третьего порядка раскрывается логически через формы кругооборота, «круговращения» (Флоровский) стоимости. При этом в определение стоимости заложена телеология: «стоимость как экономическая субстанция экономики, ее первооснова» [5, 67], которая «в своем движении тяготеет к превращению в суперстоимость, или сверхстоимость» [5, 74].

Как нам представляется, сильнейшее влияние как на философию хозяйства С.Н. Булгакова и ее методологические основания, так и на теорию стоимости Ю.М. Осипова, в основе которой троичная сущность стоимости, ее трипостасность, оказало святоотеческое

⁵ Трансцендентный характер стоимости в трактовке Ю.М. Осипова выражается также, во-первых, в следующей триаде: «Стоимость есть одновременно субстанция, отношение и оценка». Во-вторых, он полагает, что «реальное оценочное действие выходит за рамки обмена и совершается преимущественно не им». «Самое важное и интересное происходит не в обмене, а за его пределами» (см. [6, 109; 7, 117]). На наш взгляд, это были отправные, исходные, еще не вполне развитые положения, которые были развиты до конструкции стоимости как трипостасной сущности.

учение о сущности как единосушной триаде. Г. Флоровский прозорливо заметил, что святоотеческое учение о сущности в корне противостояло латинско-римскому учению о субстанции. По мнению Флоровского, «субстанция в традиции латинской святоотеческой философии — в отличие от греческой — всецело объектна, а не субъектна, и всецело материальна. Она — общее в материальных явлениях, т. е. абстракция, имеющая материальную природу». Отсюда как раз и попытка классической политической экономии представить абстрактный труд как субстанцию стоимости, а потому познавательный прок от выделения самой по себе субстанции был невелик, ибо таковая не может быть причиной движения, да и саму сущность как первопричину не раскрывает. (Ср. осиповское «Ни тебе трудовой стоимости, ни тебе полезности... ибо никакой труд и никакая полезность вообще себя никак не измеряют и ценности своей не определяют, а определяют только становясь формой капитала, то есть самовозрастающей стоимости // ценность... определяется борьбой... цифр» (см. [5, 213—214]).

В стоимостной парадигме Ю.М. Осипова, на наш взгляд, вполне работают следующие идеи святоотеческого учения: (1) идея единосушности и триипостасности стоимости, (2) идея рождения форм стоимости, (3) идея раскрытия ипостасей стоимости, (4) идея кругооборота, «круговращения» стоимости как «священного кольца», в котором движется и раскрывается сущность стоимости⁶, (5) идея иерархии сущностей стоимости и иерархических центров. Сущность стоимости — триада. Первый ипостась триады — стоимость как сущее, как что-то вечное, неизменное, социальное, самостоятельное, трансцендентно-имманентным свойством которого является самовозрастание (стоимости). Второй элемент триады — стоимость как «рожденная сущность» [5, 218, 216; 8, 51] — стоимость-товар, стоимость-деньги, стоимость-капитал, стоимость-финансовый капитал и т. д. Третий элемент триады — дух стоимости, или дух-стоимость, который раскрывается в кругообороте сущностей стоимости. Вместилищем этого духа являются деньги, затем финансы, затем технофинансы, которые ипостазированы, получают субъектных носителей в лице финансово-иерархических центров.

Сущность стоимости была осмыслена Ю.М. Осиповым заново, и предстала она совершенно иной, чем это виделось Марксу, политической экономии или видится экономиксу.

⁶ Идеи «круговращения» (Г. Флоровский [8, 51]), «священного кольца» (С.Н. Булгаков [3, 95]) восходят также к святоотеческому учению.

Маркс определял сущность стоимости тройко, как содержание:

1) измеряемое количеством труда, заключенного в товаре (имманентное, имманентная сущность (сущность третьего порядка); 2) вытекающее из отношений обмена (трансцендентное), воплощенное (материализованное) в деньгах в их функции всеобщего эквивалента в отношениях обмена (имманентно-трансцендентная сущность, сущность второго порядка); 3) вырастающее из смысла движения стоимости (стоимость — самовозрастающая стоимость) (трансцендентное начало, сущность первого порядка).

Примечательно, что у Маркса стоимость как сущность первого порядка, как мы показали выше, была только контурно обозначена, что привело в итоге к тому, что стоимость как трудовая субстанция, или сущность третьего порядка, на деле заняла первое место в иерархии сущностей. Ю.М. Осипов первый из экономистов восстановил порядок в иерархии.

• *В-четвертых*, принципиальным методологическим новшеством новой парадигмы (дискурса) экономической науки как науки о стоимости является открытая Ю.М. Осиповым *внутренняя трансформация сущности экономики, т. е. стоимости*. До него аксиоматически предполагалось, что стоимость как сущность любого товарного производства, а тем самым и любой экономической системы (капитализма, социализма, смешанных формаций), остается неизменной и сводится к сгусткам абстрактного, или общественно-необходимого, труда⁷. Ю.М. Осипов первый из политэкономов убедительно показал, что это не так. В его трактовке стоимость выступает как трансцендентная и ноуменальная сущность любой экономики, а не эмпирическая и феноменальная, но при этом сущность, которая изменяется. Эти изменения в сущности стоимости порождают изменения типов экономики (хозяйства). Осипов открыл *смену сущностных форм исторического бытия стоимости* на этапах смены общественных формаций. Он выделил три смыслово-значимых этапа развития хозяйственных формаций — премодерн, модерн, постмодерн, которым соответствуют пред-стоимость, стоимость и после-стоимость (или сверхстоимость).

⁷ Это положение верно лишь в той степени, в какой категория абстрактного труда указывает на общественную, социальную природу стоимости, стоимости как способа объединения усилий субъектов хозяйствования в единый хозяйственный механизм, или организм. Однако какой тип организации или самоорганизации социальной системы таит в себе стоимость, на этот вопрос сведение стоимости к абстрактному труду ответа не дает, напротив, она закрывает для дальнейшего изучения данную проблему.

На первой исторической стадии развития стоимости (*стадии предстоимости*, простого товарного обмена), когда один товар непосредственно обменивался на другой товар, стоимость присутствовала в отношениях обмена *неявно*, как мысленное количество товара, которое владелец (собственник) одного товара хотел получить взамен у собственника другого товара.

С появлением денег *предстоимость стала стоимостью*, что знаменовало переход ко *второй исторической форме стоимости*, появилась цена товара как стоимость его, выраженная в деньгах. Затем, с развитием товарного производства и обмена, когда уже не товар стал исходной и конечной точкой обмена, а деньги, т. е. деньги превратились в капитал, формулой движения стоимости стала: *деньги (капитал) — товар — деньги' (возросшие деньги)*. Таким образом, на этой стадии превращения денег в капитал как самовозрастающую стоимость (по мысли С. Сисмонди, цитируемой Марксом, «капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» [4, 122]), начали вызревать системные предпосылки нарушения принципа эквивалентности. Деньги все более отделяются от движения товаров, все более отрываются от товарообмена, реального производства, что выражают такие категории, как ссудный капитал, фиктивный капитал, биржевой капитал, спекулятивный капитал. Формулой движения ссудного капитала становится: *деньги — деньги' (возросшие деньги)*.

Формулой движения финансовой экономики (*третья стадия движения стоимости*) становится: *деньги — деньги' (возросшие деньги) — деньги'' (еще более возросшие деньги)*. Стоимость на этой стадии становится *сверхстоимостью*, а экономика *сверхэкономикой*, или финансовой экономикой [5, 74]. Стоимость как сверхстоимость и экономика как финансовая экономика все более расширяются, стремятся стать главенствующими. Ей, экономике, становится тесно в рамках национально-государственной формы организации экономики, которая превращается в тормоз, препятствие росту стоимости. Возникает транснациональный сектор экономики как альтернатива национально-государственному. Он представлен прежде всего системой транснационального производства в лице транснациональных корпораций, а также мировой системой финансовых центров и транснациональных органов регулирования. В результате данных процессов происходят также качественные изменения в природе денег. Деньги становятся *глобальными*, или транснациональными. Указанные изменения характеризует формула: *глобальные деньги — финансовые технологии — Д' (возросшие*

глобальные деньги). На этой стадии сущность стоимости (как сверхстоимости) изменилась кардинально.

Стоимость из «служанки превратилась в очевидную госпожу» [6, 160]. Более зримой, проявленной стала и трансцендентность стоимости, и ее субъектность, а также раскрылась такая новая данность, как трансцендентная субъектность стоимости.

- *В-пятых*, неразрывно с постулатом трансцендентности стоимости связан постулат о ее субъектности. Методологический прорыв Ю.М. Осипова — введение категорий, характеризующих субъектность стоимости. К ним относятся категории «стоимостного центра» и «собственности на стоимость»⁸. В том же направлении работает раскрытие в стоимости связи трансцендентного и транснационального начал.

Категория сверхстоимости характеризует перерастание экономики в финансовую экономику с первенством финансов. Далее, категория сверхстоимости предполагает существенную методологическую разницу в трактовке стоимости по сравнению с любой из известных парадигм стоимости. Новизна заключается в субъектности стоимости, которая проявляется через организацию системы глобальных финансово-стоимостных центров. Транснациональная субъектность выступает как проявление трансцендентности. Стоимость предстает как «транснациональный и одновременно трансцендентный суперкапитал, изливающий стоимость на мировое хозяйство» [6, 155]. Тем самым Ю.М. Осипов, взяв из классической политической экономии натурфилософский и метафизический критический аппарат, характеризующий кругооборот капитала и стоимости, показал, как устроен и работает современный стоимостной механизм (дирижизм, самоорганизация, ультра-стоимостизм).

- *В-шестых*, Ю.М. Осиповым произнесен «приговор» политической экономии. Он доказал, что именно по причине внутренне присущего политической экономии упрощенчества она не может служить больше наукой о стоимости требуемого парадигмального качества.

Первым из политэкономов и философов, кто системно подверг критике «экономизм» и «материализм» как методы политической экономии был создатель философии хозяйства С.Н. Булгаков. Он обратил внимание на «незаконную попытку» политэкономии подменить собой философию, что закрыло путь для развития и политэкономии (обреченной на эмпиризм и математизм) и философии (обреченной на схоластику). «Незаконность» состояла в том, что

⁸ «Собственность на деньги как частный случай, форма реализации собственности на стоимость» [7, 115].

политическая экономия, будучи односторонне эмпирико-материалистической наукой, попыталась возвести свой экономизм до степени всеобъемлющей философии экономизма. Преодолеть же узость разделенных между собой политической экономии и философии могла только философия хозяйства, коль скоро только в ней был возможен, по мысли С.Н. Булгакова, синтез трех методологических подходов — «научно-эмпирического, трансцендентально-критического и метафизического» [2, 50]; тогда как политическая экономия обладала только одним — научно-эмпирическим методом.

В книге «Обретение» Ю.М. Осипов заключает: «Наука (включая политическую экономию. — *Г.М.*) рождена не столько пытливостью и жадой познания, сколько демиургической потенцией, вдруг получившей право и возможность осуществиться. Метафизическая задача произвела на свет задачу физическую, и трансцендентность, вызвав из себя демиургическую имманентность, ушла в тень, уступив на свету место актуальной имманентности» (итак, метод науки, включая науку политической экономии, — это актуальная имманентность. — *Г.М.*). И далее — «человеку хозяйствующему потребовалась конструктивная определенность, чтобы реализовать демиургический замысел (вполне и трансцендентный, метафизический), перешедший в проект (столь же по краям метафизический и трансцендентный). А проект этот потребовал погашения метафизики и сокрытия от глаз и умов людских неустранимой трансценденции. Отсюда упор на имманентную, актуальную, поверхностную, закрепившуюся на свету и на свете физику бытия... открытие физики и закрытие метафизики... Наука — антиметафизический феномен, всюю объятый метафизикой» [5, 266—267].

Если С.Н. Булгаков показал, что историческое значение политической экономии заключалось в том, чтобы экономическому материализму придать значение исторического материализма (и философии истории, да и всей философии), то Ю.М. Осипов пошел намного дальше. Он раскрыл скрытую донныне метафизическую роль парадигмы политической экономии, установив, что парадигма политической экономии была метафизическим, трансцендентальным проектом, задачами которого были «переделка сознания» и изгнание метафизического и трансцендентного из сознания человека вообще, а не только из его научного сознания или из хозяйственного сознания. Далее, сам дискурс политической экономии, само появление ее как науки Ю.М. Осипов связывает с определенной метафизической,

идейно-политической задачей, а именно с задачей смены общемировой хозяйственной платформы, когда всеобщее, мировое экономическое мышление становится доминантным и подминает под себя религиозно-общинное, национально-хозяйственное [5, 267].

Следует заметить, что продвижение политической экономии в мыслительном и ценностном пространстве отнюдь не было насквозь триумфальным шествием. Была альтернатива в виде немецкой исторической школы. Да и глобально демиургический идейный заряд политической экономии немало осознавался ее оппонентами и критиками в самом начале становления политической экономии как науки. Так, Дж.Ст. Милль в «Эссе о некоторых непоставленных вопросах политической экономии», изданном в Лондоне в 1874 г., писал: «идеи А. Смита были восприняты положительно далеко не всеми, а только людьми мира и законодателями» [9, 85].

Ю.М. Осипов не только реабилитировал понятие стоимости, но и поднял на должную высоту ее методолого-парадигмальный статус. Получив адекватную реальности трактовку, стоимость стала продуктивным парадигмообразующим фактором. Ю.М. Осипов предложил новую парадигму стоимости — парадигму *мировой стоимости*, которая возможна только при использовании аппарата философии хозяйства и невозможна в рамках политической экономии в силу ее исторической, идеологической и методологической ограниченности.

Литература

1. Беркли Дж. Соч. М., 2000.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
3. Булгаков С.Н. Труды о троичности. М., 2001.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
5. Осипов Ю.М. Обретение. М., 2011.
6. Осипов Ю.М. Экономика Постмодерна, М., 2004.
7. Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. М., 2005.
8. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М., 2003.
9. Mill J.S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy, L., 1874.

А.В. ТАРАСОВ

Хозяйство — визуальное зеркало логоса *

Аннотация. В статье анализируются основы хозяйства и принципы взаимосвязи хозяйства и мира, а также космического логоса по труду С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и части древнеиндийской философии, посвященной человеку — Аюрведе. При этом хозяйство рассматривается как визуальное высказывание логоса в мире людей. Прослеживается становление философии хозяйства в русской философии. Анализируются принципы экономики дарения как исторического типа русского хозяйства; основы экономики социально-культурной деятельности, а также возможной новой экономики будущего человеческого мира.

Ключевые слова: визуальность, хозяйство, философия хозяйства, логос, потребление, производство, Аюрведа, дарение, экономика дарения, социально-культурная деятельность, со-страдание, благо-дарение, миссия.

Abstract. In article «The economy philosophy» and parts of the Old Indian philosophy devoted to the person — the Ayurveda is analyzed bases of economy and the principles of interrelation of economy and the world, and also space logos on S. N. Bulgakov's work. Thus the economy is considered as the visual statement of logos in the world of people. Formation of philosophy of economy in the Russian philosophy is traced. The principles of economy of donation, as historical type of the Russian economy are analyzed; bases of economy of welfare activity, and as possible new economy of future human world.

Keywords: vizualnost, economy, economy philosophy, logos, consumption, production, Ayurveda, donation, donation economy, welfare activity, compassion, gratitude, mission.

Хозяйство мы рассматриваем как визуальное высказывание логоса в мире людей. «...Надо отличать человеческий, точнее антропокосмический логос от ипостасного Логоса Божественного. Первый есть логос в мире, Премудрость, София, мировое зеркало Логоса, второй — премирное Божество, которое чудом истощания вочеловечивается в мир» [1, 104].

* Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 — 2013» в Центре кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета.

В интерпретации о. Сергия Булгакова космос выступает визуально в нашей реальности как воплощенный антропокосмический Логос, как хозяйство, который проходит как непосредственно через наше сознание, так и помимо него. Хозяйство мы видим, интерпретируем, живем в нем и его преобразуем. По словам В.П. Океанского, «...словесенный космос предстает в этом учении как хозяйство. Логика простейшая и одновременно глубочайшая, она не ограничивается потрясающим расширением сознания до практически отождествления онтологической и экономической сфер реальности, но отсылает на самом деле к Хозяину и его Воплощенному Первослову» [2, 202].

«Философия хозяйства» С.Н. Булгаков и Аюрведа.

Хозяйство: потребление и производство

Экономическое развитие последних лет требует более глубокого философского осмысления своих проявлений. Исследование экономики как философского явления не так часто занимало мысли философов. Наши размышления об экономике мы поведем вслед за великим русским философом, экономистом и священнослужителем Сергеем Николаевичем Булгаковым и его книгой «Философия хозяйства». Впервые книга была издана Булгаковым в 1912 г. как первая часть труда «Философия хозяйства». Вторая часть так и не была написана. Впоследствии продолжением С.Н. Булгаков считал изданную им в 1917 г. книгу «Свет невечерний». Основой экономики, или, словами С.Н. Булгакова, хозяйства, являются потребление и производство. Отдельные проявления хозяйства интересовали и индийских философов. Аюрведа как философская система, посвященная человеку, его жизни, здоровью, взаимоотношениям с природой и космосом, будет для нас также источником мысли.

По верному выражению С.Н. Булгакова, хозяйство — это взаимоотношения с природой, ее покорение: «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что — в самом широком и предварительном смысле слова — может быть названо хозяйством» [3, 85]. Аюрведа считает человека не только частью природы, но и индивидуальностью на фоне природы, взаимодействующей с ней для своего блага. «Мы существуем как индивидуальности на фоне нашей внешней среды — Матери Природы. Никто не может быть всецело индивидуальным, потому что наша индивидуальность обусловлена Природой» [4, 13].

Взаимоотношения человека и природы происходят либо как у человека потребителя благ природы, либо как у человека, активно взаимодействующего с природой, своим тяжелым трудом получающего ее

плоды. «Большинство из нас живут, ни в чем себя не ограничивая, часто потакая себе и ожидая при этом, что мир будет непрерывно угощать нас конфетками, а Природа будет давать достаточно пищеварительной силы, чтобы потреблять их. Большинство из нас называют это свободой. Однако истинная свобода — это способность приспособиться ко всему» [4, 14].

С.Н. Булгаков идет дальше и считает, что человек должен зарабатывать хлеб свой напряженным трудом, и этот труд является двигателем хозяйства, его основным признаком: «признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни, во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, т. е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом, не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» [3, 87]. Здесь Булгаков наметил через хозяйство глубокую связь в человеке физического проявления его жизни и духовного, мира материального (пища, одежда) и мира духовного (культура, религия).

Природа, окружающая человека, является частью Вселенной, которая простирается за природой и является как видимой человеку, так и невидимой, как живой, так и мертвой. Природа и космос находятся в непрерывном движении. Тем самым стираются, исчезают границы между живой и мертвой материей.

Человек является частью Вселенной как организованная материя, как живая ее часть: «...всякий живой организм, как тело, как организованная материя, находится в неразрывной связи со всей вселенной в качестве ее части, ибо вселенная есть система сил, взаимно связанных и взаимно проникающих одна в другую, и нельзя сдвинуть песчинку, уничтожить хотя бы один атом без того, чтобы не подвиглась — в той или иной форме и степени — вся вселенная...» [3, 108]. Общение человека (как живого) и Вселенной проходит во всех частях человеческой жизни. Аюрведа говорит, что «...зависимость от внешней Вселенной, обусловлена всеми видами питания — физического, умственного, эмоционального и духовного» [4, 269], а питание, по Аюрведе, это поглощение энергии в разных видах.

Общение человека и Вселенной через питание является, словами С.Н. Булгакова, потреблением как частью хозяйствования. Потребление позволяет человеку не только существовать, жить, оставаться живой материей. Весь человек открыт потреблению всеми своими органами и чувствами: «...органы нашего тела представляют собой как бы

двери и окна во всю вселенную, и все, что входит в нас через эти окна и эти двери, и делается предметом нашего “вчувствования”, а, становясь для нас осязаемым, в известном смысле есть уже наше тело» [3, 113]. Питание постоянно возобновляет тело человека на протяжении всей жизни, после его создания и превращения в живое посредством «Боговдыхания души человеческой», питание позволяет развивать тело, увеличивать его с возрастом, поддерживать тем самым обмен веществ. «Под питанием в широком смысле можно разуметь самый общий обмен веществ между живым организмом и окружающей его средой, так что сюда относится не только собственно еда, но и дыхание, воздействие атмосферы, света, электричества, химизма и других сил природы на наш организм, насколько в результате его получается жизнетворный обмен веществ...» [3, 114].

Основная часть питания — еда. Еда одновременно является и неживой материей, и бывшей живой. По словам С.Н. Булгакова, «...в еде граница между живым и неживым реально снимается. Еда есть натуральное причащение — приобщение плоти мира. Когда я принимаю пищу, я ем мировую материю вообще, я приобщаюсь плоти мира и тем самым реально, самым делом нахожу мир в себе, а себя в мире, становлюсь его частью. Непосредственно я ем вот этот хлеб» [3, 115].

Тем самым граница между живым и неживым во Вселенной проходит рядом с человеком в природе, окружающей его, и позволяет живому человеку поглощать неживую материю, общаться с ней, воздействовать на нее. Появляться из нее как часть Вселенной и уходить в нее, становясь частью неживой материи: «...через всю Вселенную проходит грань, разделяющая ее на два царства: живого и неживого. Пускай наука истощается в попытках как-нибудь перешагнуть или стереть эту грань и, не найдя ее, начинает ее порой и совсем отвергать. Она все-таки если не теоретически, то фактически существует, как есть живое и неживое» [3, 110].

Из преодоления границы живого и неживого возникает производство, или активное воздействие человека (субъекта) на природу (объект) как часть Вселенной. Производство позволяет человеку преобразовывать природу, изменять ее, активно внедряясь своим разумом в неживую материю, «...производство есть такое активное воздействие субъекта на объект, или человека на природу, при котором хозяйствующий субъект отпечатлевает, осуществляет в предмете своего хозяйственного воздействия свою идею, объективирует свои цели. Стало быть, производство есть, прежде всего, система объективных действий, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект» [3, 120].

Активное воздействие человека на природу, его творческое растворение в ней является трудом, «...живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром...» [3, 126].

Трудовая деятельность человека позволяет творчески преобразовывать природу, создавая культуру, как новый мир, новую природу, хозяйство, являясь тем самым деятельностью человека по творческому изменению окружающего мира: «...хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту — он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней» [3, 155]. Творчество человека является проявлением его собственной воли, его свободы, свободы без ограничений, но Аюрведа считает свободой без ограничений, только жизнь после жизни, т. е. бессмертие. «Бессмертие — это истинная свобода, свобода от всех ограничений» [4, С.271]. Поэтому отсутствие полной и истинной свободы у человека как существа сотворенного и живого не позволяет ему в полной мере обладать творчеством, т. е. процессом создания нового. Все, что человек создает, является лишь проявлением уже существующего во Вселенной, по словам С.Н. Булгакова, «Человеческое творчество не содержит... в себе ничего метафизически нового, оно лишь воспроизводит и воссоздает из имеющихся, созданных уже элементов и по вновь находимым, воссоздаваемым, но также наперед данным образцам» [3, 159].

Тем самым человек обладает свободой, но не абсолютной, без ограничений. Его свобода проявляется лишь в выборе своих действий в «...направлении своих сил, в способе использования своей природы, но самую эту природу, основу своего я, он имеет как данную, как сотворенную» [3, 161].

Становление философии хозяйства в России: от почвенников к С.Н. Булгакову и современной науке о хозяйстве

Иван Васильевич Киреевский раскрыл внутреннюю связь протестантизма с католицизмом, которая выразилась в том, что в ходе Реформации в протестантизме односторонне усилились рассудочные начала, заложенные еще в схоластике Средневековья. Это привело к полному господству рационализма. Он писал: «...подчинив веру логическим выводам рассудка, Западная церковь еще в IX веке положила внутри себя неминуемое семя Реформации, которая поставила ту же Церковь перед судом того же логического разума, ею самою возвышенного над общим сознанием Церкви Вселенской; и тогда еще мыслящий человек мог уже видеть Лютера из-за папы Николая Первого,

как, по словам римских католиков, мыслящий человек XVI века мог уже из-за Лютера...» [5, 153]. По этой причине европейская культура пришла к недооценке духовных основ жизни и атеизму, отрицающему религиозную веру, т. е. саму движущую силу истории.

Фактически отказавшись от реальной религии Бога, заменив ее обрядами, человечество старается изобрести новую религию, причем ищет божеств для нее в себе и кругом себя, внутри и вне. Поочередно изобретаются и применяются: религия разума, религия человечества Канта и Фейербаха, религия социализма, религия чистой человечности, религия сверхчеловечного и т. д. У человечества, теряющего Бога, в душе каждого человека должна непременно образоваться страшная пустота, ибо она может принять ту или иную доктрину, но не может не слышать в себе голоса вечности, жажды абсолютного содержания жизни.

Николай Яковлевич Данилевский считал, что Россия не является частью Европы «ни по происхождению, ни по усыновлению». Основой, почвой, на которой может вырасти самобытная славянская цивилизация, может стать Всеславянский союз — новая политическая система государств во главе с Россией. Он считал, что России «...предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем» [6, 54].

Данилевский вводит понятие разрядов культурной деятельности. Под эти разряды попадают все стороны деятельности народа, деятельности, которая приводит к понятиям «культура» и «цивилизация». Таких разрядов четыре. Один из них: «деятельность общественно-экономическая, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно, как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания, и обработки их» [6, 78].

Блестящий анализ противоречивости русских и европейских принципов дан И.В. Киреевским в письме графу Е.Е. Комаровскому «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России».

Католицизм и протестантизм, по мнению славянофилов, противопоставив единство и свободу, исказили дух первоначального христианства, которое «в полноте своего божественного учения представляло идеи единства и свободы неразрывно соединенными в нравственном законе взаимной любви» [6, 84].

Склад ума, находимый Киреевским у восточных отцов Церкви, — «безмятежная внутренняя целостность духа» как основа всего поведения и

мышления. Вместе с христианством этот тип духовной культуры был усвоен русским народом, культура которого была чрезвычайно высока в XII—XIII вв. Целостность и разумность — основные черты ее в России, а на Западе — раздвоение и рассудочность. Во множестве проявлений жизни ярко выражено это различие:

- в Западной Европе — рассудочно-отвлеченное богословие, обоснование истины путем логического сцепления понятий; на Руси — стремление к истине «посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной целостности и средоточию разума»;
- на Западе — государственность из насилий завоевания, на Руси — из естественного развития народного быта;
- на Западе — враждебная разграниченность сословий, в Древней Руси — их «единодушная совокупность»;
- на Западе — поземельная собственность — первое отношение гражданских отношений, на Руси — собственность только случайное выражение отношений личных;
- на Западе — законность формально-логическая, на Руси — выходящая из быта» [5, 172].

Вообще на Западе раздвоение духа, наук, государства, сословий, семейных прав и обязанностей; в России — стремление к цельности «бытия внутреннего и внешнего»; «постоянная память об отношении всего временного к вечному и человеческого к Божественному» — такова древнерусская жизнь, следы которой сохранились в народе.

Оторвавшись от бесконечной цели, поставив себе мелкие задачи, «западный человек почти всегда доволен своим состоянием»; он «готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми, что он одного только просит у Бога, чтобы другие люди были на него похожи» [5, 181]. Если он столкнется с общепринятым понятием о нравственности, он выдумает себе оригинальную систему нравственности и опять успокоится. «Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и поэтому тем менее бывает доволен собой» [5, 182].

В истории России произошло слияние духовных ценностей православия с народной жизнью. В результате этого оформился «дух народа», благодаря которому народ становится подлинным субъектом исторического процесса. В качестве народа выступает не просто совокупность людей, население, а люди, объединенные общей исторической судьбой и общими духовными ценностями и идеалами.

Величайшая заслуга славянофилов заключается в том, что они стали рассматривать нацию как духовное явление. Славянофилы придерживались органичного взгляда на общество как на естественно сложившуюся общность людей, имеющую собственные принципы организации жизни. Органический взгляд на общество означал, что его развитие представлялось процессом саморазвития по аналогии с явлениями живой природы.

Алексей Степанович Хомяков, «...стоящий у истоков русской «религиозной мысли» [7, 85], писал о том, что жизненные начала общества производить нельзя: они принадлежат самому народу или самой земле. Хомяков предупреждал об опасности грубого вмешательства в общественную жизнь. Нельзя насильственно ломать целостность народной жизни и втискивать ее в чуждые ей формы культуры. А.С. Хомяков убеждает, говоря — беда, когда выкидываются все корни своего исторического дерева и превращают прошлое в чистую доску. Но не меньшая беда и тогда, когда жизнь начинают строить по умозрительной схеме, что неизбежно приведет к ее разрушению.

Структурной единицей организации русской народной жизни славянофилам представлялась община, главной характеристикой которой является самоуправление. Общинное устройство, основанное на началах общей ответственности, выработке совместных решений в соответствии с голосом совести, чувством справедливости, народными обычаями, было для славянофилов зримым воплощением свободной общности. Общинный дух русского народа они противопоставляли западноевропейскому индивидуализму. Только православие восприняло и сохранило, по мысли славянофилов, вечную истину раннего христианства во всей ее полноте, а именно идею тождества единства и свободы (свободы в единстве и единства в свободе). Ими было включено в историософию важнейшее понятие, характеризующее русское своеобразие, которое вошло в содержание «русской идеи» — «соборность», выражающее свободную общность людей.

Русское общество того же периода — это бесчисленное множество маленьких общин, расселенных по всей земле русской и составляющих каждая свое согласие или свой мир. Эти маленькие согласия сливаются в большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и т. д., пока, наконец, не слагается одно общее согласие, «согласие всей русской земли, имеющее над собою великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства» [8, 13].

Из учения о Церкви А.С. Хомяков выводит собственное учение о личности: «отдельная личность есть совершенное бессилие и внутренний непримиримый разлад» [9, 90]. Лишь в Церкви, т. е. свободном,

проникнутом братской любовью к другим людям единении во имя Христа, — только здесь личность обретает все свои дары, всю полноту ее личного богатства. Что же касается идеализации истории России, то для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно посмотреть очерк А.С. Хомякова «О старом и новом», где с огромной силой обличаются некоторые порядки допетровской Руси. «Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России» [8, 13]. Славянофилы не рассматривали русскую историю как идеальную и бескризисную, а, наоборот, подчеркивали ее сложность и драматичность. Однако болезненные явления, считали они, не могут быть преодолены внешними заимствованиями.

Известный спор славянофилов с западниками XIX в. разрешился в пользу последних. Причем проиграли не только славянофилы (в середине века), проиграли и народники (к концу столетия). Россия пошла тогда по западному, т. е. капиталистическому пути развития. XX в. этот приговор, можно сказать, пересмотрел. Российский «эксперимент», основанный на западноевропейской модели прогресса, потерпел тяжелое поражение. Потому что уничтожили святая святых — общину, артель, назвав это «великим переломом», по сравнению с которым «перелом», пережитый страной в эпоху Петра, был не более чем легкой коррекцией ее естественного развития.

Славянофилы выступали против личной собственности правового государства. Они считали, что род, семья, община, социальные связи являются наилучшей средой для существования личности. Всем формам внешней свободы — политической, правовой, экономической — они противопоставляли внутреннюю свободу личности, основанную на ценностях внутреннего мира, освященных религией.

Сергей Николаевич Булгаков в XX в. начал построение собственной и российской философской системы, рассматривающей мир как хозяйство. На основе глубокого изучения различных европейских философских систем, касающихся хозяйства, он отметил близость всех этих учений и необходимость иной системы хозяйства.

В монографиях «Философия хозяйства» и «Свет невечерний» С.Н. Булгаков намечает основы собственного учения, идущего в русле социологии Вл. Соловьева и Флоренского, идей славянофилов, а также включает целый ряд собственных идей, питаемых интуициями православной религиозности. Он разрабатывает идеи социального христианства, в широком спектре включающем анализ православного отношения к экономике и политике.

Хотелось бы поставить вопрос: а нужно ли сегодня изучение «Философии хозяйства» (так как еще в 1912 г. С.Н. Булгаков писал, что в

его время в мире властвует экономический материализм — «...он оказывается в числе наиболее влиятельных и жизнеспособных учений XIX века» [10, 317])? Сегодня экономический материализм, поглотив весь мир, завоевал и сферу духовного экономизма, но это предсказывал и Сергей Николаевич: «...он находит благоприятную почву и в духовном экономизме эпохи» [10, 316]. Все это так, но сегодня мы видим и всепоглощающее разрушение капитализмом экономик стран. Кризисы, возникающие вне спрогнозированных законов, разрушающе действуют и на души людей. Отсутствие перспектив, невозможность вернуть заработанное. А вне кризисов одурманивающая жажда полной свободы, возможности безудержного накопительства. Все постепенно разрушается — и нет альтернативы?

Может ли сейчас заменить существующую модель или просто помочь изменению экономики стран философия хозяйства С.Н. Булгакова?

Экономический материализм Смита, Риккардо и Маркса условно назовем философией экономики и сравним его с философией хозяйства Булгакова в некоторых основных позициях.

В философии экономики во главу угла ставится извлечение прибыли, это неотъемлемый признак экономики. И в России в уставах организаций коммерческого сектора обязательно должно быть записано: «Основная задача организации — извлечение прибыли». Так и хочется добавить — «любой ценой». Прибыль — цель и основа экономики.

В 1997 г. американский режиссер Оливер Стоун в кинофильме «Уолл-стрит» раскрыл психологическую природу капитала — «жадность». Финансисты Уолл-стрит жадно управляли деньгами, людьми, миром. В 2010 г. в продолжение фильма Оливер Стоун показывает нам время недавнего кризиса в экономике США. И уже не финансисты управляют деньгами, а деньги людьми. «Деньги не спят» и не дают спать людям...

В философии хозяйства нет прибыли и прибавочной стоимости. Главным двигателем хозяйства является труд: человек должен зарабатывать хлеб свой напряженным трудом.

Все, что даровано тебе как результат труда, это не твое, оно Богом дано для поддержания тебя, твоих ближних и дальних, для Дарения, а также для поддержания твоего труда — «дела».

Сравним коллективизм и соборность. Казалось бы, это одинаковые названия одной формы — объединения, единения людей, но в глубине эти понятия различны, даже противоположны. Раньше говорили — коллективизм это сумма «Я», но в этой сумме «Я» герметичны друг к другу. В соборности эти «Я» космически открыты друг другу.

Наука в философии экономики есть человеческий ум, направленный на рациональное постижение и преобразование природы. «Человек есть царь природы». Для философии хозяйства «наука есть хозяйство разума в природе, трудовое восстановление идеального космоса как организма идей или идеальных закономерностей» [3, 211].

В философии экономики движущей силой экономики является капиталистическая инициатива. Сделать, взять любой ценой. Создать нечто выгодное, не считаясь с людьми и природой. В философии хозяйства движущая сила — любовь к Богу, совесть и честь.

Перечисленные нами элементы при внесении в существующую экономику во многом бы изменили эту систему для человека, но вряд ли это возможно сейчас, когда властвует экономический материализм.

Экспериментальной площадкой интеграции философии хозяйства в современную экономику могла бы стать социально-культурная деятельность. В ней никак не нужны прибавочная стоимость и прибыль. Не ставится даже задача получения прибыли. Если же она и появляется, то прибыль должна быть расходима только на развитие основной деятельности. А основная деятельность — это помощь людям. Объектом работы является человек, его духовное благо. Социально-культурная деятельность как прообраз хозяйства, вытекающего из философии хозяйства С.Н. Булгакова, более эффективна, так как основана на добровольном творческом труде, направленном на помощь человеку, сохранении и развитии его культуры, а не на жадности и бездуховном накопительстве. Эффективная социально-культурная деятельность возможна лишь при творческом подходе к своей работе, сострадании к людям, желании не сломать существующую природу, не подчинить ее себе, а найти наиболее ценное для человека (идеальное). Шире — воплотить идеальный мир космоса на Земле.

Современная либеральная экономика, переживающая глубокий системный кризис, все больше и больше поражает психологию людей. Вместо здорового или не совсем здорового накопительства, здоровой или не совсем здоровой рыночной инициативы, двигающей процессы экономики, появляется феномен всепоглощающей жадности. Люди, входящие в систему рыночного предпринимательства и получающие, мягко говоря, неплохие результаты в виде устойчивых миллионов в долларах, чувствуют неудовлетворенность и жаждут увеличить число этих самых миллионов, даже если для личного потребления это уже и не вызвано необходимостью. Доллары как символ мировых денег или вирусы этой загадочной заразы требуют от человека все новых усилий по их количественному увеличению. Увеличение и развитие производства этих долларовых миллионеров уже не интересуют. Только долла-

ры и их количество. И вот доллары, уже не обеспеченные ничем, кроме жажды их владельцев, радостно крутятся во всепоглощающем сатанинском водовороте.

Недавно в США проводили опрос среди долларовых миллионеров младшего звена, с устойчивым доходом в 2—3 млн, достаточно ли им этих миллионов? Подавляющее количество респондентов ответило, что нет — мало. Им нужно — 6 млн. Наверняка «шестимиллионные» ответили бы так же и назвали бы сумму в 12 млн. Жажда-жадность работает. Это Америка, но и у наших аналогичные запросы. Когда все есть — зачем новые, еще более дорогостоящие яхты, квартиры, дома, футбольные команды?

Европейская экономическая теория и практика вошли в глубокое противоречие с российской теорией и практикой хозяйства. Европейская экономика сложилась как экономика продажи и присвоения труда и материальных благ. Российская система хозяйствования (ранее) и теория хозяйства сложились как экономика дарения. Направляет эту систему хозяйствования духовная составляющая человека — Бог. (см. об этом статью В.П. Океанского «Имя и хозяйство» [2]).

Экономика дарения (даяния), складывающаяся в российской экономике культуры и существовавшая ранее на Руси и в России примерно до XVIII в., не требует прибыли, не выдавливает прибавочной стоимости, не эксплуатирует людей. А.Г. Дугин писал об этом: «...православная экономика есть в своих истоках экономика дара и экономика жертвы» [11, 473]. Она позволяет трудиться творчески, на благо человека, давая осуществить при этом адекватную оценку труда в виде заработной платы и внутренних душевных благ. В сложившейся на всей нашей планете экономике (европейской и американской экономике продажи и присвоения) во главу угла ставится извлечение прибыли, это ее неотъемлемый признак. Но так будет не всегда. Еще в начале XX в. Петр Алексеевич Кропоткин, всемирно известный русский ученый, писал: «Узкое понимание жизни, считавшее прибыль единственным двигателем человеческого общества, и упорная уверенность в том, что существовало вчера, будет неизменно существовать и завтра, оказалось в противоречии с людскими стремлениями. Жизнь приняла другое течение» [12, 380].

Кто же является вдохновителем и регулятором этой экономики дарения? Вдохновителем является Господь как высший регулятор жизни. Осуществляет он свое влияние через государство и общество. Государство осуществляет свои действия через собственные институты — право (законы), министерства и ведомства; путем законодательных предпочтений, создания государственных программ и выдачи грантов. Общество организует влияние и поддержку через общественные ин-

ституты — организации, фонды, движения. Эти организации оказывают влияние на решения государства посредством митингов и демонстраций, участвуя в обсуждениях, круглых столах, экспертных советах; осуществляют сбор средств в общественные фонды и распределяют эти средства посредством выдачи грантов организациям и социально-культурным институтам, проводящим научные исследования или практическую социально-культурную деятельность, и прямой помощи нуждающимся гражданам.

Не труд — главное мерило хозяйства для долларовых миллионеров, а количество и скорость коловращения денег. Да и для тех, кто работает на производстве или в офисе, сам труд престал иметь смысл. Та же всепоглощающая жажда увеличения денежных доходов. Отсутствие осмысленности труда приводит людей к рабству денег и потребностей или, словами А. Дугина, «...труд, лишенный высшего смысла, становится рабством...» [11, 474]. Отсюда и низкая производительность труда, так критикуемая нашими властями. Причинами тому являются не столько слабая научная организация труда и уж, конечно, не лень наших дорогих граждан, а рабский низкооцененный труд российского человека, отсутствие у него осмысленной необходимости трудиться, так как еще С.Н. Булгаков писал: «...человек должен зарабатывать хлеб свой напряженным трудом» [3, 39].

Дарение — это насущная необходимость человека. «Недодашь чего — и в душе тоска» [13, 433], — писал В.В. Розанов. Дарение осуществляется всеми людьми, но прежде всего теми, кому Господь дал больше необходимого ему, его семье, для развития производства. Эти люди передают, дарят деньги для помощи бедным, для существования и развития культуры. Это дарение идет от понимания того, что то, что дается ему, это не его. Оно дано временно, повторюсь, для существования его самого, его семьи (как и каждому человеку), а также для развития и упроченья его дела (назовем это по-русски «дело», а не «бизнес»). Все остальное надо вернуть путем дарения тем, кому сейчас труднее всего. Вспомним рассуждения В.В. Розанова о богатстве и бедности, о Христе и богатом юноше в его книге «Метафизика христианства»: «да, и вообще при *нищем* — нужен же и *подающий*...» (курсив В.В. Розанова) [14, 62—63]. Некоторые признаки возвращения экономики без цели прибыли видел и П.А. Кропоткин в России в начале XX в.: «кооперация в России, сильно развиваясь в последние года, приняла новые формы. Отвергнув выдачу дивидендов от предприятий своим членам, русские кооператоры решили употреблять все прибыли только на расширение дела и на полезные общественные предприятия»

[15, 385]. Только революция, о которой мечтал романтик П. Кропоткин, остановила эти процессы.

В русском хозяйстве, по времени дореволюционном, была и достойная оплата труда, и естественная потребность человека трудиться. Рядом с этим существовала целая система социальных выплат, но не всем, кто хотел заполучить возможность праздного существования (да и много ли таких было), а тем, кому действительно было трудно — кто хотел работать, но не мог осуществить эту свою потребность временно или постоянно. Осуществлялась она чаще всего церковными и общественными благотворительными организациями и обществами, частными людьми.

В истории России произошло слияние духовных ценностей православия с народной жизнью. В результате этого оформился «дух народа», благодаря которому народ становится подлинным субъектом исторического процесса. В качестве народа выступает не просто совокупность людей, население, а люди, объединенные общей исторической судьбой и общими духовными ценностями и идеалами. (Вспомним и В.В. Розанова — «...народ и его церковь — одно. И только у русских это *одно*» (курсив В.В. Розанова) [13, 435].

В наше время и в Америке, и в Европе, да и в России идет процесс ограничения социальных выплат, так как в основном все выплаты идут из государственных бюджетов или посредством государственных, а также частных, но контролируемых государством фондов. Мировое государство минимизирует свои расходы. Но в этом, при всей жестокости, видится положительный смысл — привлечь людей к труду. Но можно ли так перевоспитать их, привнести в сознание осмысленное желание трудиться?..

В России, да и в мире, люди, не утратившие осмысленного стремления к труду, уходят в самостоятельное частное, но чаще мелкое, почти ремесленное и независящее от государства и других людей хозяйство или в социально-культурное поддержание или преобразование нашего общества — социально-культурную деятельность.

Социально-культурная деятельность не требует прибыли, не выдавливает прибавочной стоимости, не эксплуатирует людей, позволяет трудиться творчески, на благо человека, позволяя осуществить при этом адекватную оценку труда в виде заработной платы и внутренних душевных благ.

Социально-культурная деятельность основана на иных принципах, нежели бизнес или рыночная экономика, и требует от человека соблюдения ряда законов и правил, выраженных в виде следующих слов-образов.

Работа в социально-культурной деятельности несет в себе, прежде всего, духовное благо — неосягаемую, но понимаемую людьми потребность души человеческой.

Человек, участвуя в этой работе, понимает и принимает на себя ответственность за людей, которым он помогает, с которыми содействует, и за те ростки культуры, что он оберегает, создает, транслирует другим.

Действуя в этой работе, необходимо сохранять в себе со-страдание к людям, на которых обращены действие, помощь, поддержка. Со-страдание как понимание их слабостей, трудностей, заблуждений.

Производя свою работу, надо осуществлять благо-дарение. Понимать, что ты даришь людям благо, именно даришь, чаще всего безвозмездно и искренне. Ощущать благодарение — благодарность Богу, меценатам и всем сотрудникам; всем тем, кто создал вместе с тобой это духовное благо. Или, словами профессора В.П. Океанского, «благодарность поднимает нас к целительной цельности Целого, которое абсолютно свободно...» [2, 203].

Понимать свою работу как миссию — смысл жизни, мечту, веру, надежду и предназначение. Дело ощущать как деяние — дело, угодное Богу, нужное людям, создающее и совершенствующее тебя самого. И как даяние — работа, созданная и отданная свободно, искренне с радостью сердечной. Чувствовать назначением своей работы — сохранение каждого конкретного человека и культуры человечества.

Литература

1. *Святогорец Паисий*. Слова. Т. 1. С болью и любовью о современном человеке. Салоники; М., 2004.
2. *Океанский В.П.* Имя и хозяйство // Бесконечная равнина: антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры (сборник научных трудов). Иваново; Шуя, 2010.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
4. *Свобода Р.Э.* Праkritи. Ваша аюрведическая конституция. М., 2001.
5. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому) // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М., 2002.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
7. *Океанский В.П.* Русский Леонардо: Художественная концепция мира в творчестве А.С. Хомякова (поэтическая метафизика имени). Шуя, 2006.

8. *Хомяков А.С.* О старом и новом // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1900.
9. *Хомяков А.С.* О возможности русской художественной школы // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1900.
10. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства (Речь на диспуте, сказанная при защите диссертации «Философия хозяйства» в Московском университете 21 сентября 1912 г). // Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: 2008.
11. *Дугин А.Г.* Конец экономики. М., 2010.
12. *Кропоткин П.А.* Экономика и нравственность // Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.
13. *Розанов В.В.* Уединенное // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000.
14. *Розанов В.В.* Метафизика христианства. // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000.
15. *Кропоткин П.А.* Кооперация в России // Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: Китай и современная наука

Аннотация. В статье рассматривается эволюция Китая. Проводится точка зрения Д. Прайса о том, что научная публикация и связанный с ней индекс научного цитирования не могут служить критерием научности, как отдельно взятого научного работника, так и отдельно взятого государства. Подчеркивается фундаментальный характер современной науки Китая. Показывается опережающая тенденция закона экспоненциального роста науки по отношению к мальтузианскому закону роста народонаселения.

Ключевые слова: наука, статья, схолия, научная публикация, научное открытие, ученый, научный работник, знание, образование, конфуцианство, фундаментальность, капиталовложения, инокультурное заимствование, закон, экспоненциализм, народонаселение, мальтузианство.

Abstract. In the article in the scientific relation is considered evolution of China. On the example of China D. Price's point of view that the scientific publication, and the related index of scientific citing, can't serve as criterion of scientific character, both separately taken scientist, and separately taken state is carried out. Fundamental character of modern science of Chi-

na is emphasized. The advancing tendency of the law of exponential growth of science in relation to the Malthusian law of growth of the population is shown.

Keywords: science, article, skholiya, scientific publication, discovery, scientist, knowledge, education, Confucianism, fundamental nature, capital investments, foreign culture loan, law, exponentialism, population, maltuzianstvo.

В XX в. онтологический аспект западноевропейской науки, который мы рассмотрели в предыдущей статье, соединился с геополитическим, изменив соотношение сил в мире. Глобальное изменение ситуации в мире было поставлено в зависимость от крайне неравномерного распределения науки в мире. Доминировать стали те страны, которые прошли через эпоху научно-технической революции, закономерным результатом которой стало разделение мира на богатые и бедные, или, что то же самое, на развитые и слаборазвитые в научном отношении страны. Перефразируя Спинозовскую формулу «*natura naturata*» и «*natura naturata*», можно сказать, что все страны поделились на «страны творящие» и «страны сотворенные». Или, другими словами, к середине XX в. мир поделился на страны, делающие науку, к которым относятся всего 14 стран мира, в основном Европы, Америки и СССР, и все остальные — так называемые страны «научной пустыни». «Пытаясь объединить все эти аспекты понимания НТР в нечто целостное, мы вынуждены отметить, что речь должна, видимо, идти о процессе очаговом. И к тому же со сравнительно ограниченным историческим прошлым. Все фиксируемые в представлениях о НТР характеристики не старше 300 лет. Того же возраста и разрывы в социальной элитности “развитого” и “развивающегося” миров; лет 200—300 тому назад мир был однороден, Европа если и выделялась на общем фоне, то отнюдь не богатством» [1, 27].

Так, в начале XVII в. Европа, по образному выражению М.К. Петрова, была «захолустьем» мировой цивилизации. Обескровленная крестьянскими войнами эпохи Реформации, за которой последовала Контрреформация, Европа представляла собой разоренную часть света. Центр мировой цивилизации тогда находился в Китае. Это и понятно, в Китае раньше, чем в Европе, прошла эпоха Возрождения — VIII—XII вв.; в Китае был осуществлен технологический прорыв, позволивший решать проблемы практического существования людей более эффективным образом, чем это делали другие цивилизации и народы, находящиеся долгое время в плену китайских достижений.

Так, Европа и Япония, в разное историческое время, составили себе капиталы на заимствованиях из Китая. Что касается Японии, то она до XX в. находилась в замкнутом круге китайских идей, тогда как Европа в XVII в. осуществила качественный скачок. На основе китайских технологий в области земледелия, металлургии, энергетики и т. д. она создала современную науку, благодаря которой в кратчайшие исторические сроки, за полстолетия, из «захолустья» мировой цивилизации превратилась в мировые лидеры, сместив с этих позиций Китай. В свою очередь Китай с середины XVII в. переживал свое «падение», кульминационным моментом которого стало его поражение в войне с Японией, которая раньше, чем он, восприняла достижения западной цивилизации. Именно поражение в войне с Японией в 1894—1895 гг., подогреваемое еще успехами японцев в Русско-японской войне 1904—1905, подтолкнули китайцев к проведению реформ в начале XX в., главным достижением которых стала смена жизненной стратегии Китая. Китай, всегда ощущающий себя «первенцем среди народов»⁹, тысячелетиями пребывающий в состоянии неприятия всего чужого, в XX в. встал на путь прогресса и заимствования из Европы и Америки, и, прежде всего, в области науки и техники, чтобы затем, в XXI в., вернуть ход мировой истории в свою сторону¹⁰.

⁹ «Народ Китая уже давно пришел к мысли, что его страна — средоточие путей во вселенной, а сам он — цвет человечества, первенец между народами, не нуждающийся в дальнейшем развитии» [2, 88]. Эта китайская точка зрения, возвеличивающая свое прошлое, нашла свое объяснение в европейской историографии. Так, Шкфор и др., рассматривая начало китайской истории (на туманность которого указывал сам Конфуций, сетуя на отсутствие хороших исторических мемуаров), выдвинул гипотезу, согласно которой ковчег Ноя, прародителя современного человечества, остановился около границ Китая, а не в Армении около горы Арарат, как об этом повествует Ветхий завет. «Шкфор... предполагает, что ковчег остановился на горе около границ Китая. Он видел в китайцах потомков детей Ноя, которые родились после потопа; и умер этот патриарх в этой стране, после пребывания там 350 лет» [3, 567—568]. На этом настаивает и М. Фуке, говоря о том, что китайская нация произошла во времена, близкие к потопа. Получается, что китайский народ — самый древний народ в послепотопной истории человечества и, как подчеркивает Фуке, именно об этом сообщают древнейшие китайские предания, которые удалось записать первым миссионерам, прибывшим в Китай в XIV в.

¹⁰ Первыми, кто почувствовал «грядущее смещение вектора всемирной истории с Европы за пределы Европы», были инициаторы, как бы сейчас сказали, исследовательского проекта «Современное человечество», ставящие своей задачей рассмотреть «глубокие брожения, которые охватили неевропейские культурные народы» [4, 111—V1] в начале XX в. В рамках этого проекта вышла целая серия книг, в которых рассматривались «возрождения Турции и Персии», а также «пробуждение Индии и Китая» и совершенно четко прогно-

В XX в. Китай проделал путь от слаборазвитой, а потому и бедной страны, до развитой в научном отношении, а потому и богатейшей страны мира. Еще в середине XX в. Китай был страной «научной пустыни». По данным «Международного справочника по ученым — авторам за 1967 г.», подготовленного институтом Гарфильда, инициатора так называемого индекса научного цитирования, Китай имел самую низкую научную продуктивность — всего 36 научных публикаций в год. Это было крайне мало, не только по сравнению с США (52195 публикаций в год), с СССР (10505), с Японией (5202), но и по сравнению с отдельно взятыми городами СССР — Киевом с его 728 публикациями и Харьковом с его 270 публикациями в год¹¹. Но уже в начале XXI в., по данным того же института, Китай имеет 107405 публикаций в год и занимает 4-ое место в мире после США с его 295785 публикациями в год, Германии — 108072 и Англии — 107691, причем Россия имеет только 24418 публикаций в год. Но показателен процент роста научных публикаций за период с 2005 по 2008 г. В этом аспекте Китай, имея 14% роста, уступает только Индии с ее 17% и обгоняет Северную Корею с ее 13%. Тогда как такие научные страны, по которым ориентировались в середине XX в. — США, Германия, Англия, Франция, Россия, Канада, — имеют от 3 до 5%, а Япония — 0% роста [5]. Таким образом, в результате сравнительного анализа научной статистики напрашивается вывод о смещении центра развития науки, а вместе с тем и центра мировой цивилизации с Запада на Восток, где Китай за

зировалось возвращение центра мировой цивилизации с Запада на Восток. Ж. Род был первым европейским ученым, который связал пробуждение Китая с неудачами его в войне с Японией, результатами которых стали раскрепощение внутренней энергии китайцев и разворот их на сто восемьдесят градусов в сторону Запада. «Еще всего несколько лет тому назад китайцы были убеждены в превосходстве своей древней цивилизации; они ничего знать не хотели о наших технических успехах, к которым, по свойственным предрассудкам, они относились с большим еще отвращением, чем к иным продуктам европейского прогресса. Мы видели, с какой непримиримой враждой отнеслись китайцы к железным дорогам. До 1895 года Китай, действительно, представлял собой скалу, совершенно неприступную для западной цивилизации. Поражение, нанесенное ему Японией, было первым предостережением, заставившим задуматься над существующим положением вещей не только революционеров... Последовавшая затем русско-японская война, лишь дала новый толчок движению, к которому все уже были подготовлены» [4, 218].

¹¹ Эти данные впервые привел М.К. Петров в своей книге «Историко-философские исследования» [1, 26], из которых он сделал вывод о ненаучном характере Китая.

полстолетия превратился из страны «научной пустыни» в передовую — в научном отношении — страну.

Конечно, рост научных публикаций в Китае с 36 до 107405 в год — впечатляющий результат, опровергающий вывод М.К. Петрова о том, что Китай, в отличие от Японии, крайне неудачно вписался в век НТР [1, 27], если в качестве главного показателя развития науки берется количество публикаций. Но насколько количество научных публикаций и так называемый индекс научного цитирования могут служить критериями развития науки вообще и в той или иной стране в частности? Впервые этот вопрос был поставлен в науковедении более 50 лет назад Прайсом, который сразу же ответил на него отрицательно: «Из истории научных статей мы видим, что производство мах научных статей не является высшей мах научной деятельности» [6, 338]. Если бы это было не так, то все бы знали автора самого большого количества статей за всю историю существования человечества — английского математика Кэли с его 995 статьями, и никто бы не знал Ньютона, который не стал излагать свое новое знание в журнале в виде статьи, а предпочел написать «Начала».

В связи с этим Прайс различает социальную и научную функции статьи и говорит о преобладании социальной функции статьи над ее научной составляющей. Под социальной функцией статьи он понимает потребность автора заявить о своей научной деятельности в данной области исследования. «Научная статья показатель, кто, чем занимается, а не того, что сделано» [6, 338]. И в этом смысле статья есть «схолия», под которой древние обозначали сноску, указывающую на предшественников и устанавливающую связь с предшествующими достижениями в этой области исследования. «Возникает традиция открыто ссылаться на работы предшественников, по отношению, к которым статья мыслилась хорошей разработкой и существенным дополнением, в чем собственно и состоит смысл статьи. До этого времени не было ничего похожего на это “срастание”, “стыковку” знания, хотя сноска — примечание — такая же древняя, как и сама схоластика (сравните, например, термин “схолия”, которым древние обозначали примечание)» [6, 339]. И важно, чтобы эта преемственность не прерывалась, но только к ней наука не сводится.

Под научной функцией статьи Прайс понимает изложение нового знания, хотя сразу же заявляет, что нет никаких гарантий, что автору статьи все же удастся, работая в данной области исследования, совершить открытие. «Статья — заявка автора о своей преемственности идеям предшественников, о своем вхождении в научное сообщество и в данную область исследования, что вовсе не означает, что все-таки удастся в этой области исследования сказать свое слово — выработать

новую идею, сказать нечто новое» [6, 338]. Поэтому Прайс, говоря о преобладании социальной функции статьи над ее научной составляющей, выделяет два вида научной деятельности — научную публикацию и научное открытие и даже доводит их до жесткого противопоставления друг другу — или научная публикация, или научное открытие.

Научное открытие совершают ученые — единицы, «штучный товар», которые собственно и делают науку, тогда как все остальные так называемые научные работники лишь обслуживают ее: или ты ученый, или ты научный работник. Причем дилемма эта того же сорта, что и предыдущая — или научное открытие, или научная статья. Таким образом, по Прайсу, научная публикация и связанный с ней индекс научного цитирования уже потому не могут быть критериями научности, что в большинстве своем нацелена на изложение старого знания, а не на открытие нового. И в этом смысле книга и на сегодняшний день является самым совершенным научным продуктом, смыслом которого является изложение нового знания.

Если под углом зрения Прайса рассмотреть публицистический бум Китая за последние полстолетия, то количество публикаций еще не аргумент в пользу превращения Китая в ведущую научную державу мира, если под ведущими научными державами мира понимать страны, делающие науку, т. е. совершающие открытия. Скорее наоборот, количество публикаций говорит о том, что Китай удачно вписался в научное пространство мира за счет установления связей с предшествующими достижениями западноевропейской науки. Вот где работает социальная функция статьи, выделенная Прайсом как «заявка» (в данном случае страны) «о своей преемственности идеям предшественников, о своем вхождении в научное сообщество», но не более того. Вот этим преобладанием репродуктивной функции статьи над творческой, схоластической над новаторской, социальной над научной и объясняется рост научных публикаций в Китае за последние 50 лет. Китай, встав на путь инокультурного заимствования, в общемировом научном пространстве воспринял то, к чему он был наиболее подготовлен схоластическими традициями конфуцианской системы образования, нацеленной на репродукцию, а не на творчество, на повтор, а не на новаторство, оставаясь верным своей онтологической, отрицающей идею творчества, и гносеологической, отрицающей эксперимент, установкам. И в этом смысле науки в Китае, так же как и в Индии, нет. Путь в науку им закрыла технологическая концепция знания — как повторение, с той лишь разницей, что в буддизме это повторение пути, пройденного Буддой, а в конфуцианстве — повторение собранных

Конфуцием учений предков. Только теперь заимствование происходит уже не из своего прошлого, а из достижений Запада.

Иначе говоря, здесь нужно совершенно четко понимать, что, если Европа в XVII в. стала центром мировой цивилизации за счет развития у нее науки и техники, то Китай вернул себе лидирующие позиции в современном мире вовсе не за счет развития у себя экспериментальной науки. Науки в современном значении этого термина в Китае нет. Китай остался в рамках конфуцианской системы образования, или технологической концепции знания, ориентированной не на развитие творческого потенциала нации, а на повторение предшествующих достижений западноевропейской науки, в том числе и метода, открытого Бэконом. Из пяти нобелевских лауреатов Китая трое принадлежат к естественнонаучному крылу исследователей. Но все они получали образование и совершали открытия, удостоенные этих премий, в Англии и в Америке и считаются такими же китайскими учеными, как и английскими и американскими. Так, Линь Чжэндао и Янь Чжэньнин, получившие Нобелевскую премию по физике в 1957 г., учились у американских профессоров и совершили открытие в американском университете, а потому считаются китайско-американскими учеными. А Чарльз Као Куэн — китайский, британский и американский инженер, получивший образования в Англии, где и сделал свое открытие, и разделил половину Нобелевской премии по физике за 2009 г. с американскими исследователями. Ясно, что такие показатели, как количество публикаций или индекс научного цитирования, не могут служить критерием оценки развития науки вообще и в Китае в частности.

Тогда возникает вопрос, за счет чего Китай стал сегодня научной державой мира? За счет повторения европейского пути развития науки. Ведь европейская наука — это фундаментальная наука. Уже М.К. Петров подчеркивал, что «открытие и его фундаментальность — разные вещи» [7, 118] и говорил о том, что неважно, кто сделал открытие, важно то, как это открытие используется. И пример тому Европа XVII в., которая, заимствуя китайские открытия — порох, разборный шрифт, компас — пустила эти открытия не на развлечения, как это делал Китай, по старой привычке, радующий нас своими фейерверками, а, вооружившись компасом и порохом, совершила Великие географические открытия и привезла в Европу золотой запас будущих капиталовложений в науку. То есть изначально западноевропейская наука была прикладной наукой и носила практический характер. И в этом смысле можно говорить о фундаментальности западноевропейской науки, если под фундаментальностью понимать практическое использование научных открытий. Поэтому современная наука сегодня это не только открытия и изобретения, но и капиталовложения. Об

этом писал и Блэккет полвека назад: «С одной стороны, открытие, с другой стороны, как эти открытия применить к производству, на это требуются большие капиталовложения, которые есть у Запада и нет на Востоке» [8, 49]. Словом, по Блэккету, страны делятся на те, кто может применить открытия к практике и внедрить их в производство, и те, кто не может, потому что на внедрения требуются огромные капиталовложения, которыми обладают богатые страны и не обладают бедные. Поэтому в конечном итоге деление стран на бедные и богатые всегда будет упираться в экономику науки. «Все признают, что научные и технические нововведения могут вызвать постоянный рост богатства только в том случае, если обретают плоть материальных вещей, особенно средств производства, таких как станки, химические установки, заводы по производству удобрений, транспорт, средства связи. Выдающееся техническое достижение наших дней — атомная энергия — может способствовать росту богатства только тогда, когда будут построены атомные электростанции. Но ученый или изобретатель, которому, естественно, всегда хочется видеть свои открытия и изобретения реализованными, далеко не всегда учитывает, какие значительные капиталовложения требует эта реализация» [8, 49—50]. «Следовательно, научные и технические изобретения сами по себе не могут стать волшебной палочкой, превращающей бедные страны в богатые» [8, 51].

Таким образом, современный Китай, оставаясь в плену западных научных достижений, развивается в духе бэконовской доктрины науки — «пользы и прогресса», делает огромные капиталовложения в открытия и изобретения Европы, Америки и России. Теперь пришло время дряхлеющему Западу платить по счетам тех технологических достижений, на основе которых в свое время он составил себе капиталы. Причем капиталовложения, которые сегодня делает в науку Китай, намного превышают капиталовложения многих стран, в том числе и России. За счет этого Китай сегодня превратился в научную державу мира. Вот она составляющая «китайского чуда» — ее легко просчитать, загадок нет — синтез западноевропейских открытий и капитала — повторение пути западноевропейской науки XVII—XX вв., с той только разницей, что Китай идет по облегченному для себя варианту, не ставя перед собой непосильную для себя задачу открытий и изобретений, а просто покупая их у Запада. Открытия и изобретения остаются за США, Европой, Россией, которые сегодня остаются главными поставщиками нового знания.

Вкладывая в науку, Китай вкладывает в свое народонаселение, а потому и в богатство своей страны. Уже давно подмечено, что рост науки обуславливает рост народонаселения. Так, Блэккет отмечает,

что в XIX в., когда западноевропейская наука набирала свои обороты, в Европе население увеличивалось значительно быстрее, чем в Азии. «Для тех, кто придерживается пессимистического взгляда на возможность быстрого увеличения благосостояния и обеспечения пищей, особенно сложной и пугающей представляется проблема роста населения. Вместе с тем рост населения в Европе в XIX в. происходит быстрее, чем в Азии, и не возникает ни проблемы питания, ни проблем перенаселения, потому что развитие производства материальных благ, включая пищу, шло в опережающем темпе» [8, 53].

Прайс на основании этого наблюдения вывел закон экспоненциального роста науки, согласно которому «рост науки превосходит по темпам развития любую другую отрасль человеческой деятельности» [6, 267]. Благодаря Прайсу экспоненциальная модель роста науки известна как мальтузианская модель роста народонаселения, но выводы, которые были сделаны Прайсом, полностью опровергают выводы Мальтуса: скорость роста науки значительно опережает скорость роста народонаселения и создает условия для его роста. Так, в начале нашей эры человечество насчитывало 250 млн, росло медленно и неуверенно и к середине XVII столетия достигло только 550 млн человек, чтобы затем с прогрессом науки и техники расти во все ускоряющемся темпе. На основании выведенного им закона экспоненциального роста науки Прайс спрогнозировал рост народонаселения на конец XX в. и, нужно сказать, мало ошибся в своих подсчетах, назвав 6 млрд человек. «Непосредственная данность науки нуждается в подобных сравнениях для уяснения того факта, что взрывной рост науки оставляет далеко позади соответствующие взрывы народонаселения и рост всех других, не имеющих отношения к науке, человеческих установлений» [8, 53]. И в этом отношении показателен рост населения в Китае. До того как Китай встал на путь заимствования науки и техники из США и Европы, т. е. до XX в., население в Китае, по В. Грубе, было всего 300 млн, по Ж. Роду — 500 млн. Тогда как за XX столетие, после того как Китай стал вкладывать капиталы в науку и технику, оно увеличилось на 1 млрд.

Литература

1. *Петров М.К.* Историко-философские исследования. М., 1996.
2. Хрисанф, архимандрит. Религии древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 1. СПб., 1873.
3. *Quesnay F.* Despotism de la Chine // Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay. P., 1888.
4. *Род Ж.* Современный Китай. «Брокгауз-Ефрон», 1912.

5. <http://www.lib.muctr.ru/ic/files/Scitatin.ppt>.
6. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966.
7. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-н/Д, 1992.
8. Блэккет П. М. С. Ученый и слаборазвитые страны // Наука о науке. М., 1966.

Г.Г. ФЕСЕНКО

Город: философско-хозяйственные контексты

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть онтологический статус города в контексте философско-хозяйственных интерпретаций. Философско-эсхатологический контекст размышлений русских философов Серебряного века о городе представлен в перспективе «двух градов» как признание всей действительности эмпирической реальности, а также видения за ней иной реальности (как формы эманации Бога). Актуализируется анализ ценностно-смысловых аспектов городской действительности в перспективе человеческого бытия. Софийность рассматривается как ориентир для развития города.

Ключевые слова: метафизика города, креативный город, соборность, софийность, творчество, эсхатологизм.

Abstract. The article is invited to consider the ontological status of the city in the context of philosophical and economic interpretations. Philosophical and eschatological context reflections Russian Silver Age philosophers of the city is represented in the prospects of the «two Gradovs», in recognition of all reality empirical reality and the vision behind it a reality (as a form of emanations of God). Updated analysis of the value and meaning aspects of urban reality in the perspective of human existence. The Sophian is regarded as a landmark for the city's development.

Keywords: metaphysics of the city, creative city, Cathedral, the sophian, creation, eschatology.

Город, являясь не только частью ландшафтной среды, а и своеобразной формой сожительства людей, представляется центром *хозяйственного притяжения*. В современной цивилизации социально-экономическое пространство города рассматривается как структурообразующий элемент мирового хозяйственного кода. В философских

исследованиях динамика хозяйства города все чаще рассматривается через осмысление возможных вариантов включенности в него человека. Все более актуальными становятся концепции, в которых проблема городского хозяйства связывается с модальностью человеческого бытия.

В новоевропейской философии *город* представлялся искусственным пространством, отчужденным от человека, а также направленным против него. Так, Ж. Руссо отмечал, что люди, «закрываясь» в городах, морально ослабевают, а чем ближе нации к природе, тем больше доброты в их характере. О. Шпенглер оценивал рост численности городов как проявление вырождения цивилизации. Цивилизационная стихия, по мнению автора «Заката Европы», несет жителям города внутреннюю опустошенность. Согласно Г. Зиммелю, крупные города, традиционно являясь центрами денежного хозяйства, порождают и соответствующие «деловые» отношения к людям и вещам, при которых формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью, а сам «принцип денег устраняет всякую индивидуальность явлений» [1, 24]. Далее следует утверждение о том, что в сознании горожанина рождается неприятие города и форм его хозяйствования.

На рубеже XX—XXI вв. формулируются идеи «насилия большого города». Ж. Бодрийяр констатировал: «Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах, — это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться... Нью-Йорк — идеальный эпицентр конца мира» [2].

Философско-эсхатологический контекст размышлений о городе у русских философов Серебряного века (В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев) — это признание всей действительности эмпирической реальности, а также видение за ней иной реальности (обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к «мистической реальности»). Город предстает как форма эманации Бога, мыслится как воплощение божественной идеи. В нем некий рубеж, когда старый мир гибнет в результате катастрофы, и в то же время совершается его обновление, рождение новой эпохи.

Философско-хозяйственная интерпретация города начинается с идеи Города — когда человек начинает огораживаться, организовывая вокруг себя пространство, ища некий центр в нем. Сама необходимость огораживания возникла тогда, когда человек был изгнан из рая и оказался предоставлен самому себе. Город воплощает само стремление человека вернуть, установить утраченный рай как Храм Божий и тем самым спастись от страха и одиночества. От Божественной идеи Града люди переходят к его строительству, воплощению, соответственно хозяйственное бытие города освящено преображающим действием абсолютного начала в эмпирической сфере.

Все своеобразие русской философской традиции конца XIX — первой половины XX в. состоит в поиске града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности. Будучи формой воплощения небесного града, Город состоит из двух градов — Града Небесного, Горнего, и Града Земного, Дольнего. Город создан как копия-форма Града Божьего, как результат поиска точки мира. Создается на чистом месте, в благом, непорочном пространстве. Город мыслится как мечта о Благе, о божественном обитании, о месте спасения, в котором всего вдоволь. Он красив, над ним сияет божественный свет. Небесный Иерусалим создан Богом в то же время, что и Рай, а город Иерусалим был примерной копией небесной модели. Этот Град вступает в борьбу с Градом земным, греховным, дьявольским, который в конце концов побеждает. Город-крепость сдается на милость победителю, его грабят и насилюют. Но есть шанс возродиться, поскольку исходно сохраняется сама идея города как формы собирания человека в точке мира.

В русской религиозной философии переосмысливается понятие священного города как духовного центра мира, функцию которого в общехристианских представлениях несет Иерусалим. В православной традиции, берущей истоки от святоотеческих интерпретаций Нового Завета, перед кончиной мира антихрист воцаряется именно в Иерусалиме, что дискредитирует этот город и лишает сакрального значения в будущем. Интерес представляет город Киев как «гавань духа на берегу огромного степного океана азиатских просторов», как духовная и материальная альтернатива степному хаосу (не случайно центральный храм Киева посвящен Софии, мудрости Божьей). Этот город символизировал святость пространства разумного бытия на границе с внешней стихией. Главный храм Киева — София — был не только культовым сооружением, а и означением этического порядка Космоса, центром ценностно-смыслового Универсума восточного славянства. Как

материальное воплощение концепции софийности этот храм означал защиту от демонических сил, нерушимую стену святости и духа [3, 64—65]. Итак, город есть образ и подобие точки мира, модель божественной идеи, копия Града-Храма, Всемирного Города, который человек строит по примеру творца, первого строителя мира.

Город как метафизическая идея рождается в результате осознания человеком себя как метафизического существа, потерявшего Бога и пытающегося найти новую форму-копию Бога (город). Город представляется формой спасения и исцеления заблудшего человека. Метафизическая идея этой формы-копии Бога есть, по сути, идея собирания пространства вокруг центра, который мыслится как центр мира, точка мира, место, в котором рождается мир и через сопричастность к которому мир вновь всякий раз возрождается. Вместе с тем человек, желая идти к этому раю, «городит» свои утопии, города-солнца и вавилонские башни. В результате у него получаются города-чудища. У русских символистов город — символ бездушия и порока («город-Вампир», «Спрут»), сатанинское наваждение, место безумия, ужаса).

Феномен Города, принимая на себя как позитивные, так и негативные черты, нуждается в философско-хозяйственной модели пространственного восприятия. В контексте хозяйственного богословия вся история человечества — борьба двух градов — Града Божьего (Civitate Dei) и Града Земного (Civitate Terrana). Выстроенный Город становится органом-проекцией человека, хозяйственной формой его личности. Город предстает как символическое тело человека (становится либо своеобразным хранилищем его органов, либо панцирем-склепом, его могилой). Как писал Блаженный Августин, «для души тело человеческое есть оковы и гробница». В этом случае человек как бы распинает себя на собственном символе, сам себя закапывает в собственное чудовищное творение. Но это происходит, если человек забывает, что город — это Град Божий.

Русские философы Серебряного века сознательно выдвигали вопросы пересоздания действительности, выхода из субъективности к самообъективированию. Так, Н. Бердяев отмечал, что западная цивилизация в большей степени дорожит настоящим и охвачена идеей «благоустройства», для русской же культуры мироустройство не характерно. Город должен объективировать в формах наиболее глубокие и целостные явления мира (мир есть Град Божий, творимый человеком через синергию с Богом, по его образу и подобию). Для идеи города необходима, с одной стороны, идея Града Небесного, Града Духовного, с другой — Града Земного, Града душевного. На встрече двух градов начинается строительство. Два града — суть два тела (сопрога), в которых обитают душа человеческая и Дух Божественный.

Город возможен, прежде всего, как онтологическая идея, конституирующая и организующая повседневную жизнь людей. Не камень и гранит, а слово и смысл организуют тело идеи города. Российский философ С.А. Смирнов утверждает, что «быть горожанином — значит “городить”, строить “нерукотворенный Храм” души своей, заботиться о себе, огораживать себя от всякой нечисти» [4].

В русской философско-религиозной философии отмечается парадокс эсхатологического сознания, в котором конец не только отодвинут на неопределенное время в будущее, но и близок каждому мгновению жизни, и Апокалипсис есть не только откровение конца мира и истории, а и внутри каждого мгновения жизни. Н. Бердяев настаивал на активном понимании Апокалипсиса как призыва к творческой активности человека, к героическому усилию и подвигу. «Человек активно создает ад и рай. Рай и ад есть духовная жизнь человека, и они раскрываются в глубине духа. Только слабость сознания, пораженного грехом, выбрасывает рай и ад вовне, переносит их в объективный порядок, подобный порядку природы... Бог ожидает от нас, чтобы не ждали, а открывали мир... Творчество — условие изменения мира...» [5, 412—413]. Город, как заметил Ю. Лотман, это живой организм, постоянно меняющийся, являющийся нам в зазеркальных формах рефлексии (в том числе философско-хозяйственно). Жизненной стратегией горожанина, желающего увидеть Бога, становится «очищение зеркала души», возможное через «акт творчества в духе», знаменующий, по Н. Бердяеву, внутреннее движение к совершенству, это состояние позволяет отрешиться от мира эмпирического и соприкоснуться с миром божественным.

Философско-хозяйственную рамку Города как метаидею следует удерживать в виде осознания формы душевной и духовной организации личности человека. Профессор Ю. Осипов отмечает, что человек-творец, «бытуя, изменяется... метафизически... Творчество способно пробудить в думающем человеке, в особенности, в *философе хозяйства*, не столько чувство гордости за человека-творца, сколько чувство страха и даже отчаяния обычно текущей притупленного внешними потребительскими удобствами и физическими удовлетворениями» [5, 269].

С конца 1980-х гг. появился образ «творческого города» как своего рода призыв к открытости и воображению. Творчество рассматривается в контексте интеллекта, изобретательности. По всему миру более ста городов сейчас называют себя «креативными», вкладывая в это понятие, прежде всего, развитие искусства и творческой среды (новаторские бизнес-модели, изобретения и новые услуги) [6]. Если в про-

мышленном городе люди скорее склонны к ценностям производства и эффективности, то в креативном — к самовыражению. Вместе с тем Ю. Осипов отмечает, что «мир уже живет в условиях *творческого тоталитаризма творчества* ... творческая гонка в творчестве... способна закончиться всеобщей погубелью» [5, 270].

В современной урбанистике творчество — краеугольный камень для выстраивания среды «креативного города» [7]. «Креативный город» является создателем нового типа пространства, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества. Эти новые отношения выражаются в системе расселения внутри города, создании новой топографии города, отражающей разнообразные формы социокультурной коммуникации. Вместе с тем креативный город не предполагает обязательную объективацию в создаваемых формах наиболее глубоких и целостных явления мира. (Творчество средневековой архитектуры было шагом навстречу человечеству, в нем было осознание своего предназначения как служения человеку на уровне потребностей в его экзистенциальных ощущениях; оно стало импульсом к последующим теориям «очеловечивания» среды обитания). В «креативных» городах искомое преобразование бытия так и осталось неосуществимым. Профессор Ю. Осипов отмечает: «Человек-демиург-создатель противоречивого мира, в котором, может, кое-кому, кое-когда и уютно, но в котором много не то что неуютства, но и самой настоящей смертельной угрозы. Мир, построенный человеком-творцом, — отнюдь не благодатный и не безопасный мир, он в чем-то фундаментальном и *антимир*, ибо споспешествует он весьма *антижизни*» [5, 270].

Город как идея соборности человека, идея собирания его в целостность, требует философско-хозяйственного контекста, софийного творчества как проявления высшей энергии человеческой природы. В «Философии хозяйства» С. Булгакова отмечается, что «содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого в натиск на омертвление... Мир органический, царство жизни в разных ее формах, окружен враждебной стихией смерти, мертвого механизма, давящей необходимости. Жизнь... лишь ценою страшных усилий спасается от истребления. Она несовершенна в себе самой, непрочна, временна, смертна, ее подстерегает небытие» [8, 117]. Современные города нуждаются в софийных хозяйственных формах, позволяющих превозмогать небытие [9]. Хозяйственное пространство города иерархично, в основу его не могут быть положены чисто земные интересы — следует стремиться к тому, чтобы «не заглушать» заданный свыше смысл жизни.

Таким образом, философско-хозяйственная интерпретация городов предполагает экспликацию мотива «двух град». Город рождается сначала не в географическом месте, прежде всего, он нерукотворный храм души человеческой, храм личности. Город как образование идеальное есть форма идеи, определяющей в дальнейшем способ и образ жизни человека. А вещная форма лишь обрамляет идею города. На стыке города-камня и города-идеи и рождается в сознании человека хозяйственная форма города. Парадоксальность и сложность проблемы состоят в том, что город, с одной стороны, материален, веществен, воплощен в камне и металле (он телесен и брутален по отношению к отдельному индивиду), с другой стороны, — это метафизическая реальность, постоянно переживающая метаморфозы в сознании человека. Город является формой спасения и исцеления заблудшего человека. В такой философско-хозяйственной перспективе парадигма развития мегаполиса неизбежно связана со сменой установок — от потребительски ориентированного преобразования внешней среды на преобразование внутренней среды (ценностей, мотиваций, приоритетов).

Литература

1. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3—4 (34).
2. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Gor_Nas.php (дата обращения: 27.10.2013).
3. *Кримський С.Б.* Запити філософських смислів. К., 2003.
4. *Смирнов С.А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России // <http://antropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnovgorod> (дата обращения: 27.10.2013).
5. *Осипов Ю.М.* Творчество // Философия хозяйства. 2009. № 1.
6. *Бердяев Н.А.* О назначении человека // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М.; Харьков; 2003.
7. *Лэндри Ч.* Креативный город. М., 2011.
8. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
9. *Вальева М.В., Платонова Ю.А.* Социальная ответственность и хозяйственная деятельность: софийное хозяйство С.Н.Булгакова и современная концепция устойчивого развития // Философия хозяйства. 2013. № 4.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Институциональная ценность как категория новой политической экономики

Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей.

Алле М. Единственный критерий истины — согласие с данными опыта

Аннотация. В статье раскрываются основание и структура центральной категории новой политической экономики как развивающейся науки о современной мировой хозяйственной системе — институциональной ценности. Последняя, по мнению автора, является онтологическим и логическим продолжением эволюции капиталистической системы, основанной на производительном капитале и, соответственно, стоимости и цены производства, на более зрелую стадию постиндустриального развития, в которой институциональная ценность приобретает решающее регулирующее и регламентирующее значение.

Ключевые слова: новая политэкономия, стоимость, институциональная ценность, транзакционные издержки, институциональная рента.

Abstract. The article deals with the foundation and structure of the central category of the new political economy as a developing science of the modern world economic system — institutional value. In author's opinion, it is the ontological and logical continuation of the evolution of the capitalist system, based on productive capital and, accordingly, the value and price of production. In other words, the capitalist system goes to a more mature stage of post-industrial development, in which an institutional value obtains crucial controlling and regulating importance.

Keywords: the new political economy, value, institutional value, transaction costs, institutional rent.

Любая наука имеет свою первооснову, свой атом, ген, клетку, молекулу, не только закладывающую методологическую основу познания своего объекта, но и определяющую начало своего предмета.

Было две попытки построить единые известные теоретические политико-экономические системы: из категории стоимости, а также из категории ценности. Нельзя сказать, что они были неудачны. При всех своих эвристических ограничениях, которые можно заметить лишь с позиций текущего дня, каждая в рамках определенного периода времени раскрывала потенциал для производственно-экономического и социального развития. Первая, если говорить о классической политэкономии, — в производстве, в рамках воспроизводства; вторая — в фазе обмена.

Но каждая из научных дисциплин, возникнув и имея для своего времени свои теоретические преимущества и практические достижения, все же должна меняться в своем парадигмальном основании, дополняясь исследованиями частных наук и обогащаясь практикой. Если это игнорировать, то хозяйственная реальность может уйти далеко вперед от своей идеальной политико-экономической картины, либо последняя, дополненная стремительной фантазией человека, уйдет в область, если даже и хороших, но все-таки вымышленных фактов и иллюзий. И то и другое является первым исходным институциональным конфликтом между воображаемым миром и его реальностью. Последствия последнего — самые разные и самые непредвиденные: от проигрыша на выборах лидеров и партий до разрушения больших и сильных империй.

По определению, главная институция — это доминирующий образ мышления о структуре, формах и закономерностях функционирования хозяйственной системы определенного периода с учетом ее пространственных и временных изменений. Однако этот образ мышления, выступающий парадигмальным основанием для теории, все же имеет как пространственное, так и временное ограничения. Иначе говоря, каждая из фундаментальных теорий имеет свой цикл как отражение реального хозяйственного процесса, так и влияние (!) на него. Люди на самых разных уровнях, когда они мыслят категориями одного порядка и в рамках одной системы координат, т. е. парадигмы, не только лучше понимают друг друга, они создают основу того, что иногда называют системой, чем обеспечивают прирост знания и его целостность.

Этот цикл, протяженности примерно в 80—110 лет, после чего обнаруживает себя закономерность смены политико-экономической доктрины. Эту мысль следует подчеркнуть, поскольку, кроме всего прочего, любая доктрина имеет свою гуманитарно-идеологическую компоненту, выражаемую культурой, интересом, мотивом, эмоциями и пр. В контексте этого заметим, что прошедшие десятилетия современной экономической реформы не обеспечили главного — единого институционального образа, или определенной целостной доктрины с ее набо-

ром категориального аппарата. Административно-бюрократический набор понятий, характеризующий риторику современного политического процесса, не принимается в расчет, хотя его влияние существенно, правда, не обязательно в сторону общественного развития¹².

Чтобы знать, понимать (!), что сегодня происходит в изменившемся мире, отношениях, мотивации и поведении, все-таки надо позитивно-критически смотреть на прошлый инструментарий познания (правда, при условии, что он все-таки освоен пишущим) и видеть тенденции формирования методологических подходов, фокусирующих внимание на общем мирохозяйственном устройстве, его структуре, тенденциях эволюции. И что бы практики, политики ни говорили, пренебрежительно относясь к теории, они всегда находятся в плену или своих бывших познаний, заимствованных у плохого учителя, или же накопившего отрицательного небольшого личного опыта, помноженного иногда на элементарное невежество.

Мы признаем факт глобализационных процессов в различных проявлениях. Но почему-то не задумываемся над тем, что и мышление должно идти — и оно реально в этом расширяющемся направлении движется, — чтобы воссоздать в первом приближении общую картину современной мир-системы. Оценивая причину современного общего кризиса, П. Кругман пишет: «Истинная редкость в мире — это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... Единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [1, 296]. И действительно, как показывает практика и история науки, преодолению любых кризисов предшествует новая

¹² Понятие «развитие» далеко выходит за пределы «экономического роста». Данная проблема сформировала предмет классической политэкономии. Неокейнсианство и неоклассика под влиянием возникших хозяйственных проблем разработали методологию и инструментарий исследования экономического роста. Но рост может быть и без развития, о чем показала практика 1970-х гг. Экономическое развитие — это такая комбинация интеллектуальных, ресурсных и институциональных изменений системы, которые создают условия для накопления кумулятивного потенциала, способного осваивать совершенные технологии, создавать новые виды продукта, осваивать иные рынки сбыта, увеличивая реальный продукт для потребления, обеспечивая благоприятные условия для жизнедеятельности человека, продолжительности его жизни (Й.А. Шумпетер). Иначе говоря, экономическое развитие — это расширенное воспроизводство доминирующего уклада и соответствующих отношений общества в процессе хозяйственной деятельности. Вполне уместен вопрос, а заложен ли хотя бы потенциал для развития за период рыночных преобразований в бывших социалистических странах?

идея, являющаяся результатом стихийного возникновения или целенаправленной интеллектуально-практической работы.

Сегодня почти незаметны различия в ведущих научных экономических направлениях по основным методологическим критериям, от выбора которых зависит и исследовательский результат. Почему? Дело в том, что стала более или менее очерченной и устойчивой в рамках понимания и определений объектно-предметная база. Поиск истины, сущности, законов, доказательности и пр., которые создавали прецеденты для дискурса, ушли из научного оборота. Полезность экономической науки объявляется главным ее свойством. Вместе с тем самой общественной практикой обострились вопросы стратегии политико-экономического развития, методов реализации этой стратегии как в мире, так и в отдельных странах под влиянием доминирующих международных институтов, форм и источников богатства, принципов и законов его распределения и пр. Ответ на эти и другие вопросы может быть лишь в том случае, если сделать шаг к новому теоретическому уровню — *новой политической экономии*, которая является следствием отражения изменений в самой теории и практике¹³. В современной экономической науке явно обнаруживается закономерность завершения методологического цикла, сформулированного классико-неоклассической доктриной, и тенденция интеграции идей, гипотез и прочих методологических свойств, фиксирующих современный уровень хозяйственной практики и дающих старт нового цикла развития. Экономическая наука должна быть не только полезной для частного круга лиц, но и все-таки раскрывающей сущность многих явлений современности, реализуя общественную полезность и общие интересы существования индивидов, бизнеса, государства, финансовых институтов и пр. И описательности, а также утилитарного рационализма, к которым обратились представители мейнстрима, здесь уже явно недостаточно [3].

То, что данный термин — «новая политическая экономия» — как бы занят известной теорией о политическом процессе (Бьюкенен и др.), лишь подтверждает мысль о том, что выводы этой теории должны быть существенно расширены и дополнены, поскольку политический процесс и соответствующие изменения могут быть признаны успешными (или же нет), если способствуют эффективной реализации объективных экономических тенденций и законов. Но каких законов? каких тенденций? Каков критерий эффективности координации и регулирования государства и других институтов? Сегодня мало кто скажет

¹³ На эту тему автором опубликовано ряд статей и других изданий (см., напр.: [2, 11—34]).

об этом. Ведь политический процесс — это понятно; демократия — тоже нужна, но кто ответит за высокий рост цен, техногенные или природные катастрофы? Кто, как и за чей счет выполнит функции обеспечения многоликостью национальной безопасности?

Экономическая наука, пожалуй, единственная из наук, позволяющая в рамках одной парадигмы классифицировать несколько школ. Поэтому и под «новую политэкономия» необходимо «подвести» определенную аксиоматику, отражающую сложившиеся онтологические и гносеологические изменения. Одно из таких аксиоматических свойств — институциональная ценность. Она приходит на смену стоимости, проявляющейся через цену производства, совокупности монопольных цен и... системы нормативов, стандартов, брендов, трансфертов. Последние являются доминирующими, допроизводственными, дорыночными и осознанно сформированными (!). Правда, вопрос о том, кто разрабатывает эти нормы и стандарты, правила и нормы, кому они в большей степени служат — вопросы эти как-то не принято задавать в научном сообществе. Политики же, как правило, оформляют новые институциональные нормы в рамки общих цивилизационных ценностей, хотя очевидным является устойчивый факт нарастания различного рода диспропорций, политико-экономической и социально-психологической нестабильности. Современный порядок из хаоса — это весьма глубокое наблюдение и вывод о порядке, состоящем из хаоса [4]. «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, — пишет П. Кругман, — достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [5, 458].

Качественные изменения в глобальной экономике обусловлены новым технологическим прыжком пятого цикла, для которого характерно, прежде всего, наличие Software, мультимедиа, доминирования информационных и биотехнологий, глобальных сетей.. Рассматривая основополагающий компонент социальных изменений — экономическую сферу человеческой деятельности, можно констатировать, что основным средством приращения, возрастания капитала стали не производство и технологические инновации, а манипуляции сознанием практически всех слоев населения — от потребителя до государственного деятеля. Именно в этом суть основных социально-информационных технологий, а не в росте знания и использовании компьютеров и интернета. Технологии по формированию определенного типа мышления и манипуляции сознанием открыли постинду-

стриальную эпоху почти так же, как технологии работы угля и пара открыли век промышленного капитализма с его основанием — стоимостью. Социально-экономическую основу для этого создал экономический кризис 1873 г., который обусловил отрицание индивидуальных форм капитала и активное развитие акционерного капитала. Последний стал не просто более организованным и контролируемым, но и более влияющим на общественно-политические процессы. Сформировались основные сети транспорта, использование телеграфа изменило и ускорило систему банковских расчетов, усилив одновременно возможности и масштабы спекуляций на фондовом рынке.

Накопление знаний в области электричества и изобретение динамомашин открыли новую сферу вложения капитала — электроэнергетику. Электростанции, телеграфно-телефонные станции, метро, судостроение выступили главными объектами капитальных вложений, которые осуществлялись с помощью акционерного капитала, но недооценка возможностей частных потребителей и ограничение спроса снова подвели к кризису 1903 — 1907 гг. Возникшая после этого монополия существенно изменила и сам хозяйственный мир в целом, и мир капитала, отношения найма, подчинив, а где-то и поработив более мелкий бизнес. Выйти из круга влияния монополярной цены, как главного инструмента регулирования экономики, сегодня стало вообще невозможно. Важно также подчеркнуть, что хозяйствование на основе монополий — это уже принципиально новый порядок отношений, где рынок в своих традиционных проявлениях носит вспомогательный характер лишь в определенных сферах деятельности.

Но сила и влияние монополий как формы производственного процесса дополнились в разных видах взаимодействием с банковским капиталом, образовав финансовый капитал. В результате возникла и новая норма социального поведения: время — деньги. Доступ к этому ресурсу и его влияние стали во многом определяющими. И, не задумываясь, эту норму денежного влияния приняли, оформив ее даже в поговорку. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, — пишет Дж. Кейнс, — трудно ожидать хороших результатов» [6, 224]. Но все-таки время не деньги, а вся жизнь, поскольку деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит. Она уходит вместе с разрушением производственной нормы, которую в свое время создал капитал как главный компонент рынка. Кейнс для сохранения капитализма создал, а точнее, обобщил теорию за экономический рост, за который надо было уже «бороться» всем миром, формируя «эффективный спрос».

Жизнь как ценность в начале XXI в. приобретает иное звучание, но не у всех одинаково, как это требует демократическое общество. Воз-

возможным стало такое потому, что сформировалась новация в виде метакапитала, где около 98% составляют финансово-валютные трансакции и только 2—3% — операции по обмену реальными товарами. Этот вид капитала явился следствием глубокой интеграции финансового капитала, организованного капитал-интеллекта в виде отдельных научных учреждений и СМИ и капитал-института, сросшегося с рядом государственных институтов. А уже следствием этого явилось то, что законы права и политики, олицетворяющие реализацию далеких от национально-государственных интересов, подавили и узурпировали законы экономические. Богатство не только материальное, но информационное, доступ к власти, социальный статус и пр. распределились и распределяются далеко не в соответствии с демократическими принципами, но и по законам рынка. А в результате, как пишет П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [5, 55].

Жизнь в кредит усилила отрицание частной собственности, создав в экономической сети дополнительные риски для расширенного воспроизводства. Права собственности и право пользования углубили обособление капитала и социума. Также капитал мира оказался разнесенным в пространстве и во времени. В силу сложившегося разделения труда и капиталов на Севере (*N*) работает рынок ценных бумаг. Западные агенты (*W*) предпочитают пока использовать рынки физических капиталов, технологий и труда. Восточные же (*O*) отдают предпочтение рынкам потребительских товаров, элементарной сборке, а южные (*S*) сориентированы на первичную обработку сырьевых товаров и поставку дешевой рабочей силы на мировой рынок.

И если ранее связующим звеном капиталов выступала цена производства, регулируя не только отношения между ними, но и доли распределения совокупным капиталом добавленной стоимости, то в рамках метакапитала уже институциональная ценность в некоторой степени выступает связующим отношением, ориентиром или нормой для обеспечения относительного равновесия между глобальным спросом и глобальным предложением. По мнению многих известных экономистов, разрыв между ними и есть одна из острейших проблем современности. Дж. Стиглиц пишет: «Наиболее острой проблемой является разрыв между глобальным спросом и глобальным предложением» [7, 223]. Оказывается, не всякое равновесие благо. Есть «плохое» равно-

весие, и оно современными экономистами никак не воспринимается, не анализируется [5, 458].

А что лежит в основе колебания этих агрегатов? С нашей точки зрения — это институциональная ценность, которая отражает не только меру затрат, но и момент вмененных социальных ориентиров, ценностей, спекуляций. Финансовый рынок как доминирующая форма функционирования рынка в целом создает фиктивный капитал, который никак не может проявляться без субъективистско-психологического вменения. Но парадокс в том, что реальные активы в своей оценке зависят в первую очередь от движения и поведения игроков биржи, института, где формируется ложная социальная стоимость. «...Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются... Именно рыночный фундаментализм, — отмечает Дж. Сорос, — сделал систему мирового капитализма ненадежной, ибо он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и, в конечном счете, могут привести к падению мировой системы капитализма» [8, 17, 23].

Последствия и проявления этой ситуации на практике самые разные. Но применительно к нашим трансформациям это означает, что страны, не являющиеся основными политико-экономическими игроками, свои реформы должны начинать под признаваемую идею и ориентиры, выражаемые в явных и неявных формах. И этот «стандарт» поведения будет искусно поддерживаться и контролироваться мировым сообществом. От выполнения разных рекомендуемых стандартов страной зависят возможность получения кредита, инвестиций, степень поддержки кадровой политики, приглашение к участию в работе каких-либо международных организаций, рейтинговые оценки, прогнозы развития «влиятельных» экспертов и пр.

В современных условиях тенденция эта усиливается — изменился приоритет влияния того, что называют факторами производства. Можно уже избежать «ресурсного проклятия», освоив научно-информационное поле не только как гносеологическую сферу, но и как бизнес-процессы. Иначе говоря, если предположить страну с ее неким душевым доходом, то при мировом запасе знаний этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний. Однако у всех стран довольно разные возможности внутреннего доступа к этому ресурсу — это с одной стороны, но с другой — создают

ся и весьма разные возможности доступа к современным перспективным технологиям и научным разработкам. Например, известный КОКОМ (Комитет по контролю за экспортом высоких технологий) никто не отменял, равно как и его функции.

Внедрение информационно-психологических технологий и внедрение их в сознание, не разрушая традиционных укладов (!), все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект, (кумулятивный) у тех стран, у которых сложилась критически накопленная структура нового технологического уклада. Доля последнего в продукции ВВП не должна быть менее четверти. Институциональный капитал¹⁴ сегодня обрамляет, организует (!) все виды капитала и укладов, приводя их в действие, обеспечивая определенный тип воспроизводства. Поэтому причина низкой эффективности как государственных предприятий, так и частного бизнеса, роста отчуждения наемного труда и его мотивации, отчуждения чиновников от результатов своей деятельности, т. е. обострения бюрократизма, лежит в плоскости понимания и, следовательно, умения организации всей совокупности институционального капитала.

Уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный, в котором информация является главной сферой и средой деятельности институционального капитала, является доминирующим. От него зависят все другие циклы¹⁵. Информационно-образовательно-психологический цикл, — подчеркнем, — мировой цикл, — отражает, прежде всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. Вре-

¹⁴ Институциональный капитал — это накопленный и сохраненный в процессе общественного развития страны (мира) набор взаимосвязанных между собой институтов (формальных и неформальных), которые обеспечивают условия для расширенного и эффективного экономического роста и развития. Что касается воспроизводства, то речь идет об интенсивном типе данного явления, в котором обеспечивается, кроме всего прочего, воспроизводство отношений развития.

¹⁵ Как-то так получается, что именно информационный цикл является наименее изученным. Определенную лепту в раскрытие природы функционирования информации внесли Дж. Стиглер, Дж. Стиглиц, М. Спенс, А. Акерлоф. Однако главная проблема в прорыве понимания производства и воспроизводства информации заключается в том, что данное явление исследуется в рамках методологических традиций изучения и изложения рынка, денег и капитала.

менные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а его траектория, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму, имеет дискретный S-образный характер.

Норма прибыли сегодня имеет значение. В краткосрочном периоде. Но институциональная ценность отражает норму влияния, деятельности и контроля метакapиталом остальных видов капитала, давая последним эту финансовую прибыль. Но последнюю невозможно понять без понятия издержек.

Понятие издержек для просто экономиста и институционального экономиста имеет разный смысл. Если просто экономиста интересуют оплачиваемые внешние издержки по производству товаров и услуг, а «хорошего» экономиста — издержки и внутренние, рассчитываемые по особым методикам, то институциональный экономист обязан, кроме всего прочего, обратиться к издержкам/полезности функционирования всей институциональной системы. Эти совокупные издержки/полезность отражают ценность, а следовательно, и эффективность функционирования определенной модели хозяйствования, которой институты задают стратегическую генерацию и вместе с тем ограничения развития. Их кратко можно выразить формулой:

$$TC = PC + TrC + TrCi,$$

где TC — совокупные издержки, PC — производственные издержки, TrC — транзакционные издержки по товарным операциям, $TrCi$ — транзакционные институциональные издержки, опосредуют институциональные транзакции реформы. Они включают не только издержки по ликвидации старых институтов, но и необходимые затраты по строительству новой институциональной системы.

Институциональные транзакции являются условием и результатом реформ. Если будут перерыв и дискретность между ликвидированными старыми и формирующимися новыми институтами, то образовавшийся вакуум создаст отрицательный эффект хаоса и неопределенности. Это тот случай, когда возникает некооперированное поведение из-за отсутствия некоей идеологии, признаваемой большинством и позволяющей одинаково понимать текущее и планировать с более четкой определенностью будущее поведение и возможные его сценарии. Это ситуация переходных периодов.

Институциональная среда не просто превращает технико-технологические возможности в действительность, но и выступает исходным, базовым условием определенной модели хозяйствования, создающей условия для дополнительного социально-экономического эффекта, называемого институциональным доходом (Ri). По существу это рентный доход, поскольку он напрямую чаще всего никак не свя-

зан с капитальными или же трудовыми затратами. Например, система Интернет создает дополнительный полезный эффект с подключением каждого дополнительного его участника. Здесь предельный полезный эффект стремится к максимуму при стремлении к минимуму предельных издержек. Такого не может быть при производстве и потреблении обычных товаров.

Она, институциональная рента, кроме субъективированных ценностных оценок содержит элемент (большой или меньший по величине) добавленной, вмененной стоимости, создаваемой в других странах. Таким образом, институциональная ценность вменяется обществу и индивидам в отдельности и ее связь с затратами имеет косвенный характер. Она служит основой неэквивалентного обмена по сути, хотя формирует видимость равнопартнерских отношений между странами или субъектами хозяйствования. Таким образом, принцип демократического поведения внешне соблюдается, и он вполне на явленческом уровне приемлемо описывается позитивистской методологией, но в рамках сущностного подхода уже более четко отражаются и другие аспекты современной реальности — отношение далеко не равных возможностей, свободы выбора и отношение явного «нарушения» закона стоимости. Однако в рамках категорий мейнстрима последнего как раз-таки и нет. Вот поэтому и проблемы эксплуатации нет...

Институциональная ценность (Vi) равна: $(Vi) = PC + TrC + TrCi + Ri$. Она распадается на эти элементы, потому что фиксирует качественную целостность общества или отдельного сообщества, группы. В конечном счете, именно данная норма, а это есть общественная норма поведения всех участников хозяйственной деятельности и в первую очередь четко выкристаллизованных, сложившихся элементов социально-классовой структуры, определяет допустимые пределы производственных (PC) и трансакционных издержек (TrC). Это же относится и к размеру распределяемых рентных доходов. В меньшей степени люди на рациональном уровне далеко не одинаково понимают суть институциональных изменений (TrC) и всех выгод (Ri), получаемых от этих изменений. Лозунг «движение — все, конечная цель — ничто» часто лежит в основе инициатив или мотивов участия в реформах. Но это для масс, для электората. Элита же, иницирующая реформы, почти всегда понимает, к чему она стремится. Ее целью является институциональная рента, которая выступает следствием разрушения старой системы норм и правил и построения таких новых «порядков», которые в той или иной степени обеспечат интерес не только реформаторов «первой волны», но и последующих ее участников. Институциональная рента делится далеко не между всеми членами общества. Ее

законы распределения выходят за пределы привычных законов рыночно-капиталистического распределения. Ее формы также не только деньги и далеко не деньги: это должностные портфели, привилегии, возможности влияния, награды и пр.

Стоимость и институциональная ценность взаимосвязаны между собой. Институциональная ценность указывает на развитие социально-экономических процессов, динамику происходящих изменений. Но стоимость отражает меру физической жизнедеятельности человека или фирмы, производящей услуги. Однако по мере решения этих злободневных проблем диапазон витальных потребностей человека расширяется и углубляется за счет социально-психологических переживаний, эмоций.

Экономическая сфера в текущем периоде уже не может рассматриваться отдельно от социальной, культурной, коммуникативной, психологической. Возрастает значимость институционально-социально-психологических и прочих потребностей, которые значительно расширяют рыночный обмен, виртуально увеличивают размер ВВП, условий и факторов, т. е. того, что входит в понятие социального капитала. Богатство народов сегодня вышло далеко за привычные рамки и формы, сформулированные еще А. Смитом. Для того чтобы обеспечить мир материальными благами текущего уровня, в современной экономике вполне достаточно, чтобы их производило около 20% занятых. Остальные производят не просто услуги, а отношения общения. Таким образом, основным средством или, может быть, механизмом приращения и возрастания капитала стали не производство и технологические инновации, а манипуляции сознанием потребителя. Открыто то, что можно назвать душой экономики. А последняя слишком хрупка и зависит от всего еще мало изученного комплекса социально-психологических и информационных факторов. Именно в этом суть информационных технологий, которые практически не обеспечили качественный прирост знания о современной экономике. Причина — новые сферы человеческой деятельности — или осознанно не замечается, или их пробуют исследовать старыми методологическими подходами и инструментами. Например, деньгами, которые узурпировали уже практически все человеческие ценности, разрушающими даже капитализм как производительную систему. Сегодня от денег и соответствующего вида капитала и капиталистов — далеко не предпринимателей — надо защищать капитализм. Иначе говоря, институциональная ценность, которая во многом выстраивается из оценки смысла жизни, сегодня финансируется или монетизирована, а вернее — демонизирована.

Естественно, под влияние фиктивного капитала и разных его производных начинает расти и объем ВВП, других не совсем стандартных экономических показателей за счет процесса и специфической экономики, имеющей субъективированные параметры. Например, объемы ВВП страны, отражаемые в национальной валюте по обменному курсу и по паритету покупательной способности, не совпадают по причине субъективных оценок ценности и разной покупательной способности валют. Эта покупательная сила вменяется обществом под влиянием финансового капитала, и реальные издержки здесь не имеют существенного значения. Интересно то, что покупательная сила денег стран развитых почти в полтора раза переоценена по сравнению с валютами стран более низкого уровня развития, ценность валюты которых занижена почти в два раза. Мировые ресурсы имеют 57,7% финансовой основы и только 42,3% — материальной.

Институциональная ценность характеризует в некоторой степени меру качества жизнедеятельности человека (!), уход последнего в психологические переживания и эмоции. Диапазон последних значительно шире, чем удовольствия и переживания, обусловленные материальными благами, размером ВВП. Возникла уже политэкономия счастья [9, 94—107].

Итак, институциональная ценность — это в высшей мере субъективированные оценки потребляемой произведенной услуги, полезные качества которой формируются или в процессе коллективного пользования, или же вследствие первоначально высокого общественного признания. В последующем эта высокая мера оценки, например, какой-то информации или услуги, распространяется за счет субъективной оценки других субъектов хозяйствования, потребления их другими индивидами, институционализации всего хозяйственного процесса.

Когда индексы на фондовых биржах уменьшаются или увеличиваются, то размер реальных активов от этого не меняется, идет лишь перераспределение субъективных массовых оценок, зависимых от биржи, трейдеров и игроков от экономики. Сфера социально- и политико-экономической психологии только сейчас начинает приобретать определенное осмысление и значение. Речь идет об интерпретативной рациональности, смысл которой задают, например, эксперты, имеющие также свои интересы и мировоззренческий фокус.

Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационно-психологическое. Последнее имеет крайне специфическую потребительную ценность. Стоимость, созданная знанием, по своему характе-

ру требует в высшей степени институционализованного общества, иначе она не сможет получить должного признания (пример, Айфон-5). Или цена модного костюма или косметики известной фирмы,кратно превосходящая цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которые придали в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы, ее популярность.

Институциональная ценность выступает, таким образом, субстанцией глобальной ренты. Сегодня это главная форма дохода. На этапе формирования мирового рынка глобальную ренту извлекали политико-экономические альянсы в рамках закрепившегося международного разделения труда, специализации и кооперации. Этот политико-экономический эффект был все же следствием минимизации транзакционных издержек на международном уровне. Следовательно, в доходах от международной кооперации, кроме рентного, была часть дохода экономически оправданного, признаваемого и выгодного всему обществу. Войны между странами, характерные особенно в период образования монополистического капитализма, можно объяснить именно таким видом борьбы за глобальную ренту. Сегодня стремление стран Восточной Европы войти под «защиту» соответствующего союза, включая военный, также объяснимо с точки зрения желания извлечь ренту при изменении мирового экономического порядка без усиления экономической активности и «напряжения» своих хозяйствующих субъектов. Показательно то, что от конкуренции капиталов через конкуренцию стран в настоящее время осуществляется переход к конкуренции блоков, союзов, альянсов, корпораций. Речь идет о конкуренции институтов наднационального уровня. Здесь сообщество постиндустриальных стран играет ведущую роль, без согласия которых и без их поддержки ни одна страна не может изменить свое положение.

Параметры институциональной ценности вначале задает наука в целом и экономическая в частности, имеющая мощный идеологический импульс. Последняя, например, своими теориями и «теориями» определяет рамки и содержание экономического мышления, а, следовательно, и поведения. Она может очередной моделью создать очередную финансовую пирамиду, спровоцировав «научными прогнозами» роста рисков кризис. А в кризисе, как известно, одни проигрывают, и их большинство, а другие выигрывают. И их меньшинство. Сегодня так «работает» мировая экономика. Как отмечает нобелевский лауреат М. Алле, теория международной торговли, которую навязывают сторонники либеральной либерализации, лжива и не выдерживает научной критики [10, 65—66].

Однако заметим, что политико-финансовая сфера является лишь частью того, что относится к «информационной экономике», опирающейся на управляемую институциональную ценность. Но это область психологии и других наук, куда экономисты стараются по ряду причин не «влезать».

Таким образом, информационно-психологический образ, формирующий институциональную ценность, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии. Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр., может существовать и существует уже как самостоятельный ресурс, что уже отмечалось. В ней находят отражение единство понятий экономического времени и пространства нового качества. Однако это происходит лишь в определенной среде, где индивиды мыслят в рамках одной экономической идеологии. Реально это идеология выражается в разных идеальных и материальных конструкциях, в том числе в системе брендов, которые создают в людях образы явных и мнимых ценностей. Производство брендов, образов, а не производство товаров и услуг является делом, или целевой функцией, новых империй. «Производство» этих образов является самым прибыльным видом деятельности, основной инновацией современной экономики. Реальное же производство осуществляется в «третьих» странах, где может и не существовать для этого условий. Более сложные товары производятся в десятках стран посредством подетальной кооперации. Сборка же и продажа готового изделия позволяют самим ведущим странам извлечь львиную долю добавленной стоимости, в которую входит составной частью мировой рентный доход, или глобальная рента.

Практическая реализация данного процесса осуществляется посредством субконтрактных отношений — *аутсорсинга*. Прямое соединение предпринимательского и финансового капиталов и передача на аутсорсинг производительного капитала вызвали к жизни и новую организационную структуру бизнеса — *сеть*. Формируют сеть крупные корпорации, продающие физический капитал, освобождая таким образом его огромные объемы для кредитования. Его объемы в мире равны примерно объемам банковского кредитования. Но направления последнего сориентированы по преимуществу на активизацию потребления, а не на производство. Конфликт производства, таким образом, и потребления усиливается, внося в воспроизводственный цикл дополнительный хаос.

Институциональная ценность проявляется также во всеобщей стандартизации, в ценности денег, которые не сберегают никаких накоплений, дешевых, но опасных нормах технологии, приводящих к техногенным катастрофам, антисоциальных нормах, минимизирующих издержки и дающих далеко не рыночные прибыли. Даже Ф. Хайек пишет: «...Вести счет в рыночных ценностях значит вести счет на человеческие жизни... Калькуляция издержек есть калькуляция жизнью» [11, 226].

Кроме того что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства — информационная, т. е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. Согласно данным ООН и ОЭСР, более 87% всех расходов на НИОКР сосредоточено в 31 стране, составляющих не более 13,4% общего количества национальных хозяйств. Остальные же 86,6% хозяйств лишь около 10% расходов осуществляют на научно-информационную и конструкторскую деятельность.

Возник новый вид частной собственности — право на формирование и управление новыми международными институтами. На этой первичной стадии страны, включенные в «первый список», извлекают глобальную ренту через институциональные инновации, обеспечивающие выгоды «первопроходцам», иницирующим если и новое знание, то новые смыслы. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта посредством денег. И законы этой стадии распределения также никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта: равенство предельных издержек предельным выгодам.

Современный капитал не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия как в прошлом, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия. Трансакционные издержки в мировом ВВП уже составляют большую его половину (!), которую за минимальную оплату принимают на себя «третьи» страны.

Формой регулирования институциональной ценности является институциональное планирование: это сознательное формирование таких норм, правил, порядков, которые, отражая закономерности противоречивых современных тенденций, позволяют оптимизировать отношения и интересы различных социальных групп и классов, достигая компромисса интересов как на международном уровне, так и на уровне национально-государственного устройства.

Поэтому нельзя арену институционального строительства отдать на откуп только известным странам, международным центрам, как и управление деньгами — на откуп лишь банкирам, которые сегодня превзошли даже ростовщиков по своему устремлению к извлечению денежной ренты. Влияние объемов кредитования на производство и потребление почти ликвидировало институт частной собственности, потому что до тех пор, пока кредитор не рассчитается с банком, собственность имущества юридически принадлежит банку. А банк — это переходный институт, в зависимости от рамок своего функционирования одинаково может «служить» общественным интересам или же узкой группе лиц.

Сегодня международные институты, включая ТНК и ТНБ, экспертные и бюро по стандартизации, являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. Далее: существенно, исходя из ограниченности суверенитета страны, меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр тяжести конкуренции из сферы экономической, повлиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической. Речь идет о конкуренции институтов, а точнее монополии, потому что формирует международную политико-экономическую стратегию лишь небольшое — известное — количество стран. Конкретные же субъекты «строительства» международного экономического порядка неизвестны. Поэтому глобальная политика определяет и необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. Это принципиально иной вид либерализма. И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают мир-экономику. Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны или стран. Но в то же время государство, создающее жесткие границы, также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения институциональных, технических и организационных инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для них различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только не сократился, как про-

гнозировали, но и значительно увеличился. Монополярная система, а именно так можно охарактеризовать современную мир-экономику, должна обслуживать на неэквивалентной основе центр, куда входит уже даже не известная семерка держав, а межнациональный капитал — *метакapитал* — со всей своей инфраструктурой и специфическими товарами, и услугами, и периферией со своей товарно-сырьевой специализацией в экономике и производной подчиненностью в политике, науке, технологиях, идеологии. Это одно из самых значимых противоречий современного капитала, имеющих самые разные формы проявления.

Таким образом, парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создала экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения — неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколота цивилизации».

Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей. Но здесь мы, т. е. люди третьего тысячелетия, столкнулись с необычайно острым и гносеологическим, и реальным противоречием. С одной стороны, нам надо (!) все-таки заглянуть в сущее современной мир-системы и честно попытаться его изложить, а с другой — это таинство, явные и неявные массовые заблуждения позволяют, институционализируя массовое поведение и провоцируя очередные риски, извлекать рентные доходы. Для этого необходимы феноменологические заблуждения, которые внедряются через институты образовательных стандартов. Мировой же информационный цикл обосновывают, разрабатывают и внедряют так называемые *эзотерики*, т. е. посвященные. И это можно назвать первым уровнем высшего элитного образования, которое «производит» и «воспроизводит» нестандартно мыслящих профи для глобальной экономики. Второй уровень — это уже специалисты. Их задача честно и профессионально выполнять уже разработанные и намеченные функции, будь то производственный процесс, финансы и пр. А третий образовательный уровень ориентирует молодых (и не только) людей на знания принципов индивидуально-потребительского свойства. Им действительно не надо объяснять, как, почему и в каких пределах работает метарынок, метасистема. Они должны быть научены понимать символы и знаки уже работающей

системы на одном языке, чтобы к ней потребитель мог адаптироваться. Для последних кризис — это когда он, потребитель, непосредственно потерял работу или ликвидные активы со всеми вытекающими последствиями. Выяснение же истинных причин и общих последствий кризиса не входит в компетенцию субъектов «обывательской экономики». К сожалению, «учиться рынку» в нашей и других подобных странах предлагают, только обращаясь к третьему уровню образования.

Для этого же создан особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка, т. е. *ни к кому*. Действительно, вызывает не только недоумение, но и протест то обстоятельство, что американские граждане по результатам последнего кризиса потеряли 7 трлн дол., а банки — всего лишь 1 трлн дол. Но самая массовая и активная помощь оказывалась не теряющим свое последнее богатство гражданам, а банкам. Налицо острейший институциональный конфликт современной мир-системы, в основе функционирования которой лежит глобальный капитал, — создана антиэкономика, утерявшая первоначальный свой смысл — человеческой деятельности, равно как и классические либеральные традиции, — право защиты частной собственности в современном рыночно-капиталистическом обществе. И если имущественное неравенство, вскрытое ранее, может как-то еще и не замечаться, то информационно-статусное неравенство, осознанно к тому же культивируемое, практически полностью исключает демократические принципы человеческого общения, свободу выбора и поведения. Рентная мотивация — это также один из первых признаков современного глобального капитала, функционирующий на институциональной ценности, а глобальная рента является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен.

Итак, М. Планк утверждал: наука представляет собой внутреннее единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу (см.: [12, 246]). Поэтому нет ничего практичнее хорошей теории, которая в контексте этой главы предполагается в возрождении на новой парадигмальной основе политической экономии. «Бывшие коммунистические страны после краха своей системы, сложившейся после Второй мировой войны выбрали искаженный вариант рыночной экономики. Они поменяли своего прежнего бога Карла Маркса на нового — Мил-

тона Фридмана, — пишет Дж. Стиглиц. — Но новая религия не служит им хорошо» [7, 273]. Поэтому надо думать самостоятельно, понимая сложность и ответственность за предлагаемые выводы и то, кому ты служишь и за что и что из этого получается, и создавать новые идеи и теории, соответствующие общим интересам мир-системы в целом и ее отдельным элементам — странам национальным, не попирая их интересы и не оскорбляя за свою лояльность по отношению к существующей несправедливости.

Литература

1. *Кругман П.* Возвращение великой депрессии. М., 2009.
2. Экономика. Университетский курс: Учебное пособие / Под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. Мн., 2007.
3. Современная политическая экономия / Под ред. П.С. Лемещенко. Мн., 2005.
4. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003.
5. *Кругман П.* Великая ложь. М., 2004.
6. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
7. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после кризиса. М., 2011.
8. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
9. *Антипина О.* Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.
10. *Allais M.* L'Union europeene, la mondialisation et le cho mage // Rev. des Sciences morale et polit. 1998. № 2.
11. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М., 1992.
12. *Чешков М.Г.* Интеграция науки (философский очерк). М., 1975.

В.И. КОРНЯКОВ

Главный фантом классической теории и современность

Аннотация. Раскрывается авторское понимание фантомов экономической теории и главного фантома классической теории — избы-

точной прибавочной стоимости. Показывается современное значение этого фантома.

Ключевые слова: общественная рыночная цена, индивидуальная цена, производительность труда, избыточная прибавочная стоимость, экономика снижающихся цен, инновации.

Abstract. It is revealed the author's understanding of the phantoms of economic theory and the main phantom of the classical theory which is additional surplus value. It is showed the modern meaning of this phantom.

Keywords: public market price, individual price, productivity of labour, additional surplus value, economy of lowered prices, innovations.

Отношение к классике, к предшественникам всегда было показателем как серьезности, так и нравственности исследователя. Но оно не может и не должно быть молитвенным. Научное наследие любого классика не может ни заключать элементов, отражающих ограниченность достижений науки своего времени. И открытие, показ, преодоление этих элементов — это продвижение в духовном освоении бесконечности нашего бытия. Поэтому постановка о том, что в «теле» классической теории в числе понятий, всегда воспринимаемых как адекватное теоретическое отображение экономической материи, могут оказаться понятия-фантомы, вполне укладывается в принятое в науке отношение к классике.

Оговорю, что не смешиваю объекты, которые могут быть названы фантомами, с трансцендентным и трансцендентностью в классической экономической теории. Мне уже доводилось приводить примеры такой трансцендентности — любые суммы живого и овеществленного труда, трудовая материальная субстанция стоимости, экономическая материя. Вряд ли кто сомневается в реальности содержания этих понятий. Но между тем никто логически убедительно и не объяснил, как возникает, образуется их содержание — скажем, как складываются, суммируются живой и овеществленный труд. Ведь сегодняшний живой труд просуммирован с овеществленным, который функционировал как живой во многих разных прошлых периодах времени. Всякий же овеществленный при его представлении живым (при воображаемом переходе в его время) опять и опять предполагает другие, более давние овеществленные, потому что любой живой труд заключает в себе три простых момента — не только проявление живой рабочей силы, но также и вклады предмета, средства труда, появляющиеся всегда раньше данного труда как живой деятельности человеческого организма, что означает наличие еще более давних живых трудов по созданию этих предметов и средств труда и т. д. И так без конца: к какому-то «началу»

всего процесса их суммирования прийти таким материальным путем, шаг за шагом, не дано, хотя наличие этого «начала» несомненно. При этом всякая сумма живого и овеществленного труда — ограниченная конечная величина. Клубок трансцендентных загадок! И этой до сих пор нераскрытой загадочностью оказывается пронизанным весь экономический процесс, все общественное воспроизводство.

Их трансцендентность налицо, но сами эти процессы и их понятийные отображения — никакие не фантомы. Они — реальность, приближенная к истинности. Фантомы же — такие экономические образования, которые по своим действительным содержанию, сущности не имеют какого-либо отношения к тем областям экономической деятельности, которые заявляются, вменяются им теорией или обиходным рассудком. В таком понимании фантомы напоминают «кажимости» — «превращенные формы» «Капитала» Маркса. Однако, фиксируя эти «кажимости», наука, во-первых, соотносит их не с их ложным, а с их истинным содержанием. И, во-вторых, объясняет, как и почему та или иная действительность обретает признаки «кажимости». И как в «кажимости» находить эту действительность.

Фантомы же — объективные образования, которые обобщены теорией и входят в научную систему, занимая в ней значащее место, не в своем истинном содержании, а в ином, вмененном ему наукой. Конечно, это вменение происходит по тем или иным вполне научным признакам. Но тем не менее вмененное неистинное содержание противоречит общей логике данной научной системы, в той или иной мере искажает понимание ее функционирования и перспектив развития. Думается, в этих случаях полезна, даже необходима особая коррекция теории — на ее собственной идейно-теоретической основе, т. е. без ее принципиальной переработки. Суть коррекции состоит в более тщательном и правильном изучении-понимании фантомальных отношений, в дополнительных выводах относительно их истинного содержания, а также функционирования и динамики системы в целом.

Самым главным и важным из фантомных образований сферы производства, как мне представляется, является «избыточная прибавочная стоимость», которую классическая теория причисляет к экономическим категориям своего сущностного ряда. Согласно теории, свое направляющее воздействие на внедрение в производство новшеств, на технический прогресс, на повышение производительности труда, на динамизацию производства прибавочная стоимость оказывает через свою особую форму — избыточную или добавочную прибавочную стоимость на индивидуальных предприятиях (разность между уменьшенной ростом производительности индивидуальной стоимостью единицы продукции и ее более высокой общественной рыночной стоимо-

стью). В конкретных отношениях явленческого уровня (на поверхности отношений) избыточная прибавочная стоимость фиксируется как сверхприбыль — разность между общественной рыночной ценой продукта и его индивидуальной ценой на данном предприятии. Динамику капитализма классическая теория объясняет взаимодействием между производством обычной прибавочной стоимости во всех производственных процессах и погоней за избыточной прибавочной стоимостью на индивидуальных предприятиях.

Чтобы обнаружить содержание данного фантома, посмотримся, прежде всего, в самый процесс образования материи «избыточной прибавочной стоимости». Вот индивидуальная стоимость продукции «соскользнула» с уровня общественной, пошла вниз от этого уровня. Это произошло вследствие уменьшения трудоемкости единицы изделия по причине роста выработки, производительности труда. Именно в этой начавшей уменьшаться индивидуальной стоимости единицы продукции вся создаваемая работниками данного предприятия прибавочная стоимость, она в нерушимых объятиях с уменьшающимися издержками и поэтому покинула уровень общественной цены. Теперь все внимание образуемому зазору между индивидуальной и общественной стоимостями (ценами). По логике принятой теории, здесь — прибавочная стоимость, только что израсходованное застывшее прибавочное рабочее время. Однако в действительности этого нет! Иначе, говорится — одно, а на деле — другое. «Избыточная прибавочная стоимость» оказывается сходной с «ложной социальной стоимостью». Но, в отличие от «ложной социальной стоимости» [1, 292—293], здесь нет потерь в индивидуальной стоимости как части произведенных затрат вследствие их непризнания обществом.

В нашем же случае, если только в достаточно быстрые сроки общественная цена уменьшается до уровня индивидуальной, ничего не теряется, не утрачивается. Тут — одни только обретения. И данного индивидуального капиталиста, и всего общества. Индивидуальный капиталист некоторое время получает дополнительный доход. Предприятие и общество обретают высвобожденные труд, ресурсы из производства индивидуальных продуктов, готовые к включению в производство. В этом смысле фантом «избыточной прибавочной стоимости», можно сказать, производительный. Своей величиной он сообщает о размерах массы ресурсов, высвобожденных для текущего индивидуального производства, для общества. Всей массе так называемой «избыточной прибавочной стоимости» (таковой, мы видели, реально не существует) в общественном масштабе соответствует такая же стоимость освобожденных ростом производительности труда факторов производства. А

когда две указанных цены, наконец, «схлопываются», наступает самое главное: рост индивидуальной производительности труда проходит в общественное воспроизводство, сливается с ним. Сначала он «переселяется» в удешевление стадий обработки общественного технологического процесса производства, далее удешевляет конечный продукт, улучшает соотношение между живым и овеществленным трудом, воспроизводственными совокупностями, совершенствуются важнейшие параметры общественного воспроизводства вплоть до цикла оборотов основного капитала.

Продажная цена должна была бы сразу пойти по новому «руслу», не оставляя места для каких бы то ни было «пустот». Но она некоторое время удерживается на прежнем месте, и возникающий вакуум сразу заполняется денежным образованием, деньгами, равными полученной экономии и образующими избыточный доход капиталиста. Так что же такое, это денежное образование?

Уровень опустившейся индивидуальной цены фиксирует сверху «передний край» некоторой определенной индивидуальной экономической материи, которая после роста производительности теперь располагается уже ниже этого края. Предприниматель некоторое время не снижает фактическую отпускную цену соответственно этому уровню. То есть он произвольно как бы установил более высокую индивидуальную цену, ориентированную на общественную рыночную, нежели та, что обусловлена повысившейся производительностью, снизившимися индивидуальными издержками, трудоемкостью. Причем получающийся индивидуальный сверхдоход содержательно не включает ни грана индивидуальной прибавочной стоимости, прибавочного труда рабочих предприятия.

Достаточно очевидно, что этот доход от «незаконно» взвинченной цены типологически — никак не прибавочная стоимость. Но это и не таинственный незнакомец. Он вполне узнаваем. Это — не что иное, как кратковременная монопольная сверхприбыль — сверхприбыль от завышенной цены. Этот доход имеет материальное стоимостное наполнение и может обретать продуктивное выражение.

Источники ценовой монопольной сверхприбыли хорошо известны. Происходит перераспределение всей созданной стоимости всего общественного производства, основная часть продукции продается несколько ниже стоимости, обеспечивая материальное стоимостное наполнение продукции, продаваемой по монопольным ценам.

Но на каком основании Маркс так несоответственно назвал это образование все-таки прибавочной стоимостью?

Полагаю, Маркс пошел на это, мягко говоря, упрощение объективной действительности из соображений использования предпринимате-

лями данного дохода. Хорошо известно, что данный доход используется предпринимателями именно как обычная прибавочная стоимость, присоединяется ими к ней. Как и обычная прибавочная стоимость, она расходуется на потребление и накопление. Возможно, поэтому ради упрощения изложения Маркс проигнорировал те более сложные отношения (не стал «возиться» с ними), которые возникали при производстве «избыточной прибавочной стоимости». Известно, что автор «Капитала» прибегал к упрощениям и в некоторых других случаях. Так, он не раз писал о переносе стоимости постоянного капитала на производимую при помощи этого капитала продукцию, хотя единожды сам же оговорил, что никакого переноса в действительности нет, что, «строго говоря», вместо него имеет место иной объективный процесс: сохранения в изготавливаемом продукте стоимости расходуемого постоянного капитала полезным конкретным трудом [2, 218]. Видимо, к упрощению такого же рода классик прибегнул и здесь, не дав, к сожалению, соответствующих разъяснений.

Что же дает понимание фантомальной природы «избыточной прибавочной стоимости», ее действительного содержания?

Прежде всего, это уточняет экономическую сущность капитализма как строя производства и присвоения прибавочной стоимости. В том, что привычно обозначается ростом массы прибавочной стоимости, всегда наличествовал вклад интенсификации, «избыточной прибавочной стоимости», монопольной сверхприбыли, собираемой со всего общества. Иначе говоря, наряду с заявленным Марксом противоречием двух основных классов буржуазного общества всегда совершенно объективно существовало противоречие между капиталом и всеми слоями общества, выплачивающего ему монопольную сверхприбыль.

Особого внимания требует современная ситуация в РФ и развитых странах, когда «избыточная прибавочная стоимость» на поверхности отношений привычным образом не фиксируется совсем. Современная ступень общественного разделения труда привела к тому, что индивидуальные цены все чаще сразу же выступают также и единственными-общественными, старая внутриотраслевая конкуренция прекращается, в итоге эти цены, вопреки росту производительности труда, чаще всего не уменьшаются даже с ростом производительности труда («цены не раки, назад не ползают»). Тем самым сегодня на поверхности отношений величина «избыточной прибавочной стоимости» должна быть определена иначе, «не классически»: как разность между не снижающейся отпускной ценой и издержками, уменьшаемыми ростом производительности труда, инновациями. Содержательно же это тот же

фантом, истинная сущность которого — монополярная сверхприбыль, дань со всего общества.

Эти изменения отображают новую экономическую ситуацию. Не снижение, даже рост цен перекрыл, прекратил традиционное вхождение повышения производительности труда в «тело» общественного воспроизводства, в котором вследствие этого развиваются дегенеративные процессы, начиная с ухудшения соотношения между живым и овеществленным трудом, между основными воспроизводственными совокупностями. Общие условия производства прибавочной стоимости становятся для капитала все более затруднительными, особенно с учетом требований трудящихся к уровню зарплаток и социальных благ. Это побуждает капитал к, можно сказать, яростному поиску инноваций, интенсификации-экономизации процессов производства, чтобы монополярной сверхприбылью перекрыть слабины потоков прибавочных трудом и стоимости как таковых. Инновации как способ совершенствования производства, соответствующий современным уровням науки и техники, позволяют капитализму наших дней пополнять чашу своих сверхдоходов добавочными массами монополярной сверхприбыли.

И это — еще один симптом движения современного общества по совершенно ложному, противоестественному, обманному, разрушительному пути — пути в никуда. В проектных теоретических разработках новой, сменяющей нынешнюю, экономической системы не место монополярной сверхприбыли. Курс на инновационное развитие, питающий таковую, опирается на сохранение и дальнейшее повышение отпускных цен и поэтому убивает себя, консервирует, усиливает недостатки общественного воспроизводства. Подлинной альтернативой, контрапунктом новой системы может быть только экономика снижающихся цен [3, 111—119], заключающая мощные инструменты экономического и социального прогресса.

Литература

1. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
3. *Корняков В.И.* Экономика гипоксии // *Философия хозяйства.* 2012. № 5.

И.С. ЗОЛКИН

**Первые итоги членства России в ВТО:
влияние на внешнеэкономическую безопасность**

Аннотация. Публикации официальных статистических данных по российской экономике за первое полугодие 2013 г. дали возможность проанализировать влияние международных правил ВТО на внешнеэкономическую безопасность России и динамику показателей национального хозяйства и его отраслей.

Ключевые слова: ВТО, национальное хозяйство, показатели, внешнеэкономическую безопасность, экспорт, импорт, ВВП, отрасль.

Abstract. Publication of official statistics on the Russian economy in the first half 2013 were given the opportunity to analyze the impact of international rules of the WTO on foreign economic security and dynamics of the Russian national economy and its industries.

Keywords: WTO, the national economy, the indicators, foreign economic security, exports, imports, GDP, industry.

Больше года прошло после вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО). Национальное хозяйство нашей страны было включено в глобальную экономическую систему в качестве полноправного члена. На протяжении переходного периода поэтапно будут снижаться различные барьеры на пути свободного перемещения товаров, услуг и других объектов экономики через границы российского государства.

В течение всех 2000-х гг. и в перспективе в мировой экономике происходили и будут продолжены различные процессы, которые можно идентифицировать как угрозы и риски для России. В мире усиливаются новые центры экономической силы, в частности, Китай, который завоевывает доминирующее положение на товарных рынках как «традиционно российских», так и новых, технологически сложных. Это может привести к дальнейшему углублению сырьевой направленности российского экспорта. Продолжается передел мирового энергетического рынка, связанного со «сланцевой революцией», использованием нетрадиционных и альтернативных источников энергии, снижением удельных затрат энергоносителей на единицу мирового ВВП и т. д. Соответственно изменяется динамика спроса и уровня цен на сырьевые товары российского экспорта, что ограничивает потенциал дальнейшего роста доходов от продажи сырья на мировом рынке.

Угрозы российской экономике в инновационной сфере заключаются в том, что переход к инновационному развитию происходит не

только в развитых, но и в развивающихся странах. Постоянно идет разработка новых технологий, продуктов и услуг, разнообразные инструменты государственной политики обеспечивают структурную перестройку хозяйства и повышение качества жизни, решение социальных и экологических проблем. В России процессы технологического перевооружения экономики развиваются с задержкой и далеко не так интенсивно, как в динамично развивающихся странах. Имеющийся потенциал отечественных производителей наукоемкой продукции используется недостаточно, в результате возрастает зависимость от иностранных технологий.

Наконец, неурегулированность и стратегическая нестабильность развития мировой финансово-экономической системы, особенно проявившиеся в период мирового кризиса, также не способствуют созданию условий для динамичного развития российской экономики.

На фоне этих процессов, угроз и рисков и произошло присоединение России к ВТО. Необходимость такого присоединения обосновывалась разными обещаниями, прогнозами и предположениями. Они выделены в тексте курсивом.

Рассмотрим, как сбылись эти прогнозы на основании недавно опубликованных Росстатом и ЦБР статистических итогов экономического развития страны за первое полугодие 2013 г. [1; 2]. Будем анализировать эти итоги с позиций внешнеэкономической безопасности как такого состояния и развития хозяйственной системы страны, при которых обеспечивается ее защищенность от воздействия угроз внешнеэкономической сферы. Сравним показатели внешнеэкономической безопасности первого полугодия прошлого года с показателями первого полугодия текущего года. В соответствии с разработанным ранее подходом во внешнеэкономической безопасности выделим ее следующие подвиды, связанные с перемещением через границы государства определенных товарных групп и других экономических ресурсов: сырьевую (включая энергетическую), продовольственную, промышленную, технологическую, миграционную и финансовую безопасность [3].

Прогноз: улучшится структура экспорта. Структура экспортной (в широком смысле) безопасности выглядит следующим образом. На основании данных по товарным группам ФТС РФ, сырьевая безопасность (доля топливно-энергетических товаров в экспорте в первом полугодии 2012 г. и первом полугодии 2013 г.) составила 71,0 и 71,3% соответственно. Данные по продовольственной безопасности (доля в экспорте продовольственных товаров): 2,9 и 2,4%, по промышленной безопасности (удельный вес в экспорте машин, оборудования и транспортных средств): 4,6 и 5,1%, по технологической безопасности (доля

в экспорте продукции авиакосмической промышленности, компьютерно-офисной техники, электроники и телекоммуникационного оборудования, фармацевтической продукции, научных приборов): 3,0 и 4,1%. Данные по миграционной безопасности (выбывшие из России, чел.): 1639277 и 1811043 (рост в 1,1 раза), финансовой безопасности (вывоз – ввоз капитала = чистый вывоз частного капитала, млрд дол. США): 40,1 и 38,4. Таким образом, сырьевая направленность экспорта несколько усилилась, эмиграция в основном качественной рабочей силы возросла на 10%, экспорт продовольствия сократился, но в то же время улучшились позиции по промышленной, технологической и финансовой безопасности.

Прогноз: улучшится структура импорта. Показатели структуры импортной (в широком смысле) безопасности: продовольственная безопасность: 13,2 и 13,4%, промышленная безопасность: 50,0 и 48,8%, технологическая безопасность: 15,2 и 12,4%, миграционная безопасность (прибывшие в Россию, чел.): 1781774 и 1940959 (рост в 1,1 раза). Импорт сырья в Россию незначителен (страна располагает значительной сырьевой базой), финансовая безопасность показана выше. Итог: усилилась импортная зависимость от продовольствия, почти на 10% увеличилось число иммигрантов преимущественно низкой квалификации, доля промышленных и высокотехнологичных товаров сократилась, что в условиях необходимости проведения ускоренной модернизации экономики вряд ли является позитивным моментом. Общий баланс по экспорту-импорту: минусов больше чем плюсов.

Прогноз: резко возрастет поступление иностранных инвестиций в Россию. Их общий объем в I полугодии 2013 г. в сравнении с I полугодием 2012 г. вырос на 32% и составил 98,8 млрд дол., причем прямые инвестиции увеличились на 60%. Больше всего зарубежных инвестиций поступило в обрабатывающую промышленность — 59% от общего объема. Правда, значительную долю иностранных инвестиций составляют различного рода кредиты, а не вложения в технологическое перевооружение и модернизацию российской экономики. Кроме того, нужно иметь в виду, что часть зарубежных инвестиций — это вывезенные российские средства, которые после легализации за границей (в основном в офшорах), возвращаются под видом иностранных инвестиций в Россию. Но в целом можно считать, что по данному показателю прогнозы начинают сбываться.

Прогноз: объем внешней торговли возрастет, внешний долг снизится. С этими макропоказателями пока все наоборот. Внешнеторговый оборот России в I полугодии 2013 г. по сравнению с I полугодием 2012 г. сократился на 0,7 % и составил, по данным Банка России, 413,4

млрд дол., в том числе экспорт — 252,5 млрд дол. (снижение на 3,8%), импорт — 160,9 млрд дол. (рост на 4,4%). Положительное сальдо торгового баланса сократилось на 16,7 млрд дол. Внешний долг РФ увеличился с 575 млрд дол. до 704 млрд дол. (рост в 1,22 раза).

Прогноз: в результате роста дешевого импорта (уменьшены таможенные пошлины) и усиления конкуренции снизятся цены на потребительские товары. Прогноз не оправдался. Индекс потребительских цен в I полугодии 2012 г. составил 103,8%, а в I полугодии 2013 г. уже 107,2% (при пороговом значении 106%).

Теперь приведем данные по динамике показателей национальной экономической безопасности в целом за те же периоды. Сначала рассмотрим те индикаторы, по которым в экономической литературе, в частности В.К. Сенчаговым, предложены пороговые значения [4, 290]. Принципиальное значение для защиты национальных интересов имеет темп прироста ВВП. Поскольку в мировом хозяйстве экономическая динамика важна не только сама по себе, но и в сравнении с соседними крупными странами, развивающимися ускоренными темпами, постольку темпы роста российской экономики должны быть сопряжены с динамикой этих стран. Иначе разрыв в уровнях экономической мощи и соответственно безопасности России и других государств будет постоянно увеличиваться. Речь идет, прежде всего, о темпах прироста экономики КНР. Больше тридцати лет они составляли 10% в среднегодовом исчислении. За это время наша страна пережила затухание темпов роста в позднесоветский период, глубокий и длительный трансформационный спад 1990-х гг., мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. Последние данные по темпам прироста ВВП Китая таковы: II квартал 2013 г. ко II кварталу 2012 г. 7,5%. Прирост ВВП РФ I полугодия 2012 г. к I полугодию 2011 г. 4,5%, I полугодия 2013 г. к I полугодию 2012 г. 1,4% (т. е. падение в 3 раза). Правительство России определяет среднегодовой темп прироста ВВП в 2013 г. и в последующие годы не менее 5% (по существу, это пороговое значение вышеуказанного показателя) [5]. В.К. Сенчагов считает, что в данном случае порог составляет 6%, что, на наш взгляд, более обосновано, учитывая наше нарастающее отставание от Китая с 1978 г.

Международные резервы (так называемая «подушка безопасности») на конец I полугодия 2012 г. достигли величины в 514 млрд дол., на конец I полугодия 2013 г. 517 млрд дол. при нижнем пороге 250 млрд дол. Но в данном случае, по-видимому, должен быть и верхний предел, поскольку выведение из воспроизводственного процесса слишком больших объемов ресурсов будет тормозить экономический рост, негативно отражаться на уровне жизни населения и т. д.

Данные по приростам отраслей экономики (I полугодие 2012 г. к I полугодю 2011 г. и I полугодие 2013 г. к I полугодю 2012 г.) следующие. Приросты продукции промышленности составили 3,1 и 0,1%, сельского хозяйства — 4,2 и 2,0%, грузооборота транспорта — 2,9 и – 0,9%, оборота розничной торговли — 7,7 и 3,7%. Приросты инвестиций в основной капитал за соответствующие периоды также обнаружили тенденцию к снижению: 12,8 и 11,7%.

Таким образом, можно констатировать, что функционирование российской экономики по международным правилам ВТО в течение шести месяцев 2013 г. оказало противоречивое воздействие на внешнеэкономическую безопасность страны, но негативных тенденций в динамике ее показателей оказалось больше в общем балансе плюсов и минусов членства РФ в этой международной организации. Сложнее обстоит дело с влиянием новых правил на общеэкономическую и отраслевую динамику национального хозяйства России. В этом случае позитивных трендов по рассмотренным показателям практически вообще не наблюдалось. Такой результат вызван многими причинами, в том числе и действием различных угроз. Речь идет об изношенности основного капитала и инфраструктуры, недостаточно высокой конкурентоспособности российской продукции, существуют большие проблемы с финансовой системой, деловым и инвестиционным климатом, качеством государственного регулирования и институтов и т. д. Но все это было и до вступления нашей страны в ВТО. Следовательно, нельзя отрицать влияния новых правил экономической деятельности на современное состояние российской экономики.

Разумеется, годовое участие нашей страны в ВТО — срок небольшой, и рано делать далеко идущие выводы. Многие страны (как развивающиеся, так и с трансформационной экономикой) сталкивались с проблемой снижения темпов роста сразу после вступления в ВТО. Но затем экономики этих стран перестраивались, и экономический рост возобновлялся. Что же касается нашей страны, то для смягчения негативных последствий переходного периода правительство РФ разрабатывает специальные меры по адаптации национального хозяйства России к новым условиям хозяйственной деятельности.

Литература

1. Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики // <http://www.gks.ru>.
2. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // <http://www.cbr.ru>.

3. Золкин И.С. Внешнеэкономическая безопасность России: содержание, угрозы и оценка состояния // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.

4. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 2013.

5. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года // <http://government.ru/info/761>.

В.В. КАШИЦЫН, С.В. ФИЛИМОНОВ

Дискуссия о рынках в России в конце XIX — начале XX в. и ее непреходящее значение

Аннотация. Анализируется известная дискуссия о рынках, произошедшая на рубеже XIX — XX вв., а также актуализируется современное преломление обсуждавшихся вопросов через призму проблем мировой и национальной экономики.

Ключевые слова: внутренний рынок, богатство, капиталистическое воспроизводство, экономика России.

Abstract. This article analyzes the well-known debate about the markets, which took place at the turn of XIX — XX centuries, as well as updated modern refraction of the questions discussed in the light of the problems of the world and national economies.

Keywords: domestic market, the wealth, reproduction of capital in capitalism, Russia's economy.

Известная в истории мировой и отечественной экономической мысли дискуссия о рынках ведущих экономистов и государственных деятелей дореволюционной России в своей основе затрагивала две базовых методологических проблемы: перспективы развития капитализма вообще и проблемы развития капитализма в России.

В конце XIX в. развитие России начало приобретать все более отчетливые капиталистические формы. Дискуссия же о пути развития России, которую вели образованные круги, продолжалась уже более полувека. Естественно, в ней приняли участие и экономисты, тем самым оставив особый след в развитии русской экономической науки. Вопрос о рынках, на первый взгляд, может показаться сугубо технологическим вопросом развития капитализма как такового, однако он принял всеохватывающий характер. Соответствующие решения этого

вопроса разными экономистами приводили к выводам о том, как будет или должна развиваться наша страна и капитализм как система в целом.

Несмотря на то, что полемика развернулась во вполне определенных конкретно-исторических условиях и, естественно, была ими обусловлена, вопрос остается актуальным и сегодня. Наша задача состоит в том, чтобы высветить обсуждавшиеся тогда проблемы в контексте сегодняшних угроз российской государственности в контексте глобализации, а также подчеркнуть неоспоримую ценность многих идей, высказанных русскими экономистами.

Выделим наиболее важные, с нашей точки зрения, узловые вопросы, по которым развернулась дискуссия, и рассмотрим их как имеющие значимость с точки зрения перспектив развития.

1. Влияние разрушения крестьянской общины и общинного кустарного производства на процесс формирования внутреннего рынка России.

2. Развитие России на капиталистических началах; существование капитализма как замкнутой, самодовлеющей капиталистической системы без внешних рынков.

Итак, рассмотрим первый вопрос. Считается, что по этому пункту (да и в дискуссии в целом) народники «проиграли». Однако некоторые исследователи указывают на то, что «ими были разработаны исходные рубежи для альтернативного варианта экономического подъема» [1, 210]. Слово «альтернативный» в данной цитате указывает на то, что во многом были правы и марксисты, и народники. Однако же дискуссия не могла состояться без наличия существенных противоречий, обнаруженных оппонентами: народники утверждали, что разложение общины уничтожает внутренний рынок, что давало им основания отвергать возможность развития капитализма в России, марксисты же доказывали, что вовлечение граждан в общественное разделение труда этот рынок и создает. Принято считать, что здесь марксисты были правы. Но «альтернативность» позиции народников (к сожалению, до конца не сформулированная) состояла в том, что внутренний рынок в России может формироваться вне разложения общины. Что субъект внутреннего рынка и экономических отношений — предприятие, может формироваться не только посредством объединения атомизированных индивидуализированных граждан под началом капитала, использующего их, но и на основе коллективного добровольного их объединения. При этом на голову крестьянства не будут сваливаться все те ужасные бедствия, которые пережили крестьяне Западной Европы, а общество сохранит коллективистское начало. Но при этом цель деятельности

субъекта рынка — предприятие смещается из пространства извлечения прибыли любой ценой в пространство удовлетворения потребностей людей, составляющих его. И, надо отметить, что советское предприятие впоследствии содержало в себе черты этой альтернативности. В некоторых своих аспектах оно было как большая семья, коллектив, в задачи которого входили и развитие и забота о своих членах, решения их социальных вопросов: как то общежития, дома, детские сады, пионерские лагеря, базы отдыха и т. д. Актуальна ли сегодня данная «альтернатива»? По нашему представлению, безусловно актуальна, ведь развитие России на капиталистических началах по западному образцу сегодня демонстрирует во многом те же плачевные результаты что и 100 лет назад.

Рассмотрение второго вопроса дискуссии также представляет большой интерес. Тут надо отметить, что оппоненты абстрагировались от российской специфики и переключались на закономерности развития капитализма как замкнутой системы в целом, затрагивая вопросы поиска «границ» и барьеров его развития. Выводы же из их абстрактных схем делались не только всеобщие, но и конкретные — применительно к России. Сегодня, в условиях глобализации и международной экономической интеграции, в том числе региональной, такая постановка вопроса приобретает особую актуальность.

В процессе дискуссии было нащупано три основных проблемы развития.

Первая — проблема сбыта (реализации) прибавочного продукта. Многие участники дискуссии использовали Марксовы схемы простого и расширенного воспроизводства, и при абстрактном их рассмотрении вышеуказанную проблему решить действительно тяжело. Но если вопрос расширенного воспроизводства рассматривать в контексте денежного обращения, проблема встает в полный рост. Роза Люксембург, обсуждая дискуссию русских экономистов, формулировала этот вопрос так: «Для кого?» [2, 209]. С.Н. Булгаков же поставил вопрос иначе, суть его можно выразить словами: «Откуда берутся деньги?». Надо сказать, что наличие подобной проблемы ощущал не только Булгаков, поэтому решений этой проблемы предлагалось несколько:

1. По мнению П. Струве, прибавочный продукт должны потреблять некие третьи лица, не являющиеся ни капиталистами, ни пролетариатом (обслуга, чиновники, армия и т. д.).

2. По мнению народников, прибавочный продукт должен быть либо уничтожен, либо отдан рабочему классу, либо реализован на внешнем рынке.

3. По мнению С.Н. Булгакова, должен явиться некий «золото-промышленник», который этот продукт скупит и увеличит количество

обращающихся денег в системе (на наш взгляд, это наиболее правильная постановка).

Класс капиталистов же, как показала история, предложил свой метод — а именно, организацию мировых войн.

Стоит ли сегодня проблема сбыта, реализации «прибавочного продукта»? Разумеется, стоит, ведь капиталистическая система до сих пор существует. Традиционное неоклассическое, монетарное уравнение денежного обращения выглядит так:

$$MV = PQ.$$

Денежная масса, умноженная на скорость ее оборота, равна количеству товаров, умноженному на уровень цен. Прибавочный продукт появляется именно в натуральной форме. Соответственно проблема его сбыта в замкнутой капиталистической системе может быть рассмотрена как проблема увеличения денежной массы. Именно поэтому постановка вопроса С.Н. Булгаковым, по нашему мнению, является наиболее адекватной. Соответственно наиболее интересным является и его ответ — продукт должен «купить» золотопромышленник.

Кем являлся золотопромышленник в эпоху золотого стандарта? Это был источник золота, вещества, выполняющего функцию мировых денег, из которого чеканились монеты для национальных валютных систем. Но времена золотого стандарта канули в Лету, мы живем в эпоху плавающих валютных курсов. Сегодняшний «золотопромышленник» — это в большой степени Центральный банк и другие государственные органы регулирования внутреннего рынка. Иначе говоря, проблему реализации избыточного продукта может и должно решать только государство, но государство эффективное, и решать в том числе путем допущения бюджетного дефицита, сформированного посредством эмиссии национальной валюты (инвариант кейнсианской методологии спроса), с той оговоркой, что мы пока что рассматриваем абстрактное государство, находящееся в ядре замкнутой капиталистической системы и абстрагированное от внешней торговли.

Вторая проблема — проблема нарушения воспроизводственных пропорций в ходе развития капиталистической системы и, как следствие, перманентная генерация регулярных кризисов. Она исчезает сама собой, если соблюдается некая «планомерность», на что указывал еще К. Маркс. Сегодня эта проблема стоит так же актуально, как и сто лет назад. Регулярно лопаются «пузыри» на фондовых рынках, возникающие вследствие спекуляций на развитии той или иной отрасли. Причем это осложняется тем, что международное разделение труда приобрело внутриотраслевой характер и кризисы затрагивают одновременно несколько стран. Многие страны уже влились в мировое хо-

зайство, т. е. формируется некий общий мировой замкнутый воспроизводственный контур, а экономические рычаги до сих пор сосредоточены в руках правительств. Дезинтегрированность экономического управления и регуляции порождает неспособность мирового сообщества что-либо противопоставить кризисным явлениям, не говоря уже о том, чтобы попытаться ликвидировать подобного рода кризисы «в зародыше», обеспечив плановость и пропорциональность развития мирового хозяйства в целом.

Третья проблема — наиболее фундаментальна, она связана с конечными пределами роста капиталистической системы. К сожалению, никто из участников не стал ее обсуждать, что не удивительно, ведь в то время эта проблема была не столь остра и ее важность представлялась не слишком значительной (сегодня же, в условиях глобализации, она встала в полный рост). Наиболее точна формулировка В.И. Ленина: «Пределы развитию рынка, при существовании капиталистического общества, становятся пределами специализации общественного труда» [3].

Закономерно возникает вопрос, где находятся эти «пределы специализации»? Надо сказать, что никто из участников дискуссии на этот вопрос не ответил. Он даже не был поставлен — и вот почему: большинство авторов, как мы уже отметили, широко пользовались схемами простого и расширенного воспроизводства Маркса. А сам Маркс, излагая свою теорию воспроизводства, делал одно небольшое, но очень существенное допущение: рабочая сила у него являлась бесконечной величиной. Если это допущение не делать, то сразу становится видно, что расширенное воспроизводство капитала в замкнутой капиталистической системе ограничено, причем с двух сторон. Во-первых, капиталистическая система развивается на основе углубления разделения труда, при этом сама система с каждым витком «углубления» вынуждена расширяться, вовлекая в себя все большее количество рабочих рук. Во-вторых, затруднения возникают на стадии сбыта. Система рано или поздно должна производить такой объем потребительского продукта, каковой население, вовлеченное в эту систему, потребить просто не в состоянии, даже если сильно захотеть.

Таким образом, развитие замкнутой капиталистической системы ограничено количеством людей, которые могут быть в нее вовлечены. В чем же актуальность этой проблемы сегодня? В том, что 90% государств нашей планеты не способны поодиночке формировать замкнутые капиталистические системы — по причине отсутствия достаточного количества людей. Это вызывает необходимость международной экономической интеграции, международного разделения труда. Кроме того, далеко не все страны обладают необходимыми ресурсами, что

также было отмечено в ходе дискуссии, не говоря уже о технологических возможностях их воспроизводства.

Таким образом, получается, что международная экономическая интеграция — процесс объективный. Но выше обозначенные объективные проблемы капиталистического расширенного воспроизводства позволяют установить некоторые сущностные черты, которыми непременно должен обладать механизм интеграции.

Во-первых, необходима «централизация» инструментов регулирования экономики. Во-вторых, необходимо формирование общей валютной зоны и общей бюджетной системы, причем их формирование должно быть одновременным, иначе появляются патологии. В-третьих, при осуществлении международной экономической интеграции необходимо соблюдать воспроизводственные пропорции в узком (между первым и вторым подразделением) и широком (между различными отраслями экономики) смыслах, для чего необходима известная скоординированность и даже планомерность процесса, что может быть объективно реализовано лишь наращиванием влияния государства в экономике, что и происходит в развитых странах в течение последних более ста лет.

Современные реалии эволюции обозначенных выше трех взаимосвязанных проблем капиталистической системы хозяйства таковы, что они не только теснейшим образом переплелись и затаились в гигантском гордиевом узле, но и даже инварианты разрубания этого узла чреватые неконтролируемыми последствиями, вплоть до самоуничтожения современной цивилизации вообще, т. е. любые решения на базе сложившихся парадигмальных оснований пока не просматриваются.

Проблема реализации прибавочного продукта в капитализируемой форме, превращаясь в проблему роста прибыли (прибавочной стоимости), начиная с первоначального накопления капитала, априори имеет мирохозяйственный характер, который капиталистическая (особенно монополистическая) конкуренция превращает в основной фактор.

Капитализация прибыли, так же как и остальные компоненты воспроизводящегося капитала, стремительно приобретает общественный характер, вкупе с общественным капиталом, становится общественной. И здесь, как это ни парадоксально, прав был и П.П. Струве, и либеральные народники В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниэльсон, и С.Н. Булгаков.

Прибавочный продукт в форме капитализируемой формы прибыли реализуется по всем указанным выше направлениям. А соотношение направлений зависит в свою очередь от целого ряда факторов:

- уровня синхронизации — асинхронизации циклов Китчина, Жюглара, Кузнецца, Кондратьева [4, 317—323];
- соотношения противоречий перехода тех или иных стран к очередному технологическому укладу (сегодня к шестому) и источников его финансирования;
- уровня развития производительных сил вообще и прежде всего обеспечиваемого тем или иным качеством научно-технического прогресса;
- качества гиперменеджеральной миссии соответствующего государства как персонификатора интересов воспроизводства общественного капитала;
- способности национальной капитальной управляющей и культурной элиты к консолидации и кристаллизации своих долгосрочных интересов и их гармонизации с интересами общества — базы воспроизводства капитала;
- традиций и эффективности непрерывности в трансформации общества и управления;
- мирового расклада сил и степени понимания этого расклада в системе управления и в общественном сознании;
- понимания управляющей элитой и обществом основной парадигмы экономического роста как основы роста богатства (имеется в виду дилемма количественного и, самое главное, качественного аспектов поддержания равновесия между производством и потреблением);
- и, разумеется, от степени тесноты взаимосвязи факторов накопления капитала и его бенефициаров — потребителей реализации.

Нельзя не сказать и об основном биче современного процесса реализации прибавочного продукта. Речь идет о гротескно трансформировавшейся роли денежно-финансовой сферы — от миссии внутреннего ускорения товарооборота до полного внешнего господства над ним.

С проблемой реализации прибавочного продукта неразрывно связана проблема поддержания и нарушения воспроизводственных пропорций.

Исходя из того, что при всех прочих равных условиях (в ядре которых находится работающий внутренний, опирающийся на все виды наличных ресурсов-факторов емкий рынок, регулируемый адекватным эффективным суверенным государством), императивом максимально эффективного роста богатства является поддержание всего комплекса воспроизводственных пропорций, любой вариант осмысленной экономической политики предполагает выдвижение на первый план структурные аспекты экономики.

Но структурные аспекты экономики в части их исследования и ответственной трансформации, по справедливому замечанию В.Н. Черковца, не могут не предполагать гармонию двух подходов: «Со стороны производительных сил, отраслевого комплекса производства (материальный разрез) и со стороны общественно-производственных отношений, хозяйственный механизм и входящих в него некоторых институциональных отношений, включая вопросы права и экономической политики государства» [5, 7].

Со стороны производительных сил, казалось бы, картина относительно прозрачна. С одной стороны, архипелаги тесно взаимосвязанных островов воспроизводства добавленной стоимости, квинтэссенции богатства, любым путем, но концентрируются в развитых странах, а за рубежом контролируются всеми мыслимыми и немыслимыми способами. С другой стороны, посредством разрушения внутренних рынков (особенно развивающихся) страны мира в формате глобализации втягиваются через механизм интеграции в мировое хозяйство в самом невыгодном для себя варианте.

При этом очевидно, что любой «проектный» подход, даже опирающийся на вроде бы системные принципы, как то модернизационный, инвестиционный, инновационный, структурный вне осмысления и соответствующей трансформации сложившейся системы общественно-производственных отношений вообще и в России в частности, обречен, как минимум, потерпеть фиаско. И здесь обозначившиеся черты поворота страны в сторону траектории развития при всей своей значимости в последние годы не должны быть переоценены, как, впрочем, и недооценены.

Проблема обретения (воссоздания) структурной воспроизводственной гармонии как основы оптимального воспроизводства богатства есть функция в операционном плане реинтеграции пространства дореформенного странового хозяйства и запуска работающего соответствующего внутреннего рынка. В содержательном плане, и в этом смысле перспективном, — функция масштабной, но ювелирной и глубокой трансформации сложившихся политико-экономических отношений начиная с государства. Вариантов, как и противоречий, много, но времени исторического на эксперименты уже нет. Среди всего сонма противоречий и инвариантов надо определять диалектический, работающий, создающий и практикующий иной — третий вариант. Но для этого необходимо порядочное, т. е. профессиональное братство-содружество без страха и упрека, заточенное на интересы страны и, особенно, на интересы перспективные. Понятно, что с партиями не получается. Но есть и другая методология. Была известна и опробова-

на в разных, в том числе и российских условиях, модель просвещенного абсолютизма. Другим способом, тем более в условиях отсутствия времени и скукоживающихся ресурсов, созидательную креативную энергию населения мобилизовать и стимулировать уже проблематично.

Возвращаясь к третьей проблеме, проблеме конечных пределов роста капиталистической системы, можно сказать, что с помощью российских капиталистических граблей горизонт этой проблемы просматривается лучше.

В ядре данной проблемы и содержится собственно вопрос о рынках. Причем о рынках расширяющихся не только и не столько экстенсивно, т. е. пространственно — вширь, сколько интенсивно, в части перехода на новый технологический уклад и к соответствующей перспективе стремительно расширяющихся рынков. И здесь ключевыми вопросами являются вопросы инвестиционный (откуда?) и источниковый (за счет кого?). Тем более что Россия в этом отношении в силу самых тяжелых условий хозяйствования находится исторически и логически в самом тяжелом положении. Это усугубляется еще и тем, что развитые страны ту же самую проблему, стоящую перед ними не менее остро, не только собираются, но и решают уже за счет России, так как другие страны развивающихся рынков (Китай, Индия, Бразилия и даже ЮАР) предпринимают энергичные и часто эффективные усилия по стимулированию развития собственных внутренних рынков вне чего обрести воспроизводственную целостность как условие наступательного роста еще никому не удавалось.

Советский «жирок» Россия за последние 25 лет извела, свой рынок почти потеряла, а рынки, посланные России талантливыми энергичными, в том числе и советскими, предками (рынки Китая, Индии, Арабского мира, Восточной Европы, не говоря уже об СНГ) и самим провидением, практически проигнорировала. Хотя с легкостью и элегантно на взаимовыгодной основе в режиме теории автаркии больших пространств Ф. Листа Россия могла бы уже давно на базе этих рынков реализовать свой капитал, не только перейдя к шестому укладу, но и возглавив в качестве экономической сверхдержавы мировое хозяйство. Данный стратегический маневр не только императивен, но частично еще и возможен. Но к основной проблеме (неэффективного государства со своей иррациональной системой воспроизводства кадров) добавилась еще и более грозная проблема — время.

Что касается мирохозяйственных баталий по поводу рынков, здесь по умолчанию сложилось представление о том, что исторически существенный период роста капитализма на основе специализации и углубления разделения труда давно, еще в 1950-е гг., почил в бозе, что и

продемонстрировали блестяще сначала Советский Союз (воспроизводственная гармония и система опережающего системного образования), потом транснациональные корпорации (ТНК). Но опыт ТНК питался солидарной мощью наиболее развитых стран и ресурсной базой всего мира. А советский опыт — колоссальным интеллектуальным прорывом и эффектом опережения времени и пространства — до тех пор, пока не наступил на грабли самодеградации системы реализации власти и воспроизводства управляющей элиты.

Итак, современное мировое хозяйство находится в эпицентре отчаянной войны за рынки сегодняшние и, главное, перспективные, — войны как за экстенсивный, так и за интенсивный захват рынков.

Россия, понеся чудовищные потери как в прошлые времена, так и, особенно, за последние двадцать пять лет, все же несмотря ни на что сохраняет определенные возможности как для контроля над основным национальным богатством — своим внутренним рынком, так и для увеличения своих рынков, как внутреннего, так и внешнего, и экстенсивным (традиционная продукция), так и интенсивным (новая, инновационная продукция) способами. Эпицентр же проблемы находится в «качестве» государства и его сопряженности с энергией населения. Таков, думается, посыл воспроизводящихся циклически сегодня традиционных историко-экономических проблем, имея в виду проблему рынков. Но и решить эту проблему вне учета традиций как непосредственно, так и от противного достаточно проблематично.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб., 1998.
2. *Люксембург Р.* Накопление капитала // <http://trst.narod.ru/r1/00.htm>.
3. *Ленин В.И.* По поводу так называемого вопроса о рынках // <http://ru.wikisource.org/wiki/>.
4. *Айвазов А.Э.* Когда рухнет доллар? Орел, 2012.
5. Современный характер циклического воспроизводства: мировое и российское измерение / Под ред. К.А. Хубиева . М., 2012.

А.А. БАБАЕВА

Новая индустриализация как неотъемлемая составляющая инновационного роста

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть инновационный путь развития прежде всего как формирование нового промышленного базиса посредством новой индустриализации. Говорится об опыте Азербайджанской Республики по формированию такого базиса и созданию в обществе и экономике атмосферы, стимулирующей инвесторов к вложению капиталов, прежде всего в нефтяном секторе промышленности.

Ключевые слова: инновационный рост, новая индустриализация, промышленный базис, нефтяные факторы роста, инвестиции в основной капитал.

Abstract. The article suggests the author's approach for considering the growth based on innovations, first of all, as forming new industrial basis with the help of the «newly industrialization». The article also talks about the experience of the Republic of Azerbaijan in forming such kind of basis and creating the atmosphere in society and economy which stimulates capital owners for investing to national economy, especially to non-oil sector of industry

Keywords: the growth based on innovations, the «newly industrialization», industrial basis, non-oil factors of growth, investments to the fixed capital.

В условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса, при котором экономики большинства развитых стран либо балансируют на грани рецессии, либо уже находятся в этом состоянии, проблема обеспечения устойчивого экономического роста остро стоит перед многими государствами, в том числе входящими в СНГ. При этом на разных уровнях практически всегда подчеркивается, что это должен быть не просто рост на основе, скажем, использовавшихся ранее экстенсивных факторов, а именно *рост на инновационной основе*. Здесь уместно задать вопрос: а что, собственно говоря, следует понимать под такими ставшими за последние годы модными терминами, как «инновационный рост» или вообще «инновационная экономика»?

Думается, что и в теории, и на практике зачастую ответ на этот вопрос не просто дать потому, что буквально за несколько последних десятилетий в науке и экономической политике выросло мощное направление, трактующее современный этап развития человечества

уже как постиндустриальный. Это направление имеет яркий наступательный характер, в качестве аргументов оперирует новейшими достижениями научно-технического прогресса, что отражается в использовании целого ряда таких понятий, как «новая экономика», «постиндустриальная экономика», «экономика знаний», и в их числе — «инновационная экономика». Однако излишнее, часто не подкрепляемое доводами увлечение такими терминами и стоящее за ними стремление представить современное общество и соответственно экономику как набор совершенно новых, связанных *исключительно* с информационно-компьютерной деятельностью отраслей грозят вполне определенными опасными последствиями для реального сектора экономики.

Что мы имеем в виду? Во-первых, не следует излишне акцентировать внимание на различиях между «новой» и «старой» экономикой хотя бы потому, что тогда мы получим некое искусственное разделение любой национальной, а также всей мировой экономики на произвольные — субъективно — определенные части. Кроме того, подчеркивание некоего приоритета «новой», «передовой» части экономики перед ее остальной частью означает попросту пренебрежение экономическим базисом. В самом деле: именно в так называемой «старой» экономике сосредоточены отрасли, традиционно обеспечивающие не только материальные возможности для дальнейшего развития научно-технического прогресса (электроника и электротехника, металлургия и машиностроение), в том числе в самой «новой» экономике, но и непосредственно основное благосостояние человека (начиная от книгопечатания до производства медицинских приборов).

Кроме того, понятно, что любая, даже самая передовая техническая идея или высокотехнологичный замысел могут быть реализованы лишь после того, как получат материальное воплощение в виде приборов, сделанных из металлов или каких-то новых материалов и т. п. Следовательно, отрасли «традиционной» экономики должны, как минимум, соответствовать уровню и качеством своих производственных возможностей уровню выдвигаемых научно-технических идей и предлагаемых технологических разработок.

Во-вторых, излишнее увлечение «модными» отраслями экономики вполне способно породить инвестиционный бум *только* в этих отраслях, что неизбежно будет сопровождаться спекулятивными явлениями, оттоком инвестиций из реального сектора экономики, в свою очередь, угрожая структурным кризисом. Именно подобное стремление поскорее и любой ценой заработать в отраслях, связанных исключительно с информационными технологиями и компьютерами, во многом привело

к тяжелому структурному кризису в экономике США в 2002 г. (см.: [1, 7—8])

Однако и помимо общих кризисных явлений, периодически возникающих в самых развитых странах, подобное увлечение может обернуться приобретающей вид долгосрочной тенденции *деиндустриализацией* экономики. И именно такой процесс и наблюдается в последние 10—15 лет в развитых западных странах, включая США, которые все это время всячески стремились избавиться от крупных промышленных производств путем вывода их в развивающиеся страны. Подобная политика принесла больше всего выгоды Китаю, сосредоточившему у себя мощнейшие металлургические и сборочные производства — филиалы крупнейших мировых компаний и вышедшему на второе место в мире по производству ВВП.

Между тем мировой кризис, разразившийся в 2007—2008 гг., показал, что наиболее эффективно противостоять ему оказались способны в первую очередь как раз страны с передовой, многоотраслевой обрабатывающей промышленностью (причем независимо от их общественного строя), непрерывно использующие для ее развития новейшие научно-технические достижения (инновации). К таким, прежде всего, относятся Китай, а в Европе — Германия. Эти же страны входят в первую тройку государств-экспортеров, причем Китай вот уже несколько лет занимает по объему своего экспорта первое место в мире [2]. Можно сделать вывод, что обеспечить стабильный, устойчивый рост национального хозяйства в долгосрочном периоде и вместе с тем достойное его место в мировой экономике возможно прежде всего на основе инновационного развития именно обрабатывающей промышленности. Инновационный рост ее отраслей как раз и создаст возможности и условия инновационного роста и всей национальной экономики.

Поэтому, когда сегодня в Азербайджане взят курс на формирование современной экономики, одной из важнейших ее составляющих объявлена политика *новой индустриализации*. Почему индустриализации — понятно: это совершенствование и обновление отраслей национальной промышленности. Но что все-таки следует понимать под «новой» индустриализацией? Ответ на этот вопрос мы находим в концепции «Азербайджан—2020: взгляд в будущее». В ней, во-первых, предусмотрена масштабная модернизация системы добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Иными словами, в Азербайджане вовсе не строят каких-то авантюрных, фантастических планов «моментального отказа» от отраслей, продукция которых обеспечивала все последние годы благосостояние страны и азербайджанского народа. Напротив, ставится задача, как наиболее *эффективно* использовать

имеющиеся здесь природные богатства за счет разработки и внедрения передовых методов их переработки.

С этой целью программа новой индустриализации предусматривает создание крупных нефтеперерабатывающих и нефтехимических мощностей, которые бы обеспечивали дополнительную глубину переработки добываемой нефти и максимальный выход «светлых» нефтепродуктов, или, как еще говорят, «легких фракций». Они необходимы и экономике самого Азербайджана, а в случае их экспорта приносят выручку во много раз бóльшую, чем вывоз за рубеж просто сырой нефти.

Кстати, эта выручка способна напрямую послужить и целям новой индустриализации. Дело в том, что на первых ее этапах — и это вполне понятно — может потребоваться (и почти наверняка потребуются, и в этом нет ничего удивительного) импорт новейшего оборудования, причем в значительных размерах. Например, как напоминает известный российский экономист Я. Миркин (Институт мировой экономики и международных отношений РАН), в годы масштабной индустриализации 1930-х гг. в СССР статья «средства производства» доходила в импорте до 93%, в том числе доля оборудования — 6% [3, 5]. Понятно, что и новая индустриализация потребует от Азербайджанской Республики немалых затрат, для чего как раз и может потребоваться часть увеличившихся благодаря изменению структуры сырьевого экспорта доходов.

Во-вторых, программа предполагает строительство на современной основе новых мощностей в таких отраслях, как сталелитейная и алюминиевая промышленность, судостроение, производство удобрений. Предполагается, что именно развитие на самой передовой основе комплекса этих отраслей как раз и способно обеспечить Азербайджану дальнейший рост за счет ненефтяных факторов уже в ближайший период. Но не только: их развитие призвано сформировать необходимый базис для дальнейшего долгосрочного движения по инновационному пути. При этом упоминавшийся выше импорт высокотехнологичных товаров и оборудования, необходимый поначалу, будет постепенно замещаться продукцией отечественного производства.

Формы реализации программы новой индустриализации предполагаются самые различные. Например, важную роль в соединении передовых научно-технических и технологических разработок с производством в азербайджанской экономике призваны сыграть *технопарки*. При этом необходимо подчеркнуть одну принципиальную деталь: технопарки не должны «замыкаться» на решении какой-то одной проблемы, связанной с новой индустриализацией экономики республики, а быть *многопрофильными*, т. е., чтобы на их базе решалось сразу не-

сколько смежных задач. Первым из таких технопарков стал Сумгаитский технопарк, первые шесть промышленных объектов которого были введены в строй в конце 2009 г. Ими стали линии по выпуску высоковольтных кабелей, силового и распределительного оборудования, современных трансформаторов и др. К началу 2013 г. в составе этого технопарка действовало уже около 20 предприятий, причем различного профиля [4, 11]. Это еще раз подчеркивает именно индустриальную, а не виртуальную направленность научно-технических исследований, проводимых в его рамках.

Но здесь, естественно, встает вопрос о материальном обеспечении политики новой индустриализации. Вообще, как нам представляется, для обеспечения инновационного развития экономики на действительно устойчивой, долгосрочной основе необходимо наличие двух непрерывных условий.

Во-первых, должна быть разработана и предложена всему населению и предпринимательскому сообществу не просто модель устойчивого экономического роста, а такая модель, которая была бы привлекательной для частных инвесторов и в которую, если говорить простыми словами, поверили бы люди. Иными словами, чтобы было выгодно инвестировать в собственную страну, а не выводить из нее деньги. Ведь понятно, что одних государственных средств, пусть даже в значительных объемах накопленных благодаря высоким ценам на продаваемые на мировом рынке энергоресурсы, не хватит для инвестирования в индустриальные отрасли на долгосрочной основе. Необходимо привлечение крупных частных капиталов.

О том, насколько серьезной и труднопреодолимой может стать подобная проблема, говорит хотя бы опыт соседей — Российской Федерации. Так, по официальным данным, отток капиталов из России по итогам 2012 г. составил 54 млрд дол. На текущий, 2013 г., прогноз, сделанный в начале года Министерством экономического развития России, обещал уменьшение оттока капиталов до 30—35 млрд дол., т. е. существенное улучшение ситуации [5, 17].

Однако реальная действительность, похоже, оказывается прямо противоположной. В последнюю неделю августа Минэкономразвития РФ скорректировало свой первоначальный прогноз: согласно новым данным и обозначившимся тенденциям, отток капитала из России до конца 2013 г. достигнет 70 млрд дол., что почти на треть больше, чем в предыдущем году, и — как видим — как минимум, вдвое превышает упомянутый выше первоначальный оптимистичный прогноз [6]. Все это означает, что владельцы российских капиталов все еще не находят в собственной национальной экономике привлекательных для себя сфер приложения. И в качестве еще одного подтверждения такого по-

ложения — нулевой прирост инвестиций в основной капитал российской экономики по итогам первых шести месяцев нынешнего года.

На фоне происходящего у соседей в Азербайджане наблюдается иная ситуация. Свидетельством тому, что народ республики и предпринимательское сообщество поверили в реальность концепции развития Азербайджана на основе строительства диверсифицированной, передовой экономики, может служить хотя бы тот факт, что наметилось значительное увеличение инвестиций в основной капитал из внутренних источников. Так, по итогам 2011 г. их рост составил около 36% по сравнению с 2010 г., при этом доля инвестиций, направленных в нефтегазовый сектор экономики республики, увеличилась с 70,1 до 76% [7, 542]. Последнее обстоятельство является, по нашему мнению, наиболее примечательным, поскольку свидетельствует о том, что азербайджанские инвесторы действительно во все большей степени ассоциируют свое будущее с успешным развитием новых, передовых отраслей экономики, не связанных с добычей нефти, и готовы вкладывать в них свои капиталы. Это одновременно доказывает и реальное действие тенденции к общему сокращению зависимости экономики Азербайджанской Республики от нефтяного фактора — причем не на словах и не опасными для стабильности в обществе «рывками», а посредством системы продуманных, последовательных и принятых обществом мер.

Во-вторых, по нашему мнению, должен функционировать действенный механизм использования привлекаемых капиталов, т. е. механизм, который бы включал в себя меры по обеспечению наиболее эффективной отдачи от используемых инвестиционных ресурсов, направляемых в отрасли нефтегазового сектора, признанные наиболее перспективными с точки зрения дальнейшего распространения инновационных достижений на всю экономику. Такой механизм, естественно, должен включать в себя меры, обеспечивающие и необходимую отдачу от инвестируемых как государством, так и частными предпринимателями средств, и конечное выполнение поставленных перед инвесторами целей. Таким выполнением является производство инновационных продуктов в *промышленных объемах*, а не в виде опытных образцов. Такого рода примеры имеются в соседних с нами государствах, однако подобная «лабораторная индустриализация», не охватывающая масштабное производство, не способна принести никакого инновационного роста в рамках национальной экономики.

И, разумеется, в инновационной экономике указанный механизм должен быть составной и неотъемлемой частью более сложного общего механизма обеспечения устойчивого роста.

Литература

1. Черковец О.В. Глобализация: экономические реалии или политические мифы. М., 2006.
2. WTO Annual Report. 2013. Geneva, 2013. Aug.
3. Российская газета. 2013. 19 февр.
4. Мамедова А. Исходные точки для прорыва // Российская газета / Азербайджан. 2013. 25 июня .
5. Парламентская газета. 2013. № 23.
6. Парламентская газета. 2013. № 28.
7. Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2012 / State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2012.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, М.Л. СОМКО

Система профессиональных компетенций, переподготовки и повышения квалификации работников крупных компаний как фактор экономической динамики

Аннотация. В статье обосновывается, что развитие экономики знаний тесно связано с совершенствованием системы подготовки и переподготовки кадров на основе компетентного подхода, обеспечивающего развитие человеческого капитала, рост возможностей производства, обработки, передачи и применения знаний.

Ключевые слова: экономика знаний, новая индустриализация, модернизация системы образования, подготовки и переподготовки специалистов, формирование компетенций, институт доверия.

Abstract. The article describes development of the economy of knowledge which is closely connected with improvement of retraining and professional development of employees by means of a competency-based approach. It provides development of human capital, growth of production, processing, transfer and application of knowledge.

Keywords: the economy of knowledge; new industrial development; modernization of education system and retraining and professional development; institution of trust.

Наиважнейшей задачей государства и бизнеса является модернизация образовательного сектора, играющего важнейшую роль в обеспечении динамики экономического роста. Инвестиции в развитие системы образования считаются приоритетными не только для государства,

но и для крупного российского бизнеса, который стремится сохранить конкурентоспособность в условиях усиления глобализационных трендов.

Способствовать формированию стратегии конкурентоспособного развития российских компаний может только политика новой индустриализации страны, нацеленная не только на глубокие структурные сдвиги в экономике в пользу наукоемких отраслей промышленности, но и на создание адекватной им системы подготовки и переподготовки специалистов на основе компетентностного подхода.

О необходимости изменения структуры российской экономики в целях обеспечения экономического роста, развития крупных компаний в настоящее время говорят практически все ученые-экономисты. В этой связи отметим, что структура ВВП меняется очень медленно, следовательно, этот процесс нуждается в регулировании. Тревожная проблема российской экономики — замедление темпов экономического роста. В благоприятные годы в стране не было проведено структурных реформ, сырьевая зависимость экономики увеличивается, диспропорция в уровне доходов и институциональном развитии усиливаются, а уровень развития бизнес-среды ухудшается. С развитием экономики постоянно увеличиваются затраты на совершенствование человеческого капитала, растут также издержки на подготовку квалифицированных кадров для крупных промышленных компаний.

Сложившиеся диспропорции становятся главными факторами длительной полосы стагнации, в которую вступает российская экономика. По мнению А. Улюкаева, «замедление темпов роста российской экономики началось с конца 2012 г., за первое полугодие 2013 г. российский ВВП вырос всего на 1,4%, а промышленность показала нулевую динамику, инвестиции также находятся в отрицательной границе» [1].

Для того чтобы придать динамику росту экономики и избежать стагнации и рецессии, необходим целый комплекс мер. К стагнации экономики привела модель экономического роста, поддерживаемая высокими мировыми ценами на сырье и доступностью кредитных ресурсов.

Среди основных факторов, вызвавших стагнацию российской экономики, можно выделить внутренние, к которым относятся следующие: невысокий уровень развития деловой среды и неблагоприятный предпринимательский климат, ограничивающие ведение и развитие бизнеса. Влияние этих внутренних факторов проявляется в высокой динамике оттока капитала из страны и снижающейся в последнее время инвестиционной активности частного сектора. К внешним факторам, ограничивающим развитие отечественной экономики, можно от-

нести медленное восстановление глобальной экономики, прежде всего, дисбалансы в экономическом развитии Европейского союза, отрицательно сказывающиеся на росте экспортной активности российской промышленности.

Отечественное промышленное производство в России является высоко концентрированным. По данным Всемирного банка, на долю 25% компаний с наиболее высоким доходом приходится более 80% промышленного производства, по отраслям концентрация еще выше, например, в пищевой промышленности 25% компаний обеспечивают 96% выпуска, в химическом производстве этот уровень составляет 97%, в производстве кокса и нефтепродуктов — уже 99,5% [2].

Преобладание крупных предприятий в российском промышленном секторе объясняется неустойчивостью малых и средних компаний в этом сегменте, что приводит к утрате конкурентных преимуществ и «вымыванию» таких предприятий с рынка. Согласно результатам исследования Всемирного банка, такая ситуация в российском промышленном секторе связана с низким уровнем конкуренции на российском рынке, позволяющим недостаточно эффективным крупным компаниям долгое время существовать на рынке благодаря сложившимся связям.

С точки зрения институциональной экономики сложившаяся ситуация «отрицательного отбора» объясняет, почему периоды спадов промышленного производства в России длятся дольше, чем в других странах, в то время как по силе и продолжительности экономических подъемов значительных между отечественными и зарубежными промышленными компаниями не отмечается.

Среднее производственное предприятие в России по своему размеру (обороту, численности работников) крупнее, чем в сопоставимых странах Восточной Европы и Центральной Азии (сравнивались 28 стран). Однако крупные российские предприятия по этим показателям, наоборот, значительно уступают зарубежным аналогам [2].

По мере развития промышленные предприятия увеличивают объемы производства, доходы от реализации, нанимают больше сотрудников, обладающих различными технологическими навыками. В России сложилась иная модель развития бизнеса, отличающаяся более низкими темпами роста, связанными с неэффективным распределением ресурсов, низкой диверсификацией производства из-за ограниченного выпуска новых продуктов, недостаточной инновационной составляющей развития бизнеса.

Отечественная промышленность достигла институционального ограничения для своего роста, связанного с уровнем развития деловой среды и бизнес-климата, неверной финансовой стратегией, низкой инвестиционной привлекательностью, следовательно, определенного

ресурсного предела возможного развития: мощности загружены, безработица низкая, рост зарплат опережает производительность труда.

Крупные компании российского промышленного сектора имеют больше возможностей для привлечения инвесторов, получения государственных заказов, подбора квалифицированных кадров и их развития.

На предприятиях, стремящихся к развитию, профессиональные кадры должны обладать высоким уровнем знаний для того, чтобы формировать и развивать свои компетенции. Компетентностный подход, используемый при подготовке специалистов, означает институциональное проектирование отлаженной системы управления знаниями на промышленном предприятии.

Конкурентоспособность промышленных предприятий как их интегрированное свойство определяется, прежде всего, уровнем развития компетенций специалистов и качеством внедрения в производство последних достижений научно-технического прогресса. В условиях перехода к новой индустриальной экономике понятие «конкурентоспособность» тождественно понятию способности производственного персонала к освоению передового опыта, новых навыков, созданию новых знаний и компетенций.

Для формирования и развития компетенций специалистов в промышленном секторе необходима система управления знаниями, основанная на качественном подборе, расстановке, обучении, подготовке и переподготовке кадров. Система управления знаниями обеспечивает устойчивый рост квалификации работников в связи с тем, что ее основой выступает управление основным конкурентным ресурсом предприятия. Эти ресурсом выступает человеческий капитал.

В экономической науке вопросы, связанные с изучением места и роли трудовых ресурсов, знаний, умений и квалификации работника, эффективности труда в экономическом и социальном развитии, всегда вызывали достаточно большой интерес. Признание существенной значимости трудовых ресурсов и эффективности труда находит отражение в том, что уже в работах крупнейших представителей основных школ экономической мысли можно встретить высказывания, которые ставят знак равенства между трудовыми ресурсами и вещественным капиталом.

В механизме обеспечения конкурентоспособной модели развития крупных российских компаний важной составляющей выступает качество человеческого капитала. В связи с этим, управление человеческим капиталом становится стратегической задачей корпорации инноваци-

онного типа, решение которой позволит ей выжить и развиваться в современном мире.

Согласно воззрениям А. Смита, человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из профессий, требующих чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравним с такою же дорогой машиной. Ученый считал, что приобретенные и полезные способности всех членов общества, с одной стороны, и действительные издержки на воспитание, обучение или ученичество, с другой стороны, представляют собой основной капитал, реализующийся в личности.

А. Смит указывал на то, что богатство любой страны, «каковы бы ни были почва, климат или размеры территории», прежде всего, зависит, во-первых, от «искусства, умения и сообразительности, с какими, в общем, применяется труд», и, во-вторых, от соотношения численности занятых и не занятых «полезным трудом», причем «в большей степени от первого из этих условий» [3, 77].

Д. Рикардо видел причину ограничений в развитии в «недостатке образования во всех слоях народа» [4, 458], и «чтобы последний стал счастливее, надо только улучшить систему управления и обучения». В научных трудах А. Маршалла человек являлся «главным средством производства богатства; и он же служит конечной целью богатства» [5, 246].

Теория человеческого капитала (Human capital theory) как раздел науки сложилась в 1960-х гг. в работах Т. Шульца и Г. Беккера [6, 20].

Значительный вклад в формирование теории человеческого капитала внес Т. Шульц, определивший, что человеческий капитал — это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него являются образование, накопление производственного опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации.

Возникновение новых концептуальных подходов к развитию человеческого капитала было связано с обозначившемся процессом перехода развитых стран к постиндустриальному этапу развития общества, особенностью которого являлось возрастание роли знаний, воплощенных в навыках и умениях, способностях людей, отношениях в обществе.

Труды Г. Беккера и Т. Шульца позволили перейти от текущих одномоментных показателей к показателям, охватывающим весь жизненный цикл человека (пожизненные заработки), выделению «капитальных» инвестиционных аспектов в поведении агентов на рынке труда, признанию человеческого времени в качестве ключевого экономического ресурса.

Система управления знаниями зиждется на понимании высокой значимости образования в развитии человеческого капитала и рассматривает работников как основу для формирования конкурентной стратегии организации, как ресурс развития, который необходимо эффективно использовать для достижения стратегических целей организации.

Необходимость перехода к новой модели развития российской экономики определяет приоритетность компетентностного подхода при модернизации системы управления персоналом крупного промышленного предприятия, прежде всего на основе развития кадрового потенциала посредством эффективной системы подготовки и переподготовки специалистов. В условиях развития инновационной экономики на первый план выходят неценовые факторы конкурентоспособности предприятий, из которых определяющую роль играют инженерные работники и специалисты.

Именно от знаний и компетенций специалистов зависят качество производимой продукции, конкурентные преимущества предприятия, связанные с наукоемкостью производства и изделий, поставляемых на рынок. Вместе с тем, в условиях глобальной экономики конкурентные преимущества, основанные на продуктах и технологиях, становятся неустойчивыми для агентов рынка, так как могут быть скопированы и быстро воспроизведены контрагентом.

Основное конкурентное преимущество отечественных предприятий промышленного сектора формируется на основе человеческого капитала, развития навыков занятых в процессе производства работников, приобретенного опыта, систем обмена информацией, следовательно, интеллектуального капитала.

Следовательно, конкурентоспособность промышленных предприятий зависит от создания будущих компетенций, от способности работников к обучению, накоплению знаний и развитию компетенций. Для того чтобы создавать и развивать компетенции персонала, с нашей точки зрения, необходимо, в первую очередь, стремление работников, занятых на производстве к расширению существующих знаний и получению новых.

Модернизация управления системой подготовки и переподготовки специалистов должна быть основана на взаимной ответственности наемного работника и работодателя, стремлении самих работников предприятия проявлять инициативу в получении новых знаний, продуцировании технических и организационных нововведений, развитии корпоративной культуры и корпоративных ценностей, которые обеспечивают конкурентоспособность и экономический рост.

Инструментом накопления и развития человеческого капитала крупных предприятий отечественной промышленности является корпоративная культура. Высокий уровень корпоративной культуры складывается в коллективе, члены которого стремятся к новым навыкам, способностям, знаниям, полученным на основе дополнительного образования, и имеет прочные социальные коммуникации.

Система управления знаниями на промышленном предприятии вносит упорядоченность в систему мотивации и ожиданий, создает для работника ощущение неотделимости от коллектива и определяет перспективу развития как организации, так и самого специалиста.

Реальная производительность современного промышленного предприятия является функцией надежности всех основных социально-экономических, стоимостных и технических элементов, а также качества системы подготовки и переподготовки специалистов. Профессиональные компетенции работников выступают необходимыми и достаточными условиями обеспечения конкурентоспособности российских промышленных предприятий, реализующих стратегии развития.

В настоящее время устойчивый рост российской промышленности ограничивается и рядом других условий, среди которых немаловажную роль играет уровень профессиональной подготовки кадров. Для изменения ситуации необходимо менять институциональную среду, в которой развивается отечественная промышленность, создавать благоприятные условия для развития бизнеса, сформировать новый механизм развития образовательного сектора на основе модернизации системы подготовки и переподготовки кадров для промышленных предприятий.

Недостаток квалифицированных специалистов с инженерным образованием (инженеров, технологов, конструкторов), который в настоящее время отмечается практически на всех российских предприятиях, через определенный период времени может привести к закрытию большинства из них. Несмотря на то, что крупные российские предприятия реализуют модель маркетингового управления, зазывая молодых специалистов на вакантные места на достаточно привлекательных условиях, включающих наличие расширенного социального пакета, обеспеченность инженерами на промышленных предприятиях остается низкой [7].

Острый дефицит квалифицированных кадров в российском промышленном секторе усиливается отсутствием отлаженной системы подбора, подготовки и переподготовки кадров инженерных специальностей. Руководители кадровых служб крупных промышленных предприятий отмечают, что выпускники вузов нередко не обладают необходимыми знаниями, так как обучение идет по устаревшим програм-

мам и учебникам. Отметим, что большинство выпускников технических университетов, получивших необходимое образование, не хотят идти работать по инженерной специальности.

Для обеспечения своей конкурентоспособности крупные промышленные предприятия периодически повышают требования к выпускникам университетов, однако соответствовать этим требованиям может лишь ограниченное число претендентов на инженерные места. Например, в настоящее время на рынке труда владение программными и компьютерными технологиями, а также хорошее знание английского языка демонстрирует ограниченное число кандидатов на вакансии.

При формировании институционального механизма маркетингового управления системой подготовки и переподготовки специалистов, по нашему мнению, следует проводить подготовку инженерных кадров максимально близко к тем предприятиям, на которых эти специалисты могут быть заняты.

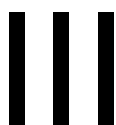
Для сокращения временных и финансовых затрат на обучение и переподготовку специалистов необходимо создавать корпоративные университеты, которые реализуют эффективные практико-прикладные программы обучения непосредственно на рабочих местах, проводят целевые переподготовки специалистов с учетом новых технологических требований и изменений. В корпоративных системах дополнительного образования слушателям дают новые знания, а также предоставляют возможность пройти практику на рабочем месте под руководством опытных наставников.

Компетентностный подход при подготовке и переподготовке специалистов выступает как основа мотивации персонала крупных компаний и предприятий. Особенности реализации данного подхода заключаются в том, что на его основании осуществляются подготовка специалистов высших учебных заведений по уровням компетенций и использование выпускников в организациях реального сектора, реализуется их мотивация и оценка деятельности.

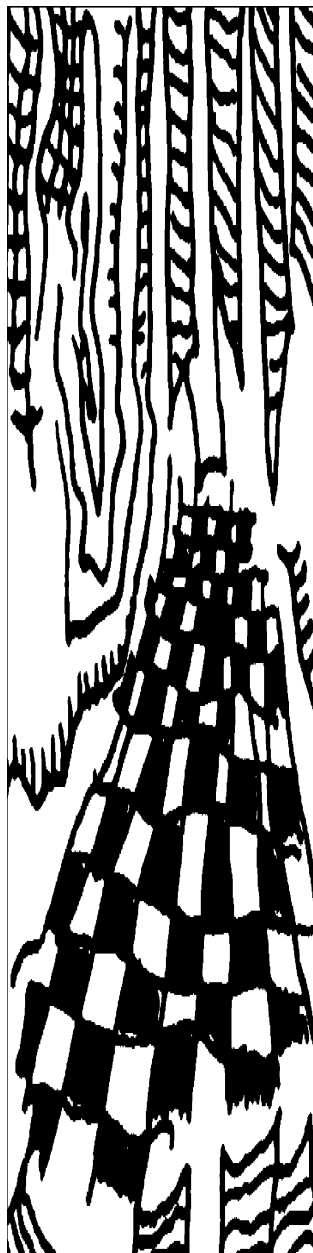
Литература

1. Улюкаев: Ситуация в экономике — худшая со времени кризиса 2008 г. // РИА Новости. 2013. 18 сент. // <http://www.vedomosti.ru/politics/news/16496351/ulyukaev-situaciya-v-ekonomike-hudshaya-so-vremeni-krizisa#ixzz2gl8fBIOP>.
2. *Кувшинова О.* Затяжная стагнация // Ведомости. 2013. № 177 (3439). 26 сент. // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/537371/zatyazhnaya-stagnaciya#ixzz2gl58EJSs>.

3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов // Классика экономической мысли. М., 2000.
4. *Рикардо Д.* Начала политической экономии // Классика экономической мысли. М., 2000.
5. *Маршалл А.* Принципы экономической науки: В 3 т. Т. 1. М., 1993.
6. *Капелюшников Р.И.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11.
7. *Андреева Л.Ю.* Маркетинговые инструменты реализации концепции корпоративной идентичности // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2012. Т. 10. № 1. Ч. 3.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Эстетика катастрофы

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу двух выставок — картин Тициана и полотен прерафаэлитов. По мнению автора, соединение авангарда и архе прерафаэлитов осуществилось через растворение внутреннего тела во внешнем. Эстетика катастрофы, отраженная в «Благовещении» Тициана, нашла свое завершение в «Благовещении» Россетти.

Ключевые слова: эстетика, философия искусства, прерафаэлиты, Бахтин, Тициан.

Abstract. Article is devoted to the philosophical analysis of two exhibitions — Titian's pictures and cloths of Pre-Raphaelites. According to the author, connection of vanguard and arhe Pre-Raphaelites it was carried out through dissolution of an internal body in the external. The esthetics of accident reflected in «Good message» of Titian, found the end in Rossetti's «Good message».

Keywords: esthetics, art philosophy, Pre-Raphaelites, Bakhtin, Titian.

Недавно в музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина одновременно проходили выставки прерафаэлитов и полотен Тициана. Группа студентов и преподавателей философского факультета МГУ во главе с Натальей Ростовою и писателем Андреем Бычковым побывали на выставке. Я тоже был в этой группе. Каковы же мои впечатления?

Археоавангард

Прерафаэлитов иногда называют археоавангардистами за то, что они из будущего захотели вернуться к архе, к прошлому, к тому, что было в живописи до Рафаэля. В академической живописи они увидели много условностей и мало искренности, простоты. Возвращение к простоте возглавил Данте Габриэль Россетти, которого поддержали Джон Эверт Миллес, Эдвард Берн-Джонс, Уильям Холман Хант и др. Археоавангардизм прерафаэлитов мне показался довольно странным. Почему?

Бахтин

Ответ на поставленный вопрос связан с тем, что сегодня можно обозначить как феномен удивительной дехристианизации европейской

культуры. Европа в IV в. во времена правления римского императора Константина перестала быть языческой и стала христианской. Для христиан всякое «я» человека выступает в качестве того, что отделяет его от Бога. Для них Бог — это не Другой, как для греков.

Античные греки были эстеты. У них «я» зависело от Другого и было производно от него. А это значит, что то, что я чувствую, растворяется в том, что я вижу. На этом растворении была основана пластика античной культуры.

То, что я чувствую, Бахтин назвал внутренним телом. То, что я вижу, — внешним. То есть внутреннее тело греки растворили во внешнем. И, как следствие, перед ними встал вопрос об отношении к любви. Как относиться к любви, ведь в любви тело Другого разлагается и становится моментом внутреннего тела. Так в античной культуре возникает проблема, требующая разрешения. Согласно Бахтину, греки разрешили эту проблему в создании гомосексуальной культуры, т. е. в культуре, для которой характерно растворение внутреннего во внешнем. Как ни странно, но соединение авангарда и архе прерафаэлитов осуществилось, на мой взгляд, как раз через растворение внутреннего тела во внешнем. Что это значит?

Прозерпина

Вот картина Россетти «Прозерпина». Двойственность мифологической Прозерпины состояла в том, что она любила Адониса, а была женой Плутона. Полгода она была в мире мертвых, полгода — в мире живых. Конечно, бессмысленно искать в образе Прозерпины следы жизни в мире мертвых, как их искал Л. Андреев в Елеазаре. Их в ней нет. Елеазар человек, а она не человек, а какая-то демоническая сущность.

Прозерпина, изображенная Россетти, это не девушка, это скорее юноша, переодетый женщиной. В лучшем случае это андрогин. Но не это главное. На картине изображен образ с чудовищно негативной энергией. Прозерпиной Россетти можно пугать детей. Поворот ее головы, черные волосы, скрывающие лоб, узкое лицо превращают нос Прозерпины в клюв какой-то кровожадной птицы. Вздернутая красная линия верхней губы почти соединяется с носом, и кажется, что в образовавшуюся щель изнутри ее может прорваться какое-то змеиное шипение. Голова Прозерпины, как черное крыло враждебной птицы, готово закрыть от нас единственное светлое место на картине, через которое она, Прозерпина, видимо, возвращается в мир живых людей. Красные губы и красная полоска зерен граната указывают на неутолимую холодную чувственность внешнего тела андрогина. Прозерпина не чувствует свое тело, хотя ее правая рука яростно сдерживает левую

руку, которой она как будто бы пытается поднести ко рту гранат. В Прозерпине нет ничего человеческого. Она не может, как обыкновенный человек, мечтать, равно как и не может страдать. Внутреннее тело Прозерпины Россетти растворил во внешнем, наделяя ее образ мужеподобными чертами.

Мысли о прошлом

На картине «Мысли о прошлом» Джона Роддема Спенсера Стэнхоупа изображена уже не полудевушка, и не полуюноша, и не андрогин. Здесь мы видим обычную встревоженную женщину. Чем она встревожена? Стэнхоуп показывает нам рваную занавеску на окне, стол с выщербленным краем, монеты на столе. У ее ног лежат мужская перчатка и трость. Стэнхоуп подводит нас к мысли о том, что бедная девушка занимается, видимо, проституцией. Она встревожена тем, что ей, вероятно, мало заплатили. Хотя, возможно и то, что она боится владельца оставленной трости, который может вернуться.

Стэнхоуп на этой картине главным действующим лицом сделал платье этой бедной женщины, которое сразу же привлекает к себе внимание. Любой человек должен быть на уровне окружающих его вещей. Женщина, изображенная на картине «Мысли о прошлом», находится не на уровне своего богатого с фиолетовым оттенком платья. Вот это несоответствие и дает нам повод думать о том способе, которым девушка добывает себе деньги.

Картина лишена простоты и перегружена деталями: в нижнем левом углу зачем-то изображен чахлый цветок, через окно мы видим море, лодки рыбаков. Зачем этот реализм? Может быть, для того, чтобы напугать женщину возможностью быть женой простого рыбака? Или Стэнхоуп хочет показать совсем другой образ жизни? Не затем ли эти детали, чтобы освободить мысли женщины от прошлого, обремененного бинарными гендерными отношениями, и открыть перед ней мир бесполой перспективы.

Проснувшаяся стыдливость

Хант — священник прерафаэлитов. Если у Россетти визуальное становится комментарием к вербальному, то у Ханта живопись превращается в комментарий к моральному. Пример. Картина «Проснувшаяся стыдливость». Эта картина говорит меньше, чем ею хочет сказать Хант.

На картине изображена женщина в момент, когда она еще только пытается подняться с колен сидящего на стуле мужчины. Приглушенный свет, полумрак, раскрытые ноты на музыкальном инструменте — все это должно было говорить о том, что молодые люди пребывают в

гедонистическом настроении. Им хорошо. Они, как и завещал Эпикур, живут тихо и незаметно. То есть они, скрытые от чужих глаз, предаются чувственным наслаждениям. Но случай, видимо, приоткрыл окно. В комнату проник свет, и девушка встает, чтобы это окно закрыть и вернуться затем к интимному уединению с мужчиной. На картине нет никакой проснувшейся стыдливости. Есть отказ от публичности, от кинизма, который готов был выставить все напоказ. Присутствие кота, нарисованного Хантом под столом, излишне, ибо мужчина, музицирующий на пианино, — это не кот, а женщина — не пойманная им птичка.

Любовь прерафаэлитов к вещам, к дизайну видна и на этой картине, на ней не видна только любовь к простоте. В глубине комнаты мы видим еще одного мужчину и еще одну женщину, которая также пытается подняться с мужских колен. И сразу трудно понять, то ли это зеркальное удвоение одного и того же, то ли это реальный случай из жизни веселого дома. Глядя на картину Ханта, нельзя не сказать — лучше искусство для искусства, чем искусство для морали.

Офелия

Картина Джона Миллеса «Офелия» стала визитной карточкой триумфа слова над образом, вербального над визуальным. Миллес пишет картину по мотивам трагедии Шекспира «Гамлет». Гамлет случайно убивает отца Офелии, девушки, которую он любит. Офелия в трауре плетет у ручья венки из цветов. Желая их разместить на иве, она взбирается на дерево, ветка ломается, и Офелия падает в воду. Вот как Шекспир описывает этот момент:

«Ее одежда,
Широко расстилаясь по волнам,
Несла ее с минуту, как сирену,
Несчастная, беды не постигая,
Плыла и пела, пела и плыла...
Одежда смокла — и пошла ко дну.
Умолкли жизнь и нежные напевы».

На картине Миллеса есть свежая зелень травы и листьев. На ней прорисованы лилии, розы и фиалки. Но визуальное не желает быть иллюстрацией к вербальному. Оно желает жить своей жизнью. На картине не видно обезумевшей от горя Офелии, на картине видно платье из парчи, но не визуализировано неопишуемое «вдруг», случайность смерти. Офелия Миллеса стала напоминанием художнику о том, что то, что мы видим, не совпадает с тем, что сказано, что визуальное не иллюстрация к тексту, а калитка, которая ведет к изображению несказуемого, как на «Благовещении» Тициана.

Благовещение

Картина Тициана «Благовещение» впервые покинула пределы Италии и попала к нам в Россию. Рассматривая ее, мы уже не наслаждаемся осязательным зрением, не дотрагиваемся своим взглядом до тела Данаи или Флоры. Поздний Тициан не для чувств, а для мыслей. Его «Благовещение» — это умозрение в красках. Здесь нет того, что в нем так любили прерафаэлиты: работу на пленере, письмо с живых моделей. Благая весть, как гром среди ясного неба, как извержение вулкана, вздыбила небесную жизнь и нарушила земной покой.

Архангел сообщает деве Марии, что она родит Сына Бога. Мария Тициана не напугана этим известием, хотя и ошеломлена. Она говорит: нет, это невозможно, — и, словно защищаясь, поднимает правую руку, сжимая в левой читаемую ею книгу. Архангел умоляет ее, просит согласиться, а над ними парит голубь, символ Святого Духа, свет от которого едва проникает на землю сквозь толстый слой облаков. Мария с книгой — это Европа, которую Тициан противопоставляет небесному свету ангелов. Это будущая «Свобода на баррикадах» Делакруа. Черная полоса рассекает картину Тициана на две горизонтали. В темной части мы видим книгу, в светлой — голубя. Черная туча просвещения накрыла Европу и вызвала в ней шизофренические сдвиги сознания, готового отречься от христианства.

«Благовещение» Тициана и «Благовещение» Россетти разделяет 300 лет. На картине Россетти уже не видно следов катастрофы. На ней мы видим загнанную в угол и напуганную Архангелом деву Марию в белом платье. Эта картина говорит только об одном — смотрите, не по своей воле, а по принуждению Европа стала христианкой. Россетти не заметил драматизма разорванности европейского сознания, изображенного Тицианом, и не отобразил надвигающуюся на Европу катастрофу.

В.М. ЮРЬЕВ, В.Г. БАБАЯН

Власть как отражение конкуренции между блоками в социально-экономических системах

Аннотация. Рассматриваются вопросы трансформации социально-экономических систем в условиях глобализации. Показано влияние власти на конкуренцию между основными составляющими социально-экономических систем — рынком, государством, религией, массовым

сознанием. Выделены отличия противоположных точек зрения на проблему — теории мейнстрима и антиформалистской позиции. Проанализированы особенности влияния власти на конкуренцию в современной российской социально-экономической системе.

Ключевые слова: социально-экономическая система; глобализация; мейнстрим; антиформализм; власть; конкуренция.

Abstract. The questions of transformation of socio-economica; systems in conditions of globalization are considered. The influence of power on competition between main components of SES (market, state, religion, mass consciousness) is shown. The differences of opposite points of view on problem (mainstream theory and anti-formalist position) are allocated. The features of power influence on the competition in modern Russian socio-economical system are analyzed.

Keywords: socio-economical system; globalization; mainstream; anti-formalism; power; competition.

Нами ранее отмечались отсутствие единого гуманитарного языка, трудности и проблемы согласования общественных и корпоративных представлений о законности, этике, моральности [1]. Эти проблемы проявляются и в сложнейших международных конфликтах, и давлениях с использованием, например, финансовых рычагов одной группой стран против других (экономическое эмбарго против стран-«изгоев»), чаще завуалированных с помощью «кредитных ловушек». Все это активно обсуждается на международных экономических конференциях, политических встречах, в экспертных сообществах. Так, А. Щипков пишет предельно резко: «Со временем правящие элиты Запада должны будут пустить под нож и откормленные в пику советскому “гегемону” средний класс, и священные ценности демократии, толерантности и политкорректности. Мир, выстроенный под диктовку финансовых элит, трещит по швам. Впереди переоценка ценностей» [2].

В социально-экономических науках все больше утверждается мнение, согласно которому избыточная математизация не может внести особой ясности в суть периодически возникающих в разных странах явлений то дефицита, хорошо знакомого гражданам бывшего СССР, а то и резкого превышения предложения над спросом в результате финансовых неустойчивостей, а далее и рецессии, сопровождающейся безработицей, банкротством, социальными волнениями. В последнее время все чаще в академических журналах можно встретить публикации, связанные с именами таких классиков экономической науки, как А. Смит, Л. Вальрас, М. Алле [3—5]. Основной контекст этих публикаций можно сформулировать примерно так, как это делает Дж. Кэй: «Следует отбросить саму идею о том, что мир экономики можно опи-

сать с помощью универсально применимой модели, в которой все основные взаимосвязи предопределены, так как на экономическое поведение влияют технологии и культурные формы, которые развиваются не случайным образом, но таким, который нельзя описать с помощью переменных и уравнений, знакомых экономистам» [5].

Похоже, что неолиберальная экономическая модель развития социально-экономических систем (СЭС) перестала удовлетворять даже самых преданных сторонников так называемого мейнстрима. В. Автономов в статье «Абстракция — мать порядка?» подробно, но осторожно, отмечает, что строгость в любой науке не всегда идет на пользу адекватности в оценке реального мира [6]. Один из основателей Новой всемирной экономической ассоциации, стоящей на альтернативной мейнстриму антиформалистской позиции, норвежский профессор Э. Райнерт считает, что «экономическая мысль делится не на левую и правую, а на практическую и абстрактно-идеологическую. Фаза запуска новых секторов требует массовости, напряженного усилия и нарушения обычных законов рынка. Но именно это исключает неолиберализм» [7]. Под словами «новые секторы» явно подразумеваются новые отрасли экономики, что связано с необходимостью образования новых профессионалов.

В 2012 г. исполнилось 100 лет с момента выхода двух замечательных книг: Й. Шумпетера — «Теория экономического развития» и Ф. Тейлора — «Научная организация труда». Идеи Шумпетера и Тейлора оказали величайшее влияние на развитие экономических наук и даже носили характер широкой социальной реформы. Афоризм Шумпетера о «лошади и жокее» (т. е. экономика + государство) до сих пор используется в научной литературе. Ф. Тейлор был назван основоположником современного менеджмента, а великий П. Друкер утверждал, что провал марксизма в США во многом объясняется внедрением систем научного менеджмента Тейлора. Наш интерес к Ф. Тейлору, кроме всего сказанного, можно обозначить так: он представлял профессионализацию и разделение труда в качестве действительно магистрального направления развития общества. И как бы ни хотелось сторонникам универсализации преодолеть узость специализации, развитие человечества все дальше уходило от фундаментального единства, а это выглядит противоречащим идее глобализации. Что касается марксизма, то надо признать исчерпанными идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата, но не исчерпанными вопросы природы денег, особенно остро ставшие перед большинством стран в последние кризисные годы.

В то же время нобелевский лауреат по экономике А. Сена в своей статье «Адам Смит и современность» заявляет: «Наука — не первое слово, которое приходит на ум в период гигантского кризиса, предсказать который и предложить способы экстренно спасти “плохо залатанный” мир экономики представители экономической науки не смогли... Природа общества, которое возникает из любого данного набора институтов, должна зависеть и от неинституциональных характеристик — от реального поведения людей и их социального взаимодействия» [8]. В связи с этим кажется правомерной ирония известного русского востоковеда В. Овчинникова: «Среди моих соотечественников укоренился неосознанный западоцентризм», «навязывается мнение, что все, что не укладывается в рамки западноевропейской демократии, является варварством», «мы склонны недооценивать политические реформы в Китае», «идея, что Китай — главная угроза для России, а Запад — главное спасение, — хорошо проплачена» [9].

Положение Китая на международной арене привлекает многих исследователей. Так, политолог Э. Ли в американской газете «Christian Science Monitor» (19.10.2011) пишет о китайской политической системе весьма уверенно: «Китай проводит уникальный независимый курс во все более многополярном мире». Эксперты настаивают на том, что Китай заимствовал во многом однопартийную систему СССР времен И. Сталина, с последующей модернизацией в виде многоступенчатых выборных органов, дополненных народными политическими консультативными советами, ограничениями сроков пребывания у власти (10 лет) высших должностных лиц государства, партии и армии. В политических кругах России заметны предложения обратного заимствования китайского опыта. Основанием такого рода трендов является тот факт, что в России фактически действует полупартийная система, доминирующей партией, «партией власти» в ближайшие годы несомненно останется «Единая Россия» в модернизированной форме, усовершенствованной системой отбора перспективных лидеров, привлечением демократических партий и вытеснением национал-большевистских манипуляций из политической жизни страны.

Более 110 лет назад видный государственный деятель России К.П. Победоносцев в статье «Новая демократия» заметил важные тенденции в российской истории: «Профессора политических учений изобретают новые комбинации властей, новые системы выборов, новые формы, в коих могли бы выработаться и утвердиться, — истинное представительство народного разума и народной потребности, истинное правительство и достаточно уполномоченное, и достаточно ограниченное от злоупотреблений власти» [10]. Выборы—2011 в Государственную Думу РФ показали, что в российской политической среде

продолжаются поиски трансцендентальной, т. е. гегелевского типа идеальной, справедливой власти. При этом основным инструментом и методологической опорой служат абстрактно понимаемые «нравственная политика» и отсылки к общественному мнению — эклектичному, несистемному и, по большей части, даже сознательно искажаемому. Политтехнологи осознали, что правда чаще всего суховата, скучновата, а концептуальное поле домыслов и лжи чрезвычайно богато, стилистически многообразно и охватывает все жанры речи и области политики.

Надо отметить, что в последнее двадцатилетие в мировой политике и других стран (например, Франции, Германии) также не происходило таких открытых политических дискуссий мирового значения, как это было в период усиления в мире коммунистических партий. Партийная жизнь оживлялась, главным образом, в период подготовки парламентских или президентских выборов, а затем снова уходила в тень закулисных и даже секретных дискуссий. При этом вектор мировой политики строился, исходя из интересов стран «золотого миллиарда», формируемой экономическими лидерами, опирающимися на ТНК и глобальную банковскую систему. В последние годы повестку дня глобальной политики определяют, в основном, члены так называемой Тройственной комиссии, которые собираются регулярно перед тем, как организуются официальные встречи государственных лидеров в верхах — G8. Современная политэкономическая наука еще не выработала общепринятых языковых средств описания этой новой реальности. Реальная власть, считают многие политологи, уходит из поля зрения демократической общественности в закрытые наднациональные структуры. Обычная, видимая политика, сохраняя необходимые внешние формы, на самом деле «превращается в коктейль из шоу-бизнеса и административного ресурса» (А. Фурсов). Нет сомнений, что такая реальность вызывает протесты во многих странах. Журнал «Time» назвал человеком 2011 г. «абстрактного протестующего». Люди по всему миру заявляют себя активными творцами истории, требуют пересмотра общественных контрактов с властными институтами, бросают вызов самой системе представительства, обвиняя ее в коррупции и неспособности отвечать на современные проблемы и события. Ядро протестного электората и электората, поддерживающего правые идеи, составляет молодежь.

В своем предисловии к книге британского ученого Т. Иглтона, посвященной экономическим кризисам, известный российский экономист и футуролог М. Хазин заявляет, что сторонниками мейнстрима всячески табуируются идеи А. Смита и К. Маркса о временных грани-

цах капитализма как системы развития и управления социально-экономическими системами (СЭС). «Политэкономии Маркса было отказано в статусе науки... Все представители “экономикс” и контролируемые ими институты, включая МВФ, ВБ, ЦБ крупных стран, активно выступают против теории кризиса капитализма... Естественно-научная основа, поднятая А. Смитом, из поля зрения экономикс выпала... Не решается проблема, ради которой создавалась экономикс — доказательство того, что капитализм вечен» [11]. Между тем речь идет уже не только о научных недоговорках и умолчаниях, отказах объяснять причины экономических кризисов даже учеными уровня нобелевских лауреатов по экономике. Ученые не могут преодолеть, как выясняется, трудности, возникающие при обсуждениях таких проблем, как «корпоратократия» [12].

К сторонникам антиформалистского направления можно причислить неомарксистов США, последователей австрийской экономической школы, представителей французской школы экономистов, использующих для изучения структуры СЭС самые утонченные методы нейролингвистики, и многих представителей российской академической науки школы Л. Абалкина. В. Автономов, например, без иронии замечает: «Чтобы определить, какие предпосылки отражают свойства реальной системы, а какие можно считать более или менее “проясняющими аналогиями”, необходима трудно определяемая смесь логики, интуиции и идеологии» [6]. Добавим от себя, что здесь полезными могут явиться работы социальных философов и психологов. Так, крупнейший социолог XX в. Т. Парсонс, исследовавший профессиональные группы, признавал, что только «сбалансированность капиталистической экономики и традиционных профессий может гарантировать устойчивый нормативный социальный порядок» [13].

В то же время философы, биологи, социологи ломают головы над мировым демографическим и экономическим кризисом, рассматривая процессы глобализации как некий редкий феномен в истории жизни на Земле, когда, как кажется, образуется новый «сверхорганизм», подобный возникновению в ходе биологической эволюции ядерной клетки, многоклеточных организмов, колонии муравьев, пчелиных ульев [14]. Столь масштабные переходы не часты в истории, но если они случались, получившиеся сверхорганизмы обычно оказывались успешными. Можно определить сверхорганизм как неопределенно большую группу, в которой каждый готов пожертвовать собой во благо всей группы — с тем, чтобы преодолеть сложности или угрозу, исходящую, как правило, от другого сверхорганизма. Это и благородная, и ужасная человеческая способность. Такая гипотеза в настоящее время находит немало сторонников (принятое название The Ages of Gaia); немало их

и в России, где ее рассматривают как развитие учения В. Вернадского. Однако и противников у этой гипотезы немало. Интересно, как с позиции сверхорганизмов определяется альтруизм человека: групповой эгоизм, объясняемый любовью к объединениям с чем-то большим, чем мы сами. Но в то же время — что такое профессиональные группы, корпорации как не сверхорганизмы, а корпоративная этика — как не способ защиты от обвинений в эгоизме представителей этих образований? При этом надо полагать, что не все сверхорганизмы проходят успешно процессы адаптации, некоторые пути оказываются тупиковыми, а революции — «бланкистскими выкидышами». Так и некоторые корпорации вынуждены признавать свое банкротство, распадаются и некоторые государственные организации, и даже империи. Много указывает на то, что глобализация на самом деле превращается в «глокализацию», т. е. локально формируемые объединения нескольких стран. А ядра, центры капитализма, которыми в последние 200 лет поочередно являлись такие мегаполисы, как Лондон, Нью-Йорк, Лос-Анжелес, сейчас начинают распадаться, и миросистема становится многоядерной, руководимой региональными державами.

В этом случае исследователь моделей устойчивости должен иметь дело с громадным количеством переменных, которые ее (устойчивость) определяют. Подчеркивается необходимость создания нового инструментария, который противодействует «слепому прогрессу». Дело обстоит таким образом, что исследователь должен постоянно уточнять, что означает в планетарном масштабе это постоянно дискутируемое понятие «развитие». При этом нужно учитывать, что и численность населения, и объемы капиталов нельзя остановить произвольно, а технологические решения не помогут справиться с проблемой экспоненциального роста в конечной сложной системе. Без учета сказанного сомнительными кажутся прогнозы глобального комплексного развития [15]. Известно к тому же, что экономические модели мейнстрима неприменимы в складывающемся сейчас финансово-экономическом мире. Речь идет о той особой ситуации, какой человечество еще не знало и которую, без преувеличения, называют глобальным мировым кризисом. Этот кризис, как предполагается, должен перевести нынешний капитализм на новый уровень мировой экономики, политики, глобальной безопасности. При этом должны быть затронуты такие чувствительные принципы мировой торговой системы, как переход от существующей де-факто мировой валюты к валюте нового типа, де-юре принимаемой, которая будет удовлетворять всех участников мирового экономического процесса. Предполагается, что новая мировая валюта должна быть лишена многих дефектов доллара США, сре-

ди которых называют: дозаконность; недемократичность деятельности эмитента; неотработанность механизма спроса и предложения; нецивилизованность рынка мировой валюты; неподконтрольность системы генерации эмиссии доллара; неэффективность существующей системы [16].

Идею новой мировой валюты активно поддерживают страны СНГ, КНР, большинство латиноамериканских стран. На первом этапе предполагается формирование наднациональных валют для близких регионов. Промежуточным валютам предлагается дать условное наименование «транзиталов». Отсюда весь мир можно было бы назвать миром «транзитального» капитализма, который уже по приведенным основаниям никак не может быть устойчивым. Так, можно ожидать серьезных валютных войн за обладание будущей супервалютой, которая уже получила условное название «акме» (в переводе с греческого — высшая стадия чего-либо). Более того, модель миросистемы, вероятнее всего, должна будет рассматриваться как многополярная агломерация по-разному и в разное время развивающихся исторических образований, вовсе не склонных к сотрудничеству, хотя и избегающих опасной конфронтации.

В таких условиях особое значение имеет человеческий капитал (ЧК). С ним связываются так или иначе практически все проблемы экономической теории и технологии модернизации: и предприимчивость (Л. Фон Мизес), и инновационная привлекательность как фактор развития (Й. Шумпетер), и приоритетность вложения средств бюджета государства, и духовность как проявление творческой активности, и элитарность как особое положение в социально-экономической системе (СЭС). В. Мау считает, что «страна, которая сможет сформулировать современную эффективную модель развития ЧК, получит огромное преимущество в постиндустриальном мире... Институциональные реформы — первый принцип формирования современной модели развития» [17]. И далее: «универсальных решений не существует не только в экономической, но и социальной сферах».

На наш взгляд, понятия ЧК весьма тесно связаны с понятием «модели человека» в экономической теории. Недавно было замечено, что в моделях человека отражается национальный характер, что связано, в свою очередь, с блоками, доминирующими в СЭС. Согласно этим представлениям, доминирование блока «рынок» характерно для британского типа человека, а историческое доминирование блока «государство» — для германо-русского типа [18]. Предполагалось, что эти характеристики носят интегрированный характер, и внутри любых СЭС сосуществуют различные модели человека со своим ЧК. Уже много лет применяются в разной мере признанные методики расчетов

величин ЧК. Отметим, что американские экономисты дважды — в 1979 г. (Т. Шульц) и в 1992 г. (Г. Беккер) — получали Нобелевские премии за работы в области ЧК.

Широкой массе россиян не часто удается получить четкое удовлетворительное представление о тех мощных традициях, которые заложены в массовом сознании под влиянием работ А. Чехова, М. Горького и их последователей советских времен. Мощный интеллектуальный поток, который в начале XX в. потряс весь мир, вынужденно ушел с поверхности общественного политического контекста, но принял иные формы. Русская академическая наука, вопреки странным нападкам с неясными целями, сохранила основные качества русского интеллектуального бытия, являя собой примеры успешности и независимости. С этой точки зрения, именно вся русская академическая наука являет собой настоящее явление так называемого креативного класса. В то же время в российской общественной среде до сих пор нет единого мнения о сущности этого явления. Так, «круглый стол» «Креативный класс — фантом или реальность» на канале «Культура» (22.04.2012) обозначил широкий спектр представлений о лицах, которых следует относить к такому классу: от производителей интеллектуальной собственности в любой сфере до шоуменов и даже лиц, спекулирующих на вредных пристрастиях «гламурной» молодежи и нуворишей. Между тем в литературных источниках не подчеркивается, что все более утверждающееся в настоящее время понятие «креативная экономика» не несет в себе свойств, присущих традиционной науке.

Отметим, что уже несколько лет действует Консультативный совет ООН по креативной экономике. Один из членов этого Совета, профессор Шанхайской школы экономики Д. Хокинс представил в 2009 г. в Москве свое видение этого явления. По приведенным на его лекции данным оборот в области креативной экономики в США составляет более 200 млрд дол., а число вовлеченных в эту область деятельности — около 15 млн. Это работники науки, техники, математики, программирования, искусства, дизайна и индустрии развлечений. В Великобритании несколько иное представление о креативной экономике. Это такие отрасли, как реклама, архитектура, ремесла, кинематография, дизайн, создание моделей одежды, развлекательные программы, музыка, исполнительные искусства, пресса, телевидение, радио. Названные области деятельности, в основном, совпадают с представлениями о деятельности лиц, которых Р. Флорида описал в своей книге «Люди, которые меняют будущее» [19]. Удивительно, но почти все 8 сегментов блока «массовое сознание», входящих в используемую нами несколько лет когнитивную карту СЭС — мода, праздники, развлече-

ния, семья и воспитание детей, музыка, художественная деятельность, кино, театр, телевидение, спорт — почти целиком совпадают с приведенным выше британским списком [20]. Это если не считать сегмент «семья и воспитание детей», но основоположники идеи креативной экономики не являются сторонниками установления каких-либо пограничных столбов. И что может быть более творческим делом, чем воспитание детей? В таком случае мы склонны отнести весь блок «массовое сознание» к полю деятельности творчески активных, независимых людей, без унижающих нацию просьб о помощи, не говоря уже о политических «играх» с нулевым выигрышем. В таком случае обычное домохозяйство — самый массовый объект креативной экономики, вклад которого в ВВП и социальный капитал страны нельзя переоценить.

В известной мере противоположную точку зрения высказывает В. Миловидов: «Рациональность и мудрость рынка разбиваются о скалы человеческих пороков. Нельзя победить эгоизм и зависть, нельзя надеяться, что законы справедливости будут действовать без перебоев, сохраняя неизблемыми положения добровольных контрактов... Вся эволюция — это кооперативно-конформистские, или оппортунистически-конфликтные отношения людей в процессе их выживания» [21]. Как нам кажется, такие представления переводят все идеи о случайном характере естественных процессов СЭС в разряд чистой этики. То, что любая СЭС борется за выживание, мы принимаем как аксиому, но выживание человека в этой СЭС — явление атомарного порядка, и здесь случайности и неопределенности более естественны, чем какая-то предназначенность. «Пути Господни неисповедимы» — это все-таки о том, что ни один человек не может заранее определить ход своей жизни, хотя метафизику жизни мы не отрицаем.

Так как положение РФ в данном историческом отрезке все-таки нельзя признать равновесным по разным обстоятельствам, в том числе по технологическим соображениям, тенденции к возникновению новых профессиональных групп существуют так же, как и интерес государства в поддержке этих тенденций. Эта информация «витаает в воздухе» и социальные институты должны считывать эту информацию, создавая для новых профессионалов льготные условия развития. Ведь «кадры», по-прежнему, «решают все».

Некоторые политологи убеждены в том, что именно главы крупных советских «корпораций», преследуя личные материальные выгоды, инициировали слом сложившейся в СССР политической системы в 1991 г., а затем и распад СССР (А. Фурсов). Значительные выигрыши от этой революции достались и крупным иностранным корпорациям, и финансовой системе США. Технологию опутывания разных стран с

использованием инженерных, строительных компаний, крупных банков и даже секретных служб на своем личном опыте подробно разбирает американский экономист Дж. Перкинс в упоминавшейся выше книге [12]. Сам автор в последнее время неоднократно разъяснял сущность и методы корпоратократии в открытых интервью российским СМИ. Речь, как выясняется, идет о сознательном мошенничестве при «подталкивании лидеров других стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов США». Чаще всего эти страны оказывались в искусно выстроенной долговой ловушке. Используя этот инструмент, нетрудно обеспечить и политическую лояльность лидеров стран-должников, тем более, что она хорошо проплачивалась. «Когда нам будет необходимо, мы сможем использовать этих лидеров для удовлетворения наших политических, экономических или военных нужд», — пишет Дж. Перкинс. Но при этом уровень жизни в большинстве стран-должников в результате таких манипуляций резко ухудшается, часто возникают сложнейшие экологические проблемы. Борьба с такими проблемами и распознать «ловушку» на стадии проталкивания проектов практически невозможно. Много делается под прикрытием интеграции в современное экономическое пространство. Более того, неуступчивые лидеры многих стран (Панама, Эквадор) поплатились жизнями за свою строптивость. Исключение составляют ближневосточные монархии, которые не нуждались в кредитах. Но это не избавило их от необходимости быть лояльными в отношении США по всем конфликтным политическим проблемам (Ирак, Иран, Ливия, Сирия).

«Слова демократия, социализм, капитализм почти что вышли из употребления, стали ненужными. Корпоратократия стала реальностью, и она прилагает все больше усилий, чтобы стать единственным фактором, влияющим на мировую экономику и политику» [12]. По существу, речь идет о такой реальности, как формировании в СЭС целой цепочки связанных с бизнесом и государством кластеров, вроде так называемой «Japan Incorporated», выполняющих функции и производителей, и защитников коммерческих интересов на всех уровнях мирового разделения труда. Справедливость требует признать, что успешность СЭС определяется уровнем и стабильностью профессиональной занятости во всех блоках СЭС, конкурентоспособностью профессионалов в мировом масштабе. Последнее характеризуется уровнем изобретательства, числом защищенных патентами изобретений и научных открытий, уровнем цитируемости научных работ. Слово «авторитет» — производное от слова «автор», и что бы ни говорили некоторые о Нобелевских премиях, получить ее мечтает любой уче-

ный. В этих обстоятельствах эффект от наличия большого количества нобелевских лауреатов можно назвать синергетическим.

Древний китайский философ Сунь Цзы в книге «Искусство войны» делает мудрый вывод: «Одержат победу в сражении — это не предел искусства. Покорить противника без сражения — вот венец искусства». По существу, речь идет о многомерном понятии, которое принято называть не очень точным выражением — «информационная война». Смысл этого выражения, по-видимому, шире, чем простая засылка ложной информации: побеждает та страна, чья модель управления и развития популярна в своей стране и более привлекательна для соседей. Между тем в отечественной литературе можно чаще встретить высказывания такого рода, как: «Россия больна, нужно вкладывать деньги в науку, оздоровиться», «Россия испытывает драматический период своего развития, горизонт планирования резко сузился» (Р.Ф. Полищук, ФИАН), «в России есть только одна сила — бюрократия», «системный кризис в стране назрел» (М. Делягин, политолог), «будет все большее и большее ощущение истощенности от этого 20-летия» (С. Кургинян, политолог). В Физическом институте РАН под руководством профессора Д. Чернавского проводятся исследования, которые не могут не заинтересовать специалистов по информационному менеджменту: математическое моделирование развивающихся систем. Один из выводов, который был получен разработчиками темы, звучит так: «Социальная динамика определяется не телевидением, а борьбой на совсем другом уровне: — в гонке нановооружений, космических технологий, в совершенствовании методов информационной войны для сборки и разборки социальных субъектов, в борьбе за правопорядок, социальное благополучие народа, за высокий статус науки и образования в обществе». Существует согласие в том, что современное информационное общество представляет собой особый тип и социального структурирования, и власти. После индустриального капитализма, базирующегося на владении средствами производства, после финансового капитализма, опирающегося на власть денег, наступает этап некоего символического информационного капитализма, в котором власть основана и осуществляется через средства коммуникации путем управления информационными потоками. Политологи соглашаются, что наступает пора, когда без учета закрытых и открытых свойств социальных капиталов всякое прогнозирование будет слишком коротким. К тому же сегодня «происходит большое переформатирование политической карты». Но и патерналистская политика не способна далее обеспечивать стабильные результаты на выборах, для участников которых частью принимаемого морального кодекса становятся понятия справедливости и порядочности.

Много стран предпринимали в последнее время попытки провести модернизации, но из 70 стран эти попытки удались только единицам. Многие социологи и экологи подчеркивают важность отказа от общества чрезмерного потребления и перехода к обществу разумного потребления, к равновесию и гармонии. Нужно переделать СЭС, сделать их более разумными, более экономичными и, если использовать язык институциональной экономики, сделать трансакционные издержки более приемлемыми. Один из предлагаемых нами подходов предполагает, что если принять за основу представление СЭС в виде блоков — рынок, государство, религия, массовое сознание, то становятся понятными причины нынешних партийных неопределенностей в России. Блок «рынок» не имеет своего партийного представительства. Партия ЕР должна признать, что она, главным образом, является выразителем интересов блока «государство» и, следовательно, сограждан, финансово зависящих от бюджетных поступлений. В России не образовалось активно действующих на федеральном уровне партий, способствующих объединению людей, мыслящих на языке традиционных религиозных сообществ (например, как ХДС–ХСС в Германии). Не видно продолжения того ранее могучего духовного движения, которое принято называть «русской религиозной философией». И, наконец, блок «массовое сознание» также не может признать ни одну из партий, даже КПРФ, полностью отвечающей интересам этого блока. На наш взгляд, полезно пересмотреть политическую структуру многих стран, и не только России, под новым углом зрения. Известно, что без новых идей о политической структуре модернизируемого общества произвести политическую модернизацию, а для начала просто пробудить интерес в обществе к политической деятельности, невозможно. Делать при этом только упор на традиционные воззвания об объединении демократических сил скорее результат стереотипов мышления, чем продуманное умозаключение.

Литература

1. Юрьев В.М., Бабаян В.Г. «МЫ» и «ОНИ» в массовом сознании и корпоративной морали // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 11(103).
2. Щипков А. Смена парадигм // Эксперт. 2013. № 15 (847).
3. Белянин А., Егоров И. О творческом наследии выдающегося экономиста // Вопросы экономики. 2011. № 10.
4. Зимулин О., Стырин К. Как различать причину и следствие? (Нобелевская премия по экономике за 2011 г) // Вопросы экономики. 2012. № 1.

5. *Кэй Дж.* Карта — не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 1.
6. *Автономов В.С.* Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики. 2013. № 4.
7. *Райнерт Э.* Забытые уроки прошлых успехов // Эксперт. 2009. № 1.
8. *Сен А.* Адам Смит и современность // Вопросы экономики. 2011. № 11.
9. *Овчинников В.О.* О книге «Калейдоскоп жизни» // Мы и Мир. 2004. № 4.
10. *Победоносцев К.П.* Новая демократия // Московский сборник. М., 1901.
11. *Хазин М.* Предисловие // Иглтон Т. Почему Маркс был прав? М., 2012.
12. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М., 2005.
13. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессии. История, методология и практика исследования // Социологические исследования. 2009. № 8.
14. *Уилсон Э.* Случайный сверхорганизм // ESYUIRE. 2011.
15. *Аганбекян А.* Фундаментальный труд о мировом развитии (О книге «Стратегический глобальный прогноз — 2030» // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2.
16. *Чакаров И.* России грозит ловушка среднего дохода, которая замедлит рост экономики // Интернет-ведомости. Аналитика. 27.11.2012.
17. *Мау В.* Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7.
18. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Социально-экономические системы в человеческом измерении // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4 (120).
19. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
20. *Юрьев В.М., Бабаян В.Г.* Качество социально-экономической среды планирование развития // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 7 (63).
21. *Миловидов В.* Асимметрия информации или «симметрия заблуждений» // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3.

Д.Г. ЕГОРОВ

Что такое наука и почему мы ей доверяем?

Аннотация. Дано авторское определение понятия «наука». Наука не есть герметическая традиция или некое мистическое учение, но, напротив, — естественное развитие человеческой способности к мышлению. В основе нашего априорного доверия научным результатам лежат: 1) принцип материального единства мира, 2) соответствие классической логики и онтологии Универсума. Наука — это строгое и институализированное следование логике при принятии философского предположения, что мир един.

Ключевые слова: наука, принцип единства мира, классическая логика, философские основания цивилизации.

Abstract. Given the author's definition of «science». Science is not sealed tradition or a mystical doctrine, but on the contrary — the natural development of the human capacity for thought. The basis of our a priori confidence in scientific results are: 1) the principle of the material unity of the world, 2) relevance of classical logic and ontology of the Universe. Science — it's strict adherence to logic and institutionalized in making a philosophical assumption that the world is one.

Keywords: science, the principle of unity of the world, the classical logic, the philosophical foundations of civilization.

Введение

Наука — одно из главных оснований современной цивилизации. В то же время многие даже профессиональные ученые затруднятся четко сформулировать, что есть наука в своей сути.

В массовом сознании господствует квазимистическое отношение к науке как к некоему фокусу, сорту магии: если человек соблюдает правила игры в науку (сыплет наукообразными терминами с латинскими корнями, ссылается на «авторитеты», потрясает дипломами о своих степенях и званиях и т. д.), то любое его заявление вроде бы приобретает характер «научной истины».

Даже профессиональный ученый может заявить: «Это доказано наукой», хотя доказываются только теоремы в математике, а за ее пределами теории только предлагают объяснения фактов (и объяснения эти, строго говоря, никогда нельзя считать окончательными). «Моя теория вытекает из фактов» — хотя теории из фактов не вытекают, теории факты объясняют.

Как обратная сторона слепой веры в науку (без понимания оснований этой веры) выступает антисциентистская тенденция, проявленная не только в массовом сознании, но и в философии (например, методологический анархизм П. Фейерабенда): «Наука в силу ряда причин вынесена в нашей цивилизации на первое место, но в будущем, возможно, ее сменяют другие формы познания...» (какие?). В основе такого рода убеждений — непонимание сущности науки и ее места в мировой цивилизации: заместить в современной цивилизации науку чем бы то ни было можно только с одновременным замещением и цивилизации как таковой.

Утверждение, что наука занимается чем-то, принципиально отличным от «здорового смысла», можно встретить и в работах методологов: «Выработка наукой специального языка, пригодного для описания ею объектов, необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования» [1, 113].

Согласимся — в некоторых разделах науки (скажем, в квантовой физике) действительно есть объекты с весьма странными свойствами (электрон — частица и волна *одновременно*). Однако такого рода объекты странны не только с точки зрения обывателя, но и для прекрасно владеющего научным методом социолога. А теоретические конструкции социологии обывателю странными не покажутся. Наконец, весьма странные объекты могут быть построены и за пределами науки — в научно-фантастическом романе или даже просто в сказках. Таким образом, нам представляется, что различие науки и «здорового смысла» обусловлено отнюдь не необычностью (с точки зрения здравого смысла) ее объектов.

По нашему мнению, наука не есть герметическая традиция или некое мистическое учение, но, напротив — естественное развитие человеческой способности к мышлению. Именно это и обуславливает нашу уверенность в истинности научных знаний. Раскрытию этих тезисов и посвящена настоящая работа.

Предварительные определения

Множество — соединение в некое целое M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые называются элементами множества M) [2, 173].

Система — множество объектов, имеющих связи и отношения между собой, которые могут мыслиться в каком-либо аспекте как целое.

Сложная система — система, элементы которой сами являются системами; элементы сложной системы именуются *подсистемами*.

Модель — система, которая может быть в каком-то аспекте поставлена в соответствие другой системе (оригиналу, прообразу).

Моделью может быть копия предмета (муляж в аэродинамической трубе); система иной природы, ведущая себя в каком-то аспекте подобно оригиналу (механический маятник моделирует колебания электромагнитные — природа их различна, но математическое уравнение колебаний одно и то же); модель может быть знаковой (формула, описание), образом (карта), наконец, может быть идеальной (формула в нашем сознании остается моделью процесса).

Знание о чем-либо (о любой системе) — идеальная модель этой системы.

Почему вообще возможно знание? — потому что мир не есть полный хаос: будь он таковым, не существовало бы аспектов, которые можно было бы поставить в соответствие какой бы то ни было общей модели; любая ситуация была бы уникальной, а идеальные модели были бы бессмысленны.

Более того, интуитивно ясное понятие «порядок» определяется только через понятие модели (нам, во всяком случае, неизвестно сколько-нибудь внятное определение порядка на иных основаниях). Так, один из величайших математиков XX в. А.Н. Колмогоров определил случайную последовательность (т. е. хаос): «Если дана последовательность натуральных чисел, то не может существовать правила, которое короче, чем сама предъявленная последовательность чисел» [3, 144]. И наоборот, если существует короткое (относительно исходной последовательности) правило (т. е. идеальная модель), согласно которому последовательность восстанавливается — эта последовательность упорядочена. Таким образом, упорядоченный объект (множество) — это объект, построенный на основе идеальной модели.

Любые живые системы преодолевают ограничения, налагаемые на простые замкнутые неодушевленные системы вторым законом термодинамики ввиду наличия у них идеальных моделей поведения (случайный перебор вариантов заменяется целенаправленным). У животных моделирование окружающей среды «встроено» в виде рефлексов. Человек способен еще и к мышлению.

Мышление — оперирование знаниями в сознании, в том числе построение новых идеальных моделей реальности. Это оперирование как знаковыми моделями (словами), так и образами. Мышление позволяет получить предсказания о возможных изменениях в оригинале и воздействовать на оригинал не хаотически (методом проб и ошибок), а целенаправленно.

Человека можно определить как существо, живущее в двух мирах — материальном (назовем его, по аналогии с известной схемой К. Поппера [4], первым миром) и идеальном (втором мире Поппера — мире мысли, или моделей)¹⁶ — и способное *свободно* переходить из одного мира в другой. Эта свобода есть важнейшее отличие человека от животных — животные тоже могут обрабатывать внешнюю информацию во втором мире (по заданным в виде рефлексов программам), но, в отличие от человека, не могут свободно (т. е. самостоятельно) разрывать поток взаимодействий, чтобы, оперируя со знаками в мире мысли, создать *новую* модель реальности¹⁷. За счет мышления человек может делать предсказания о будущих изменениях окружающей среды (настолько точных, насколько точно модели, т. е. мысли, соответствуют реальности), т. е. получать *информацию о будущем*.

Правила построения словесных знаковых моделей, выполнение которых позволяет избежать ошибок, были зафиксированы еще Аристотелем — это *классическая логика*. Как было показано значительно позже, правила классической логики следуют из свойств операций над множествами¹⁸. В XIX в. к собственно Аристотелевой логике была добавлена логика отношений, т. е. операции с многоместными предикатами, без которых нельзя описать процесс математического (и естественнонаучного) доказательства. В результате была сформулирована так называемая *математическая логика* — однако следует подчеркнуть, что математическая логика есть именно расширение логики классической, а не ее отвержение (тем более не ее опровержение).

Ответ на встречающийся зачастую в философской литературе вопрос: «почему именно классическая логика так эффективна при моделировании реальности», по нашему мнению, прост: потому что она соответствует онтологии реальности¹⁹.

¹⁶ Здесь мы не рассматриваем вопрос о природе этого второго мира — для нас достаточно установления его наличия.

¹⁷ Подробнее об этом см.: [5, 4—6].

¹⁸ Примеры: если множество A есть подмножество множества B , а множество B есть подмножество множества C , то и A есть подмножество C ; часть не может быть больше целого, и т.д. Эти правила действуют и для невербальных форм мышления — пространственная интуиция, лежащая в основе образных представлений, тоже соответствует свойствам множеств, — все виды силлогизмов можно представить в виде наглядных геометрических образов.

¹⁹ Вопрос следующего уровня — а почему мир устроен так, что в нем выполняются аксиомы теории множеств — выходит за рамки нашего исследования, нам достаточно констатации факта соответствия классической логики и онтологии.

Во второй половине XX в. появилась определенная мода на рассуждения о якобы «неаристотелевой логике» микромира; однако анализ такого рода работ показывает, что нарушения классической логики присутствуют не в поведении квантовых объектов, а в рассуждениях авторов²⁰.

Иногда для критики привилегированного положения классической логики (по сравнению с разного рода искусственно сконструированными логическими системами) приводится факт существования архаических племен, в мышлении которых постоянно нарушаются нормы классической логики (см., напр.: [7]). Однако это, по нашему мнению, не есть доказательство равноценности различных логических систем, это есть объяснение, почему архаические племена так и остались на стадии архаики (в мышлении же прогрессирующих в научном и технологическом отношении цивилизаций нормы логики выполняются непреложно).

Наука — 1) совокупность истинных (объективных, научных) знаний; 2) процесс получения научных знаний; 3) социальная система, функции которой — хранение, передача и приращение научных знаний.

Научный метод

Как же получить научные знания — т. е. такие знания, в истинности которых мы можем быть уверены? Для этого надо следовать *научному методу*. Раскрытие его сущности начнем со следующего утверждения: наука как совокупность знаний есть совокупность идеальных моделей — словесных, графических и т. д.

В каком случае модель истинна? — Если она соответствует своему прообразу (т. е. фрагменту реальности, который она моделирует). А если модель настолько сложно устроена, что ее адекватность прообразу неочевидна? Тогда в истинности модели можно убедиться, сравнивая ее поведение в модельном эксперименте с процессами в ее реальном прообразе.

²⁰ Рассмотрим в качестве примера анализ эксперимента с дифракцией электронов при прохождении через второе отверстие [6]: удивление сторонников «неаристотелевой логики микромира» вызывает факт чувствительности электронов, проходящих через одно отверстие в диафрагме, к существованию в ней второго отверстия; однако удивляться нечему, если не забывать, что любая микрочастица имеет одновременно с корпускулярными и волновые свойства (в соответствии с принципом дополнительности), и как волна, естественно, чувствительна к существованию второго отверстия («неаристотелевой» была бы как раз ситуация, когда объект, имеющий свойство «быть волной», не реагировал бы на существование второго отверстия в диафрагме).

В каком случае идеальная модель истинна? — Так же как и в случае модели вообще — тогда, когда ее исходные положения адекватны своему прообразу (т. е. фрагменту реальности, который она моделирует), соответствуют ему. А если исходные положения модели настолько сложны, что непосредственная очевидность их отсутствует? — Тогда в истинности модели можно убедиться, сравнивая выводы из нее с реальностью (теми ее аспектами, которые этим выводам соответствуют).

Суть научного метода — построение истинных идеальных моделей. Для гарантированного достижения этого результата — от Пифагора до Декарта — традиционно требовалась абсолютная достоверность исходных принципов: математические теоремы, выведенные из абсолютно достоверных аксиом, не нуждаются в опытной проверке²¹.

В Новое время становится окончательно ясно, что всю совокупность знаний о природе и человеке нельзя вывести из очевидных истин. В результате наука вынужденно дополняется эмпирическим методом: теория, построенная на не вполне очевидных основаниях, принимается, если проходит проверку сопоставлением ее выводов с фактами (до момента, пока очередная опытная проверка ее не фальсифицирует²²). Таким образом, научный метод сводится к следующим трем

²¹ В литературе можно встретить изумление по поводу того, как из столь малого числа простых аксиом математики оказывается возможным вывести столь богатое содержание (например, теорему Пифагора). Здесь надо отметить, что богатство содержания математических теорий вытекает отнюдь не только из аксиом: так, *только* из набора аксиом геометрии Евклида можно вывести не так уж и много теорем (будучи выведенными только из аксиом, они будут справедливы для любого геометрического объекта). А вот дав определение треугольника и выделив тем его самым из всех геометрических фигур, мы можем доказать дополнительные теоремы (опирающиеся как на аксиомы, так и на свойства треугольника — потому они будут справедливы только для треугольников). Выделив из треугольников вообще треугольники прямоугольные, мы можем доказать уже, например, теорему Пифагора и теорему синусов и т. д. В связи с этим представляется, что встречающееся в ряде работ по методологии математики противопоставление конструктивного и аксиоматического методов есть результат недоразумения: любая аксиоматическая теория содержит конструирование сложных понятий, и любая «конструктивная» теория имеет набор первичных принципов и определений, которые, собственно, и являются ее аксиомами.

²² Как совершенно верно отметил К. Поппер, проверка теории не может заключаться только лишь в указании фактов, с теорией согласующихся (так называемая верификация): таким образом можно «обосновать» самые невероятные положения (так, стоящие часы два раза в сутки показывают абсолютно истинное время); «сколько бы примеров появления белых лебедей мы ни наблюдали, все это не оправдывает заключения: “Все лебеди белые... Крите-

условиям: 1) принятия за основания для выводов абсолютно очевидных истин; 2) выводов строго по правилам логики (что предполагает в том числе строгое определение всех новых понятий); 3) опытной (по возможности — количественной) проверки: сравнения выводов с реальностью.

Условия (1) и (3) комплиментарны: чтобы рассуждение было научным, обычно достаточно выполнения одного из них: выполнение условий (1—2) характерно для математического научного знания, (2—3) — для всех остальных научных дисциплин (естественных, технических, социогуманитарных).

Достаточно часто выполняются все условия (1—3): так, в истинности математики нас убеждает не только уверенность в истинности аксиом и строгости выводов, но также и тысячелетняя успешная история приложения математики к вопросам естествознания и техники. В то же время и в естествознании существуют островки аксиоматизации, и вообще первичные принципы теорий выбираются настолько простыми и очевидными, насколько это возможно. Таким образом, четкая граница между математическими и естественнонаучными теориями есть в философии науки, но не в науке реальной: на практике граница между этими двумя типами построения теорий достаточно условна. Идеально строгих доказательств даже в математике не существует: с течением времени вскрываются системы скрытых допущений, предпосылок, и их полное выявление невозможно (а если и возможно, то достижение этого недоказуемо) [9].

Научный метод и логика

Обозначенное нами первое условие научного метода — это вариант введенного в логику Лейбницем закона достаточного основания.

Третье условие (сравнение дедуктивных выводов из гипотезы с фактами) тоже описывается в рамках логики, если добавить к классическим индукции и дедукции предложенную Ч. Пирсом схему абдукции: «Наблюдается любопытный факт *C*; но если *A* было бы истинно, тогда *C* имело бы место; следовательно, есть основания полагать, что *A* истинно» [10, 151]. Так как и второе условие научного метода есть требование следования классической логике — то и весь научный ме-

рием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость» [8, 47, 245.]. Качество теории тем выше, чем больше она запрещает — так как в этом случае тем больше у нее риск быть опровергнутой. Попытка фальсификации — это целенаправленный поиск фактов, с теорией не согласующихся (подробнее см.: [8]).

тод сводится, в сущности, к требованию строгого соблюдения в рассуждениях логических норм²³.

В обыденном мышлении любой человек опирается на все те же условия (1—3) — но делает это интуитивно, нестрого — поэтому и выводы обыденного мышления зачастую бывают ошибочными. Однако какой-то принципиальной *качественной* пропасти между научным и обыденным мышлениями *нет*. Разница здесь количественная — насколько меньше в мышлении выполняются нормы научного метода, чем «неряшливее» мышление и чем больше в нем паралогизмов — настолько более оно «обыденно».

Таким образом, наука — тоже мышление, но строгое, основанное на научном методе, а в конечном счете — на логике.

Но если научный метод сводится к следованию правилам логики, то почему теория дает новое знание? В литературе можно встретить немало вариантов ответа на этот вопрос, многие из которых, однако, нельзя признать удачными: «Источник нового знания — неформализованные фрагменты теории» — тут возникает вопрос: как именно связаны неформализованность и новое знание? Астрология, скажем, достаточно неформализована, следует ли из этого, что она дает новое знание? Если под неформализованными фрагментами подразумеваются базовые модели теории, то получается, что теории, формализованные настолько, что базовые модели замещены наборами аксиом (термодинамика, теория идеального рынка), нового знания не несут?! «Теории дают новое знание, так как содержат идеальные конструкты» (т. е. понятия, которым приписаны свойства, невозможные в реальности: бесконечная протяженность, отсутствие трения и т. д.) — тезис этот идет от лингвистической философии. Это попытка без обращения к объективному внешнему миру объяснить раскрытие теориями нового знания.

Теории, как правило, действительно формулируются с использованием идеальных конструктов. Есть, однако, и исключения (обратимся к экономике — так, в теории денежного мультипликатора все ее конструкты имеют ясные аналоги в реальности, т. е. являются по лингвистически-позитивистской классификации терминами эмпирическими) — иными словами, это условие не является необходимым.

В то же время оно не является и достаточным — если мы формально соединим несколько идеальных конструктов в систему принципов, не имеющую отношения к реальности, вряд ли такая «теория» даст

²³ Интересно сопоставить главные условия научного метода и с тремя главными критериями истины: семантический критерий истины лежит в основе условия (1), когерентный — в основе (2), прагматический — в основе (3).

нам новое знание (самолеты обычно покрашены серебристой краской; но если мы сделаем модель самолета из дерева, и покрасим «металликом», вряд ли она только лишь от покраски полетит).

Иными словами, не всякая теория дает новое знание.

Система первичных принципов (аксиом) любой теории — попытка интуитивно угадать, какова структура реальности. Если догадка верна и предлагаемый в теории набор принципов и базовых моделей соответствует онтологии ее предметной области — тогда, и *только тогда*, теория и объясняет имеющиеся факты, и предсказывает новые. А насколько первичные принципы формализованы и насколько идеальны — вопрос второстепенный.

Частный случай вопроса об источнике нового знания — вопрос о причине «непостижимой эффективности математики в естественных науках». Непостижима эта эффективность, только если пытаться ее постичь (тщетно) без признания существования мира, упорядоченного объективными законами. Если же этот тезис признавать, то удивляться нечему — эффективность математики в том, что набор аксиом, лежащих в ее основе, адекватно отражает онтологию универсума.

Демаркация науки

Границу науки с другими формами культуры задает, по нашему мнению, научный метод. Так, в философии не выполняются условия (1) и (3): первичные философские принципы, как правило, не являются столь очевидными, как геометрические аксиомы. В то же время выводы из них не поддаются прямой опытной проверке («мир бесконечен» — вроде бы так и есть, во всяком случае, границу мира сложно себе представить, но как это проверить?!)²⁴.

Зачастую в качестве научных методов гуманитарного знания называются «эмпатия», «вчувствование», герменевтика и т. п. Согласимся — вышеназванные и им подобные методы — это действительно методы получения гуманитарного знания: культурологии, философии, мистических откровений, наконец.

²⁴ Это же верно и по отношению к религии: «противопоставление» науки и религии — откровенно идеологично. Опытная научная проверка возможна только по отношению к явлениям материального пространственно-временного уровня бытия. Существование более высокого уровня бытия (Бога) никаким опытом поставлено под сомнение быть не может. «Научный атеизм» — идеологический конструкт: и теизм (вера в Бога), и атеизм (вера в то, что, кроме материи, больше в Универсуме нет ничего) — в равной степени есть акты веры: как человеческие существа мы обречены на то, чтобы первичные философские установки нашего мировоззрения принимать на веру.

Наукой гуманитарное знание не исчерпывается.

Автор ничего не имеет против любого, сколь угодно субъективного метода в гуманитарном исследовании. При соблюдении одного обязательного условия — такие исследования не надо называть наукой.

Наука и принцип материального единства мира

Наука — это метод. Но не только метод. Если бы это было так, то наука появлялась бы автоматически на определенном этапе развития общества и культуры мышления. История, однако, свидетельствует об обратном. Это является основанием для выдвижения прямо противоположного утверждения: европейская цивилизация, имеющая основанием своей всемирной экспансии созданную промышленностью военную мощь (а основой промышленных технологий является, в свою очередь, наука), есть некая случайная мутация, ибо другие цивилизации (в смысле Тойнби) института науки не породили.

Такого рода рассуждения совсем не безобидны — от них всего один шаг до утверждений типа «наука в силу ряда причин вынесена в нашей цивилизации на первое место, но в будущем ее сменят другие формы познания...», «все типы мировоззрения (и/или логик) равноправны...» и т. д. — вплоть до постмодернистского объявления науки «зловредным монстром».

Млекопитающие появились в конце мезозойской эры, во времена господства пресмыкающихся, тоже как мутация. И то, что эта мутация произошла в каком-то конкретном месте и в какое-то конкретное время, вероятно, случайность: время и место могли быть другими. Но является ли случайностью то, что млекопитающие вытеснили пресмыкающихся из большинства экологических ниш?

Пусть то, что наука как институт генерации объективного знания появилась на территории Европы, — случайность (хотя, по нашему мнению, это совсем не случайность). Но то, что, раз появившись, наука и технология триумфально шествуют по миру — закономерность. И другие цивилизации (конфуцианская, индийская, синтоистская) активно перенимают эти институты, из чего следует и то, что институты науки не есть специфическое «извращение», свойственное якобы только европейцам. Если же какие-то цивилизации институты науки и технологии не ассимилируют — то выпадают из исторического процесса, оставаясь жить в шалашах (или вообще исчезают, как тасманийцы). Человека (*homo sapiens*) отличает от животных именно

наличие разума²⁵, т. е. способность создавать идеальные модели реальности — как же можно называть «случайной мутацией» институт, суть которого в создании правил, позволяющих создавать такие идеальные модели быстрее и качественнее?!

Науку породило действительно особое мировоззрение европейцев, но оно не просто особое (отличающееся от других), оно точнее описывает суть универсума (в критически важных для появления науки аспектах), что и привело к глобальному господству европейской цивилизации в последние несколько сотен лет.

Неоднократно утверждалось мнение, что этим отличием является лежащее в основе современной европейской культуры христианство: так, христианская онтология предполагает ряд принципов, действительно лежащих в основе науки как таковой: а) существования мира; б) существования в основе мира Проекта; в) единства этого проекта; г) адекватности Проекта мира нашему интеллекту (соответствия логики и онтологии).

Не ставя под сомнение и значимости христианства как основы европейской культуры, и важности вышеприведенных философских принципов как оснований науки, отметим, однако, что *теоретический научный метод* — достижение дохристианской культуры Древней Греции, а вышеформулированные принципы (а—в) — один из вариантов формулировки эпохального философского открытия парменида: «*Бытие едино*».

И в объективно-идеалистической трактовке Платона, и в материалистической трактовке Демокрита эта идея выражается как принцип *материального единства мира*, который и является культурным кодом, лежащим в основе науки²⁶.

Заключение

В основе нашего априорного доверия научным результатам лежат: 1) принцип материального единства мира, 2) соответствие классической логики и онтологии Универсума.

Наука — строгое и институализированное следование логике при принятии философского предположения, что мир един. Сторонники

²⁵ Это не единственное, и, возможно, даже не главное отличие (следуя Канту, автор не менее значимым считает «нравственный закон внутри меня»). Но одно из основных.

²⁶ Индийская философия — еще более монистическая, нежели европейская. Однако принцип единства бытия в большинстве философских школ Индии принимается вместе с принципом несуществования (иллюзорности) материального мира — и науку индийская культура не породила.

позитивизма, постмодернизма, и других аналогичных «измов» могут сколько угодно «сомневаться»²⁷ в существовании упорядоченности (законов, принципов) в окружающем мире, однако жизнь любого человека, а также история человечества в целом, есть непрерывное экспериментальное подтверждение тезиса: мир упорядочен, в его основе — идеальные модели (принципы, теории).

Вопрос, имманентны ли эти законы миру (материи) или даны Творцом, выходит за рамки настоящей работы — для возможности науки достаточно того, что они есть²⁸.

Литература

1. *Степин В.С.* Философия науки. М., 2006.
2. *Кантор Г.* К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Труды по теории множеств. М., 1985.
3. *Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е.* Система природа — общество — человек: устойчивое развитие. М.; Дубна, 2000.
4. *Поппе К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.
5. *Егоров И.А.* Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. 2000. № 3.
6. *Багров В.Г.* Открытие неклассической логики поведения квантовых объектов — одно из удивительных достижений современной физики // Соросовский образовательный журнал. 2000. № 7.
7. *Де Коста Н., Френч С.* Непротиворечивость, всеведение и истина (или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов) // Философские науки. 1991. № 8.
8. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
9. *Лакатос И.* Доказательства и опровержения. М., 1967.
10. *The Philosophy of Peirce. Selected Writings.* N. Y., 1940.

²⁷ На словах — в обыденной жизни они, конечно же, не следуют своим «убеждениям».

²⁸ Более того, вопреки известным выпадам Ленина против Беркли в «Материализме и эмпириокритицизме», философия Беркли не является антинаучной (и/или позитивистской): даже если наши ощущения упорядочены непосредственно Творцом (без опосредующей субстанции, т. е. материи), мы можем строить теории, описывающие законы этого упорядочения (с тем же успехом, как и при предположении, что материя сама себе последнее основание). Граница между реалистической традицией в науке и позитивизмом проходит не между Платоном и Беркли, а между Беркли и Юмом.

К.В. МОЛЧАНОВ

**«Законы диалектики» — не законы диалектики,
и некоторые актуальные положения
(тезисное изложение)**

Аннотация. В статье критически рассматриваются Энгельсовы законы диалектики. Они не являются законами диалектики. Также рассматриваются некоторые аспекты, которые определяются через критический анализ этой проблемы.

Ключевые слова: диалектика, марксизм, общество.

Abstract. This article critically examines the Engels's laws of dialectics. These laws are not the laws of dialectics. This article also discusses some aspects which are defined through the critical analysis of this problem.

Keywords: dialectics, Marxism, society.

В философии Гегеля и, в целом, в *диалектической философии* нет и не может быть «закона отрицания отрицания», «закона перехода количества в качество» и «закона единства и борьбы противоположностей» — это все придумки основателей и последователей *диалектического материализма*.

Главное, никто никогда не приводил ссылки на цитаты Гегеля, тем более содержащих слово «закон», а только додумывали за него или говорили, что великий философ эти законы так-то подразумевал и т. п.

1. «Законы диалектики» — это законы, придуманные Ф. Энгельсом. Именно придуманные, ибо он их не вывел из явлений природы и не доказал, а просто обозначил, дал названия, причем о двух из них он даже ничего и не написал. В своем труде «Диалектика природы» Энгельс писал следующее: «...История природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По сути дела они сводятся к следующим трем законам:

- закону перехода количества в качество и обратно,
- закону взаимного проникновения противоположностей,
- закону отрицания отрицания» [1, т. 20, 384].

Итак, вроде бы указано, откуда берутся эти «законы» — история природы и человеческого общества, — только вот это так и остается словами. С таким же успехом можно было бы сослаться и на марсиан: мол, это они даровали землянам эти «законы». Доказательств и даже простого обоснования этих «законов» у Энгельса нет, и он часто бездоказательно ссылается на Гегеля, об этом еще будет сказано далее.

Что же пишет Энгельс, как он обосновывает свои «законы», точнее — что же он пишет всего лишь про один из них?

«Все эти три закона были развиты Гегелем на его идеалистический манер лишь как законы мышления: первый — в первой части “Логики” (труд “Наука логики”. — *К.М.*) — в учении о бытии; второй занимает всю вторую и наиболее значительную часть его “Логики” — учение о сущности; наконец, третий фигурирует в качестве основного закона при построении всей системы. Ошибка заключается в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления. Если мы перевернем это отношение, то все принимает очень простой вид, и диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными, как день.

Впрочем, тот, кто хоть немного знаком с Гегелем, знает, что Гегель в сотнях мест умеет давать из области природы и истории в высшей степени меткие примеры в подтверждение диалектических законов» [1, т. 20, 384].

Вот как!

Однако, во-первых, как это так: «все эти три закона были развиты Гегелем»? Но ведь ссылок на Гегеля ни Энгельс, ни приверженцы диалектического материализма так и не дали. И не могли дать, поскольку у Гегеля нет ни этих «законов», ни неких подобных «развитий». *Никто еще не дал ссылок на труды Гегеля, где бы он указывал эти «законы» и тем более хотя бы использовал слово «закон» в сочетании со словами, упомянутыми в Энгельсовых «законах».* (Кстати, приписывание Гегелю того, что он не писал, особенно всяких глупостей, а потом развенчивание философии великого мыслителя, — это было нормой для диалектического материализма.)

Во-вторых, указанных Энгельсом закономерных «процессов» в соответствующих разделах труда «Наука логики» Гегеля попросту нет; есть только пример про воду, и о нем будет сказано далее.

Но удивительнее всего то, что если, по Энгельсу, перевернуть «это отношение» (мир должен сообразоваться с логической системой), то *не указанные Гегелем законы...* «немедленно становятся простыми и ясными, как день»... Главным в «законе перехода количества в качество», единственном рассмотренном Энгельсом (остальные «законы диалектики» так и остались увековеченными лишь в словах их названий), оказывается то, что тот, кто его сформулировал, и те, которые

его поддерживают, не прочитали вдумчиво то, что написал Гегель на эту тему.

Вряд ли, конечно же, Гегель предполагал, что кто-то может *создать* такого рода «закон», однако он конкретно указал *хитрость* изменения *количественного*, что исключает подобное «законотворчество», тем более, под эгидой философии Гегеля или вообще диалектики. Но такой «закон» *случился*.

«Закон перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» [1, т. 20, 385]. Тут Энгельс прикрывается тем, что «различные аллотропические и агрегатные состояния тел, зависящие от различной группировки молекул, основываются на большем или меньшем количестве движения, сообщенного телу». Но эти самые «аллотропические и агрегатные состояния» надо было либо хотя бы сопоставить с категориями «количество» и «качество», либо вообще не упоминать, как не определенные в самом этом «законе». Однако главное в другом.

Во-первых, вопрос в том, что *первый же закон Энгельса уже не распространяется им на общество и мышление*. А это было очень опасно для марксизма, ибо закономерность развития общественных изменений, происходящих при капитализме, обосновываемая Марксом на основе именно количественных изменений, ставится под сомнение. Хорош же «закон» марксизма (диалектического материализма), который подрывает смыслы «своего» учения! Да и на практике выводы не подтверждались: например, неуклонного роста благосостояния каждого гражданина СССР при пустых полках магазинов быть не могло. Да и СССР теперь нет... (Еще более яркий казус случается при бездумном «узаконивании» отрицания отрицания, см. ниже.)

Во-вторых, все сводится к тому, что «...качественное изменение, оно обуславливается соответствующим количественным изменением» [1, т. 20, 385]. Что же получается?

С одной стороны, Энгельс не обосновывает свое утверждение, а пытается его навязать на примере с нагреванием и испарением воды. Однако *вода и без нагревания на огне сама испаряется при нормальной комнатной температуре* — без всякого Энгельсова «закона».

С другой стороны, понимая это, *материалист* Энгельс для правдоподобности своих материалистичных законов ссылается на... *идеалиста* Гегеля — ссылается на цитату Гегеля, правда, выдернутую из контекста (ибо далее, после этой цитаты, великий мыслитель приводит в

пример дилемму, а потом объясняет суть происходящего, что подрывает выводы Энгельса).

В итоге у Энгельса получается что-то подобное тому, как если бы И. Ньютон свой закон всемирного тяготения сформулировал лишь в виде утверждения: «некоторые тела движутся». Не более того. Так, например, если лед тает при нулевой температуре по Цельсию, то и сталь должна изменять свое агрегатное состояние при той же температуре? Если нет, то как это следует или не следует из формулировки Энгельсова «закона»? Благодаря какому такому не указанному «точно определенному способу», *что и должно было бы составлять суть этого «закона»?* Плотность вещества, партийность ученого или еще что-то играет роль? А иначе неожиданный «переход количества в качество», причем еще и «обратно», законом не является, как и «некоторые тела движутся».

Таким образом, вся абсурдность этого Энгельсова «закона» и его объяснений в том, что *Энгельс взял за основу не умозаключения Гегеля, а отдельный пример, который характерен при изменении количества теплоты конкретного вещества, но не является законом, по меньшей мере, в части качества и самого понятия «закон»*, тем более в смысле закона по Гегелю: пример — это не закон!

В-третьих, интересен вопрос, указанный самим Энгельсом: «когда мы превращаем теплоту в механическое движение или наоборот, то здесь изменяется качество, а количество остается тем же самым?». Энгельс не дал ответ на этот свой вопрос, чем также поставил под сомнение свой «закон».

В-четвертых, следует обратить внимание на то, что Энгельс постоянно приписывает свой закон Гегелю: «открытый Гегелем закон» [1, т. 20, 387], «закон Гегеля» [1, т. 20, 389] и т. д. Понятно, авторитет Гегеля непоколебим, и если он что-то сказал, то, значит, это так и есть (как известно, если факты противоречат диалектической философии, то тем хуже для фактов). Тогда, значит, и материализм Маркса и Энгельса должен был бы всецело следовать «идеалистической» гегелевской философии...

В-пятых, Энгельс невзначай говорит о том, что этот «закон подтверждается на каждом шагу в биологии и в истории человеческого общества», — и это закон, сформулированный, по словам самого же Энгельса, для материальных тел (или еще так: по словам Энгельса, законам Гегеля, а не исторического материализма, оказывается, следует общество)!..

В любом случае первый «закон» Энгельса не доказан, а его рассмотрение приводит к мысли о правильности рассуждений Гегеля, критиковавшихся, а порой и игнорировавшихся в диалектическом материализме.

А вот о двух других своих «законах» Энгельс вообще ничего не написал. Может, вообще сказать было нечего? Похоже, что так, ибо, как уже говорилось, пример — это не закон, а Энгельс не смог обобщить примеры, вывести закономерности, тем более в сочетании с необходимыми для закона условиями. Поэтому другие свои «законы» он даже не и обсуждал...

В результате у Энгельса имеются, по сути, только названия этих двух законов.

2. Итак, «законов диалектики» нет, причем даже у Энгельса. Интересно и то, что можно указать ряд специфических, общих для них всех положений.

Обсуждая Энгельсовы «законы диалектики», следует зафиксировать, в первую очередь, то, что нет их предметного объема и содержательных формулировок, а есть только поясняющие примеры первого из них. Но кроме названия и примеров «законов диалектики», к которым можно отнести и иные определения и контрпримеры, так как нет никаких ограничений, у Энгельса ничего нет. Нет даже завершенных формулировок, которые обозначали бы сферу и объекты закона.

«Законы» Энгельса — это не законы в смысле сущности содержания.

У Гегеля «законов диалектики» нет и быть не может. Как уже говорилось, Гегель никогда не писал об обсуждаемых трех «законах», ему это необоснованно приписывают! Ни Энгельс, ни диаматовцы так и не смогли за многие-многое годы привести цитаты из трудов Гегеля, где бы великий философ определял бы эти «законы», тем более, как законы. Их придумал Энгельс.

«Законы» Энгельса — это не законы в смысле Гегеля, или в смысле диалектики Гегеля — таких «законов» вообще нет и быть не может.

Обсуждая «законы диалектики», следует понять, что же является предметом соответствующей им темы. Если обсуждаются законы именно *диалектики*, то тогда следует говорить о ней. А для этого надо ответить на вопрос: *что такое диалектика?* Если диалектика — это учение, то «законы такой диалектики» — это не законы природы и общества. Кроме того, надо ответить на вопрос: *какое это учение?* Если это диалектический материализм, то речь максимум может идти о *законах диалектического материализма*, но не природы и не диалектики. Если это диалектическая философия, то в ней нет «законов диалектики». Если диалектика это не учение, то опять же следует ответить на вопрос: *что она такое?* И вот тут возникают большие проблемы. Особенно остро встает вопрос в связи с известным высказыванием В.И. Ленина: «диалектика не в рассудке человека, а в «идее», т. е. в объективной действительности» [2, 181]. Иначе говоря, если «законы

диалектики» относятся к объективной по своей природе диалектике, то она ни учением, ни наукой, ни методом быть не может, и тогда надо понять ее саму, чего в науках в объективном смысле так и не было сделано, поэтому о ее законах говорить нельзя.

«Законы» Энгельса — это не законы в смысле диалектики.

Для разговора о законах и, в частности, о «законах диалектики» следует иметь представление еще и о самом законе. Тут вопрос, в первую очередь, в том, что надо знать, *что* Гегель называл законом.

Гегель определил закон еще в своем труде «Феноменология духа», так что уж кто-кто, а Гегель (если «законы диалектики» были бы законами и вообще хоть как-то были бы) так бы и написал о них — как о законах. Но нет ссылок на труды Гегеля, где он называет законом то, про что писал Энгельс.

Кроме того, понятие закона — это сугубо трансцендентная тема, и она для наук мистична. В частности, в науках имеется полное непонимание того, а где же законы существуют? Не как они проявляются, а где они сами «существуют». Например, то, что два тела притягиваются — это проявление закона тяготения, который *действует*, который *есть*. Но вот где и как он есть сам? Ответа в науках нет. (Ответ на этот вопрос есть только в диалектической философии. Но науки вряд ли признают соответствующее диалектическое положение, ибо тогда им придется признать *сверхчувственность* и отказаться от своей основы — от материализма...)

И, наконец, если бы Энгельс и диаматовцы, проповедовавшие коммунизм, удосужились бы изучить труды Гегеля, а не верить на слово Энгельсу, то ужаснулись бы тому, что у них — защитников пролетариата и коммунизма — получается, когда они говорят, что энгельсовы законы — это законы, и тому, что из них реально следует в итоге (например, см. ниже про отрицание отрицания)!

«Законы» Энгельса — это не законы в смысле понятия закона по Гегелю.

Интересно и то, что даже с позиций марксизма Энгельсовы «законы» не могут быть «законами диалектики», которые, как утверждал Энгельс, «были развиты Гегелем». Многие даже и не знают о том, что К. Маркс сам в английской предисловии к своему труду «Капитал» признался в том, что *перевернул* диалектику Гегеля; тогда «законы диалектики» *просто ложные «перевертыши», но никак не гегелевские законы.*

Так что ни гегелевскими, ни диалектическими Энгельсовы «законы» быть не могут.

Более того, надо сказать и про то, что даже эрудированные марксисты, такие как Плеханов (что уж тут говорить про остальных), по сло-

вам В.И. Ленина, не поняли Маркса; Ленин так и написал: «никто из марксистов не понял Маркса» [2, 162].

«Законы» Энгельса — это не законы диалектики в смысле марксизма, ибо Маркс перевернул, по его собственным словам, диалектику Гегеля.

Интересно и то, что Энгельсовы «законы» *сейчас* не могут быть законами, так как диалектического материализма уже давно нет. Уже не существует ни диалектического материализма, ни исторического материализма как научных или учебных дисциплин, на основе которых еще можно было бы декларировать эти «законы». Эти идеологизированные советские учения *прекратились* с момента запрета КПСС Б. Ельциным, когда они лишились цементирующего их *принципа партийности*. Они развалились, прекратили свое существование, тем самым, поставив жирный крест на своих придумках, в том числе «законах диалектики».

«Законы» Энгельса — это не законы и в смысле диалектического материализма, которого уж нет.

А науки капиталистических обществ Энгельсовы «законы» никогда не признавали...

И напрашивается сам по себе такой вывод: «законов диалектики» нет и быть не может, хотя бы по той причине, что их не к чему отнести...

Итак, «законы» Энгельса — это и не законы, и не законы диалектики, в том числе ни в смысле существенности содержания, ни в смысле Гегеля, ни в смысле диалектики, ни в смысле понятия закона, ни в смысле Маркса, по его словам перевернувшего диалектику, ни в смысле уже несуществующего диалектического материализма; поэтому таких «законов» нет и вообще быть не может, причем, еще и потому, что их даже не к чему отнести: философия Гегеля и диалектическая философия в целом их не признают, диалектического материализма уж нет, а науки капиталистических обществ Энгельсовы «законы» вообще никогда не признавали...

3. Конечно же, вообще можно было бы повозиться с опровержением ложных по своей сути Энгельсовых «законов диалектики», но нет смысла, так как тех, кто *верит* в них (ведь нет их доказательств), все равно не переубедить.

Однако критика «законов диалектики» и исследование их внедрения в общественное сознание имеют и актуальные диалектические смыслы, обозначающие как важные теоретические положения, так и выводы для практики. Обсуждение положений «законов диалектики» и связанных с этим вопросов также обнаруживает и некоторые актуальные аспекты познания, и темы современных исследований, которые

интересны, в первую очередь, *современной диалектической философии* [3].

Во-первых, обсуждения и критика Энгельсовых «законов диалектики» важны для понимания... *марксизма*.

Тут дело в том, что, как написал В.И. Ленин, *никто из марксистов не понял Маркса*. Поэтому изучать такое грандиозное научное наследие, как марксизм, по работам советских ученых не целесообразно, ибо «научность» их исследований наглядно обозначена крахом доктрины коммунизма и распадом СССР. А вот на основе критики соответствующих работ, которая может начинаться с критики «законов диалектики», становятся понятными многие слова как К. Маркса, так и В.И. Ленина, который создал СССР в противовес учебникам тех, кто не сумел понять и описать развитие первой в мире социалистической страны. И за словами Ленина открываются смыслы учения Маркса, а это уже *дорогого* стоит, тем более что труды Маркса и Ленина теперь практически не изучаются (вне современной диалектической философии).

При этом фиксируются вопросы, которые были актуальны для того, что было названо «диалектическим материализмом», но, конечно же, не в советско-научной плоскости, а по существу. Все эти вопросы требуют изучения в целях понимания как верных (проверенных практикой) процессов, так и заблуждений, причем не только советской науки, но и материализма в целом. И то и другое важно для понимания многих вопросов, в том числе развития общества, что переосмыслиется и используется в современной диалектике.

В результате приходит понимание того, что важно новое изучение марксизма (но не создание некоего *неомарксизма* и т. п.). Причем вопрос даже не в том, что его положения искажались в СССР, а в том, что возникли существенные предметные вопросы к нему, которых не было ранее, но которые принципиально важны сейчас. Сами по себе такого рода интенции были осмыслены в современной диалектике и поставлены ей на службу.

А изучение марксизма (конечно же, не так, как это происходило в СССР) важно не только для развития теоретических вопросов, но и для практики, в первую очередь, для понимания развития общества, в том числе в смысле пресловутой Марксовой *третьей общественной формации* [4].

Тут можно начинать, кстати, и с оценки эффекта «закона отрицания отрицания» в смысле наступления капитализма на территории бывшего СССР после того, как В.И. Ленин... *создал все основы для развития социализма* в этой стране. Эта тема очень большая, но, главное, в современной науке, в частности в экономической науке, она, похоже, уже не может быть осмыслена...

Так что можно смело терять время на разговоры с защитниками «законов диалектики». И если даже не удастся поучиться на их ошибках, то по-новому взглянуть на работы Маркса и Ленина получится. А это является ценным.

Во-вторых, обсуждения и критика Энгельсовых «законов диалектики» важны для изучения философии Гегеля. В первую очередь, акцентируется ряд моментов философии Гегеля, причем не только очевидные — те, которые перевираются при подгонке примеров «законов диалектики», но и неявные, которые не были видны сразу. При этом обнаруживается и то, что в науках существует факт непонимания текстов Гегеля, причем не только непосредственно, но и в смысле еще и того, что ему приписывают то, что он не писал. А изучение вопиющих ошибок при исследовании философии Гегеля в науках приводит к более глубокому ее познанию и, значит, к знаниям.

Кроме того, изучение специфических ошибок диалектического материализма приводит к более глубокому познанию практики философии Гегеля, обычно упускаемой из виду. (Например, англичанин Дж.Х. Стирлинг так написал: «Разве не Гегелю и, в особенности, его философии этики и политики обязана Пруссия своим могуществом и организацией, которую она быстро развивает в настоящее время?.. в то время как в конституционной Англии обладатели преимущественных прав и правительственных облигаций разоряются господствующей коммерческой безнравственностью, то простые собственники акций прусских железных дорог могут рассчитывать на гарантированный средний доход 8,33%. Вот уж, воистину, аргумент в пользу Гегеля!» (цит. по: [5, 43—44]).

В-третьих, обсуждения и критика Энгельсовых «законов диалектики» важны для современного познания.

Тут следует сказать и о том, что обнаруживаются весомые методологические аспекты, и о том, что все больше обозначаются беспомощность *современной логики* и катастрофическое положение дел в ней (о чем мы часто говорим, например, в последний раз — в нашем выступлении на VI международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие» в МГУ имени М.В. Ломоносова в апреле 2013 г.).

При этом существенными оказываются даже «малые» вопросы, связанные с критикой Энгельсовых «законов диалектики». Например, многие используемые в «законах» термины однозначно не определены в науках (например, «противоположности»), и это не позволяет говорить о «законах» Энгельса как о законах и даже вообще как о чем-то определенном. А определение терминов является важнейшим вопросом при осуществлении познания; вот и выкристаллизовывается соот-

ветствующая задача в конкретном контексте, осмысленная, по крайней мере, в современной диалектике.

Существенны и другие вопросы и положения.

4. Отдельно скажем о том, что существенны многие критические для марксизма и диалектического материализма моменты и парадоксы, следующие из принятия «законов диалектики», например, феномен восстановления частной собственности на территории бывшего СССР, рассматриваемого через призму отрицания отрицания, указанного К. Марксом в «Капитале».

К. Маркс в конце «Капитала» так написал: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а, следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [1, т. 23, 773].

Во-первых, как тут быть с тем, что в СССР, как оказалось, были «производственные отношения, служившие источником отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда...» [6]? — прямо как при капитализме!

Во-вторых, должно ли было что-то советское «послекапиталистическое» (пусть, по Марксу, индивидуальная собственность) в результате отрицания отрицания восстановить частную собственность? Иными словами, получается, в частности, что движения от социализма к коммунизму, о котором громогласно заявляла КПСС, не могло что ли быть, а должен был быть возврат к капитализму? Подтверждает ли история наступление капитализма на территории бывшего СССР? И что тогда советская общественно-научная мысль провозглашала как цель развития общества?

Что-то слишком уж много возникает вопросов при использовании Энгельсова «закона отрицания отрицания» применительно к осмыслению развития конкретной страны...

При этом отметим, что исследование вопросов наступления капитализма на территории бывшего СССР важно не только в смысле понимания *развития обществ*. Это исследование важно и в смысле понимания аспектов *изменения развития обществ* — темы, которой нет в современных науках, и которая развивается только в современной диалектике. Она, кстати, связана с *новой экономической максимой*, которая будет существенна для мировой экономики после выхода из

кризиса, начавшегося в 2008 г., максимы, установленной в *современной политической экономике* [7].

Кроме того, все обозначенные выше вопросы и многие другие существенны для осмысления *новых форм обществ*, сами которые составляют отдельный и актуальный предмет исследований. Ученые, политики, бизнесмены и финансисты пока говорят только о «новых правилах игры» в экономике, будто не понимают, что они не могут рассматриваться отдельно от устройства общества, в котором будут действовать, а оно не будет таким, как сейчас. Хотя, с другой стороны, похоже, что об это никто и не задумывается, и, в частности, никто даже не обратил внимания на слова проф. Голдстоуна на «Гайдаровских чтениях — 2013» о *новом мировом порядке...*

5. Еще весьма важным является вот что.

Еще никто и никогда до нас и не думал о том, что следует проанализировать всю ту круговерть, которая связана с «законами диалектики». А это стоило сделать не только в смысле познания вообще, но и хотя бы по следующей причине. Тысячи людей хотели в процессе обсуждений «законов диалектики» достигнуть той или иной истины или хотя бы понять что-то глубже и, главное, для этого делали многие-многие попытки. Но диаматовская зашоренность не позволяла делать существенные выводы. А вот *история и опыт попыток остались.*

Иными словами, на обсуждения «законов диалектики» и связанные с ними вопросы в обществе была «убита» уйма времени, и ушло много сил. И вот если эти самые обсуждения, изложенные в многочисленной литературе, проанализировать с точки зрения их ошибок, а не восхваления коммунизма и заслуг советских ученых, то обнаруживаются некоторые положения достаточно значимого пласта знаний и вообще, можно даже сказать, *опыта многих тысяч людей.* Да, конечно же, его нельзя анализировать с научных позиций, базирующихся на *обыкновенной логике*, содержание которой еще Гегель удостоил презрения [8] (и критикуется нами, о чем уже было сказано выше), ибо исходя из них ничего особенного не получишь (поэтому и не было в науках иного результата, кроме как все новых и новых попыток обоснования этих «законов»). Но накопленный опыт следует анализировать, и это можно делать с позиций современной диалектической философии.

В современной диалектической философии было, в частности, понято, что на основе положений гегелевской философии можно (кстати, даже на основе *аналитического познания*) а) выявить ошибки обоснования «законов диалектики» и б) проклассифицировать их как опыт многих тысяч людей и, соответственно, как положения достаточно значимого пласта знаний.

Накопленный опыт предшествующих поколений по теме «законы диалектики» глобален, правда, он понимается в современной диалектике уже не как касающийся осмысления этих злополучных «законов», а как являющийся причиной осмысления накопленных знаний материализма и кардинальных ошибок прошлого познания (в том числе связанных с неправильными трактовками ряда значимых моментов «Капитала» Маркса, ставшими особенно очевидными после распада СССР).

В современной диалектической философии также понимается, что на основе знаний можно решать актуальные проблемы.

И все это делается в том числе и для того, чтобы с учетом диалектических знаний и накопленного общественного опыта понять особенность современного развития цивилизации, в частности:

- исследовать аспекты *изменения развития обществ*,
- определить специфику грядущей экономики (как уже отмечалось, в современной политической экономии установлена *максима грядущей экономики*), в том числе для создания и апробации новозкономических разработок (в частности, *новых экономических технологий*), нацеленных на грядущие смыслы,
- выявить формы прогрессивного альтернативного общественного устройства (например, новодиалектический концепт *индустриально-социального общества*)
- и др.

Итак, на основе диалектической философии возможны не только опровержение Энгельсовых «законов диалектики», но и изучение процесса их создания и внедрения в общественное сознание, что важно как в смысле познания, так и для самой жизни, например, в смысле осмысления кризиса капитализма и поиска путей выхода из него.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.
3. *Молчанов К.В.* Современная диалектическая философия и российская диалектика // *Философские исследования.* 2008. № 1.
4. *Молчанов К.В.* О понятии экономического строя // *Философия хозяйства.* 2011. № 6.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
6. *Материалы XXVIII Съезда КПСС.* М., 1990.
7. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. 5.

IV

АКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т.В. НАУМЕНКО, А.И. ГРИНЮК

Проблема культуры в аспекте межкультурной коммуникации

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды различных исследователей относительно роли культуры в процессе межкультурной коммуникации. Что первично: культура или коммуникация? Культура ли является главенствующим фактором в успешности межкультурной коммуникации или же сама коммуникация определяет развитие культуры? Что такое «суперкультура» и что можно приобрести в «культурном супермаркете»? Каковы причины зарождения «суперкультуры» и какими могут быть последствия? Анализ этих и других проблем культуры и межкультурной коммуникации положены авторами в основу представленной работы, приводятся самые современные взгляды зарубежных ученых на проблему межкультурной коммуникации, роль глобализации в ходе становления и развития этой дисциплины, пересматриваются некоторые из существующих критериев классификации национальных культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, классификация культур, суперкультура, культурный супермаркет, роль культуры в межкультурной коммуникации.

Abstract. The present article describes the views of various investigators on the role of culture in the process of intercultural communication. What comes first — culture or communication? Is it culture that determines success or failure of intercultural communication or is it communication that shapes the development of culture? What is “superculture” and what can we purchase in a “cultural supermarket”? What are the reasons for the birth of “superculture” and what effects can it have? The analysis of the above mentioned issues of culture and intercultural communication constitute the basis for the present work. The article focuses on the most recent views of foreign researchers on the issue of intercultural communication and the role of globalization in the development of this subject. It also takes an effort to reconsider some of the present criteria of national cultures’ classification.

Keywords: intercultural communication, classification of cultures, superculture, cultural supermarket, role of culture in intercultural communication.

Межкультурная коммуникация как форма взаимодействия между людьми зародилась много веков назад с появлением торговых отношений между различными нациями. Однако никогда за всю свою историю межкультурная коммуникация не играла такой важной роли в развитии мирового сообщества, какую играет она в наше время. Особый статус межкультурная коммуникация получила благодаря нескольким факторам. Инновационные технологии в сфере транспорта и связи практически стерли границы и расстояния. Путешествия, на которые раньше уходили недели и месяцы, сейчас осуществляются всего за несколько часов. Однако путешествовать сегодня можно и не выходя из дома. Интерактивные спутниковые карты и виртуальные туры по самым знаменитым достопримечательностям мира сделали возможным то, что всего несколько лет назад казалось лишь дерзкой фантазией.

Для общения в настоящее время тоже нет никаких границ. Интернет предлагает целый ряд современных способов коммуникации: электронная почта, социальные сети, чаты, форумы, видеоконференции и многое другое. Все подобные услуги в сети Интернет зачастую бесплатны или же требуют минимальных денежных затрат со стороны пользователей. Мощное развитие телекоммуникационных технологий в Интернете позволило миллионам людей на всем земном шаре общаться, не задумываясь о том, как далеко находится их собеседник: в соседней комнате или же на другом континенте.

В условиях глобализации, которая стала таким же неотъемлемым аспектом нашей жизни, как семья, работа, досуг, встречи с друзьями, возрос интерес к представителям различных национальностей и культур, вследствие чего развилась новая дисциплина, с каждым днем завоевывающая все больше и больше внимания — *межкультурная коммуникация*.

Межкультурная коммуникация представляет собой не просто *науку о человеческом общении*, как может показаться на первый взгляд. Межкультурная коммуникация, как определяют ее Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, — это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, 26]. В приведенном определении ключевым словом, пожалуй, можно назвать *взаимопонимание*, так как в нем заложен очень важный смысл: межкультурная коммуникация построена на взаимодействии ее участников, т. е. все участники коммуникативного процесса равны. Важным является и тот факт, что в данном определении четко обозначается, что именно национальная культура рассматривается как аспект, влияющий на успешность межкультурной коммуникации.

Другой важный аспект в понимании феномена межкультурной коммуникации заключается в том, что признать коммуникацию как межкультурную можно лишь в том случае, если «ее участники представляют разные культуры и осознают все культурные явления, не принадлежащие к их культуре, как чужие» [2, 103]. Как утверждает А.П. Садохин, «отношения являются межкультурными, если участники процесса коммуникации не только прибегают к собственным традициям, обычаям, представлениям и способам поведения, но и одновременно знакомятся с чужими правилами и нормами повседневного общения. При этом в данном процессе выявляются и характерные, и незнакомые свойства других культур, тождество и инакомыслие, привычное и новое в отношениях, представлениях и чувствах, возникающих у партнеров по коммуникации» [2, 103].

Межкультурная коммуникация как научная дисциплина складывалась в условиях интеграции интеллектуальных усилий представителей самых различных областей научного знания: лингвистики, антропологии, психологии, социологии, этнологии, фольклористики и т. д. В результате в изучении межкультурного общения оформились три различных подхода: функциональный, объяснительный и критический.

Функциональный подход основывается на убеждении, что любую национальную культуру можно измерить и описать, разработав и применив соответствующий методологический инструментарий. Отличительной чертой данного подхода в изучении межкультурной коммуникации является его исключительная «приземленность», подчеркнутая практическая значимость. Недаром его сторонники утверждают, что успех или провал любой ситуации общения можно просчитать заранее, оценив культурный «багаж» ее участников.

Последователи *объяснительного подхода* не пытаются предсказать поведение человека. В сферу их интересов входит лишь понимание мотивов, двигающих участниками коммуникативного акта. Они исходят из убеждения, что коммуникативное поведение той или иной группы людей напрямую зависит от ценностей, присущих их культуре.

Критический подход в межкультурной коммуникации строится на утверждении, что процесс любой коммуникации — это реализация борьбы доминирующей и подавляемой сил. Анализ этого процесса позволяет не только понять механизмы и движущие мотивы человеческого поведения, но также применять полученные результаты, чтобы качественно изменить жизнь людей [3, 53—54].

Несмотря на некоторые принципиальные различия между вышеизложенными подходами, все исследователи межкультурной коммуникации сходятся во мнении, что культурная принадлежность ее участ-

ников играет определяющую роль в процессе общения. В человеческой жизни культура является собой некий закон существования, она определяет то, какой мы будем видеть окружающую нас среду. Значение культуры хорошо определили Л. Самовар и Р. Портер, сказав, что культура делает нашу жизнь проще, благодаря культуре мир вокруг нас становится более предсказуемым, менее загадочным, а следовательно, и менее пугающим [4, 6—7].

Тем не менее существуют и такие исследователи вопроса взаимодействия культуры и коммуникации, которые видят отношения подчиненной зависимости между двумя феноменами. Х. Кноблаух выступает против понимания культуры как явления ограниченного и самодостаточного. Он утверждает, что подобное понимание культуры заложено в самом определении межкультурной коммуникации, которая воспринимается как взаимодействие между ограниченными культурами [5, 26]. Следует отметить, что определение «ограниченный» используется автором без каких-либо негативных коннотаций и означает лишь наличие формальных границ и рамок, отделяющих одну национальную культуру от другой. Таким образом, если отказаться от понимания конечности и ограниченности культур и сконцентрировать внимание на коммуникативных контекстах, которые также являются неотъемлемой частью коммуникации, но о которых многие исследователи забывают в своих работах, то получается, что культура сама является продуктом коммуникативных действий [5, 26].

В результате анализа роли культуры в межкультурной коммуникации сложилось несколько теорий, определивших развитие данной дисциплины. Наиболее известными из них являются теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, теория культурных измерений Г. Хофштеде и теория культурной грамотности Э. Хирша.

Э. Холл обратил внимание на то, что любое событие и все ситуации поведения людей сопровождаются использованием определенной невысказанной информации, известной представителям данной культуры. Эту информацию исследователь назвал *контекстом* и разделил все национальные культуры на культуры с высоким и низким уровнем контекста. Чем больше контекстуальной информации требуется для понимания той или иной ситуации или того или иного социального поведения, тем выше уровень контекста, и следовательно, сложнее культура. А это означает, что людям «извне», представителям других культур будет труднее или вообще невозможно понять данную ситуацию или объяснить данное поведение.

К странам с высоким уровнем контекста Холл относит Испанию, Италию, Францию, Японию, Россию и страны Ближнего Востока. Следует отметить, что высокий культурный контекст предполагает высо-

кий уровень связанности всех членов общества. В общении им не требуется разъяснения большого количества подробностей, так как они, как правило, в курсе происходящих вокруг событий. Такие общества, по мнению Холла, устойчивы к влиянию времени и редко склонны к изменениям.

Культуры с низким уровнем контекста отличаются строгой разграниченностью межличностных контактов. Их представители обычно не склонны смешивать деловое и неформальное общение. К низкоконтекстуальным культурам относятся Германия, США, Швейцария и Скандинавские страны.

Различия стран с высоким и низким уровнем культурного контекста имеются и в том, как в этих странах относятся ко времени. Э. Холл говорит о *монохронном* и *полихронном* восприятии времени. Высококонтекстуальные культуры характеризуются полихронным отношением ко времени, это проявляется в способности представителей этих культур выполнять несколько действий одновременно. Представители культур с низким контекстом предпочитают в один отрезок времени концентрироваться на выполнении только одной задачи, следовательно, время в этих культурах имеет линейный характер [6, 13—14].

Голландский социолог Г. Хофштеде пришел к выводу, что все культуры можно классифицировать по четырем параметрам: 1) дистанции власти (высокая/низкая); 2) индивидуализма — коллективизма; 3) маскулинности — феминности; 4) избегания неопределенностей (сильная/слабая).

Культуры с высокой дистанцией власти отличаются строгой иерархичностью общества, в то время как культуры с низкой дистанцией власти стремятся к демократии во всех человеческих взаимодействиях. Выводы Хофштеде базируются на письменном опросе, проведенном в 40 странах — в их число не вошли бывшие социалистические государства, поэтому в работе социолога нет упоминаний России и других восточноевропейских стран. Примером страны с высокой дистанцией власти Хофштеде называет Турцию, с низкой — Германию.

Второй критерий в классификации голландского социолога позволяет охарактеризовать одни культуры как коллективистские, а другие — как индивидуалистские. В коллективистских культурах интересы группы играют более важную роль, чем интересы каждого отдельного ее участника, в то время как в индивидуалистских культурах наблюдается обратная картина.

По мнению Г. Хофштеде, большинство людей относятся к культурам, где коллективизм преобладает над индивидуализмом. К таким культурам прежде всего относятся страны Азии, Африки, Южной Ев-

ропы и Латинской Америки. Обосновывается это тем, что в этих странах семейные отношения играют крайне важную роль, здесь принято жить большими семьями, объединяя людей из разных поколений и с различной степенью родства под одной крышей.

Индивидуалистскими Хофштеде признает культуры Германии, США, Австралии, Великобритании, Канады, Нидерландов и Новой Зеландии. В указанных странах организация общества более гибкая и подвижная, отсутствует жесткая иерархия социальных структур, а индивид обладает большей свободой в выборе профессии, социальных контактов, собственной конфессиональной принадлежности и проч. Однако хотелось бы отметить, что в современных условиях повсеместного проникновения и в своем роде «насаждения» западных ценностей данный критерий и сделанные на его основе выводы можно пересмотреть. На сегодняшний день все больше и больше государств по всему миру встают на путь демократизации своего общественно-политического уклада.

Классификация культур Г. Хофштеде по еще одному признаку — признаку маскулинности или феминности — предполагает, что в одних культурах доминируют «мужские» ценности (тщеславие, стремление к успеху, признание достижений и забота о высоком достатке), в то время как в других культурах преобладают «женские» ценности (значимость межличностных отношений, стремление к пониманию, забота об окружающих). Соответственно маскулиными странами Хофштеде признает Австрию, Великобританию, Венесуэлу, Германию, Грецию, Ирландию, Италию, Мексику, Швейцарию, Филиппины и Японию. Феминными являются Дания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Чили, Швеция.

Избегание неопределенностей — четвертый параметр классификации культур. Степень стремления избегать неопределенностей, таящих в себе скрытую угрозу (так как неизвестное обычно вызывает страх), может быть сильной и слабой.

Сильное стремление избегать неопределенностей выражается в общей боязни нации столкнуться с чем-то неизведанным, отклонениями от нормы, любыми изменениями и двусмысленностью. Результатом такого поведения является наличие инструкций, четких правил, подробных задач, жестких графиков, которые придают течению жизни структурность и определенность. К странам, испытывающим высокую потребность избегать неопределенностей, Г. Хофштеде относит Бельгию, Германию, Гватемалу, Грецию, Перу, Португалию, Уругвай, Францию и Японию.

В культурах, где стремление избегать неопределенностей носит слабо выраженный характер, больше ценятся творческий подход в ре-

шении нестандартных ситуаций и готовность идти на риск. Представителей таких культур не пугают новизна и непредсказуемость человеческого поведения. Такие качества, по мнению Хофштеде, присущи культурам Дании, Индии, Ирландии, Нидерландов, Норвегии, Сингапура, США, Финляндии, Швеции [2, 88—97].

Еще одна теория, повлиявшая на развитие межкультурной коммуникации — теория культурной грамотности Э. Хирша. По мнению ее создателя, ключевую роль в успешности межкультурной коммуникации играет *межкультурная компетенция* (она складывается из языковой, культурной и коммуникативной компетенций). Степень межкультурной компетенции определяет степень интеграции индивида в ту или иную культуру. Таким образом, уровень межкультурной коммуникации может быть достаточным для: 1) выживания в чужой культуре; 2) вхождения в чужую культуру; 3) «присвоения» новой культуры (т. е. для полноценного существования в ней); 4) реализации идентичности языковой личности, присущей новой культуре.

Культурная грамотность индивида предполагает у него наличие определенного набора культурологических знаний, позволяющих ему адекватно воспринимать информацию и обмениваться ею в неродной для него культуре. От культурной грамотности человека напрямую зависят степень его межкультурной компетенции и, следовательно, степень успешности его в процессе межкультурной коммуникации [7, 2—3].

Развивая теорию культурной грамотности, можно сказать, что всем участникам процесса межкультурной коммуникации следует учитывать такие факторы, как:

- *отношение к природе*, принятое в культуре их партнера — в некоторых культурах считается, что человек властвует над природой, в других — что человек существует в гармонии с природой, в третьих — что природа ограничивает, сковывает человека;
- *отношение к времени* — существуют культуры, ориентированные на прошлое, настоящее и будущее, осознание и понимание этого факта позволяет избежать многих культурных конфликтов;
- *отношение к пространству* — в некоторых культурах преобладающая роль принадлежит общественному пространству (расстояние между коммуникантами достаточно мало, физические контакты часты и считаются нормой), в некоторых предпочтение отдается личному пространству (дистанция между собеседниками «на вытянутой руке», физические контакты допустимы только между близкими людьми);

- *отношение к общению* — этот критерий учитывает отнесенность участников межкультурной коммуникации к культурам высокого или низкого контекста [2, 104—109].

Т. Новингер говорит о взаимозависимости культуры и коммуникации. «В человеческом общении присутствуют сообщения двух типов. Первый тип сообщения содержит в себе информационный аспект и носит прерывистый характер. Второй тип носит непрерывный характер и способствует установлению связей в межличностном общении. Передача новой информации не так важна, как соблюдение этого связующего аспекта в коммуникации, поскольку именно он позволяет сохранить активность коммуникационной системы и регулирует процесс человеческого взаимодействия. Коммуникация в широчайшем понимании — это активный аспект культурной структуры» [8, 15].

Каким бы ни был наш взгляд на культуру и ее отношение к коммуникации в вопросе межкультурного общения, мы не можем отрицать, что культура обладает рядом структурообразующих элементов. Большинство исследователей-культурологов согласны в следующем:

- культура не является врожденной, она приобретается путем обучения в процессе взаимодействия старших и младших поколений [4, 7; 9, 25];

- культура — это набор общих для определенной группы людей символов (книги, картины, фильмы) [4, 9; 9, 27];

- культура создает ценности, нормы и модели поведения человека в той или иной ситуации [9, 27];

- культура меняется со временем [10, 15].

О том, что культура как феномен человеческого сообщества претерпевает изменения непосредственно в настоящий момент, свидетельствует Дж. Лалл. Согласно его теории, в связи с развитием коммуникационных технологий культура переросла такие понятия, как «нация» и «государство», и на первый план вышли индивидуальные особенности каждого человека. Следовательно, изменились и способ, и критерии образования культурных сообществ. Изменения, затронувшие культуру, оказались настолько мощными, что Лалл считает необходимым говорить уже не культуре, а о *суперкультуре*. Суперкультура «основывается преимущественно на понимании культуры как личного опыта человека», она представляет собой своеобразную «культурную матрицу, которую индивиды создают сами для себя в мире, где в последнее время значительно расширился доступ к «отдаленным» культурным ресурсам» [11, 132]. Причинами возникновения суперкультуры Лалл считает глобализацию и технологический прорыв в сфере телекоммуникаций.

В своей статье «Суперкультура в эру коммуникации» Лалл высказывает также несколько интересных наблюдений о процессе глобализации, который определяет ход всей современной истории. Лалл отмечает, что глобализация сама во многом стала возможна благодаря развитию коммуникационных технологий. Но, поскольку технологические возможности у всех разные — это связано с тем, что какие-то страны более развиты, чем другие, — способность влиять на процесс глобализации у различных наций также разная. Поэтому Лалл делает парадоксальный вывод о том, что глобализация, несмотря на свое стремление объединить людей, на самом деле служит расслоению общества на основе таких критериев, как класс, раса, возраст, пол, национальность [11, 136].

Другое заключение, которое делает Лалл касаясь процесса глобализации в отношении культуры, состоит в том, что глобализация носит сугубо коммерческий характер. Многочисленные и с каждым днем преумножающиеся культурные ресурсы, доступ к которым теперь имеет каждый пользователь сети Интернет, Лалл называет культурными «супермаркетами», где каждый посетитель может соединить элементы своей национальной культуры с любыми понравившимися им элементами из другой культуры и получить свою собственную, уникальную суперкультуру [11, 136].

Идея культурного «супермаркета» получила поддержку и развитие в работе Г. Мэтьюса «Глобальная культура/индивидуальная самобытность: как найти свой дом в культурном супермаркете». Мэтьюс проводит аналогию культурного «супермаркета» и супермаркета реального и приходит к выводу, что в продвижении культурных ценностей заметны те же тенденции, что и в продвижении ценностей материальных. Так же, как широко рекламируемые товары крупных производителей (как, например, «Coca-Cola») располагаются в магазине на центральных полках, где покупателям будет легко их заметить и достать, а товары менее известных и влиятельных компаний занимают нижние и верхние полки, культурные ценности богатых развитых стран выдвигаются на первый план, оставляя ценности небольших государств, не рвущихся к глобальному доминированию, где-то «на задворках».

Критике Мэтьюса подвергаются и сами пропагандируемые ценности, которые зачастую преподносятся в упрощенном, излишне стереотипном виде [12, 19—23]. Действительно, говоря о «французской кухне», «бразильской самбе», «испанской гитаре», современное человечество концентрируется только на формальной стороне этих явлений, забывая, что за каждым из них, помимо рецептов, телодвижений и

звучков, скрывается определенный образ восприятия и осмысления мира.

Следует отметить, что не все культурологи склонны видеть негативную сторону того, что в наше время культурные атрибуты находятся во всеобщем доступе. Л. Самовар и Р. Портер усматривают только пользу в таком положении дел: то, что у Дж. Лалла и Г. Мэтьюса называется «супермаркетом», у Самовара и Портера носит гораздо более гордое название «кладовой», «сокровищницы» культуры, благодаря которым культура может передаваться из поколения в поколение и, таким образом, непрерывно существовать на протяжении многих веков. «Нынешняя мобильность символов культуры позволяет нам хранить и передавать их. Память, книги, картины, фильмы, видеозаписи, компьютерные диски и проч. позволяют сохранить в культуре самые важные ее составляющие, достойные того, чтобы с ними ознакомились представители других культур и поколений. Каждый человек, вне зависимости от того, к какому поколению он относится, имеет доступ к огромной “кладовой” информации, собранной с целью его знакомства с данной культурой. В этом смысле можно сказать, что культура исторична и может быть сохранена. Каждое новое поколение может делать больше записей, чем предыдущие, но именно то, что сохранилось из прошлого мы и называем культурой» [4, 8—9].

Наконец, говоря о национальной культуре как определенном и доказавшем свою состоятельность явлении, не следует забывать, что любая культура строится на основе тех социальных институтов и форм их организации и функционирования, которые сложились в каждом конкретном обществе. Как справедливо отмечают Самовар и Портер, «институты церкви, семьи и государства *определяют индивидуальность каждого из нас*. Когда вы задумываетесь о том, кто вы есть, вы чаще всего приходите к выводу, что вы — член вашей семьи (“меня зовут Джейн Смит или Юко Минами”), что вы относитесь к определенной религиозной общности (“я мормон или буддист”) и что вы живете определенной стране (“я живу в США или Японии”). Вне зависимости от того, к какой культуре мы принадлежим, каждый из нас воспринимает себя как часть этих общественных организаций» [4, 11].

Литература

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М, 1990.
2. *Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация: Учеб. пособ. М., 2004.

3. *Фалькова Е. Г.* Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Метод. пособ. СПб., 2007.
4. *Samovar L.A., Porter R.E.* Intercultural Communication: A Reader. N. Y., 2003.
5. *Knoblauch H.* Communication, Contexts and Culture: A Communicative Constructivist Approach to Intercultural Communication // Culture in Communication: Analyses of intercultural situations / A. Di Luzio, S. Günthner, F. Orletti. J. Benjamins. B. V., 2001.
6. *Hall E., Hall M.* Hidden Differences. Studies in International Communication. How to Communicate with Germans. Hamburg, 1983.
7. *Hirsh E.D.* Cultural Literacy. N. Y., 1988.
8. *Novinger T.* Intercultural Communication: A Practical Guide. University of Texas Press, Austin, 2001.
9. *Lustig M.W., Koester J.* Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures. Boston, 2010.
10. *Eckert S.* Intercultural Communication. Thomson South-Western, 2006.
11. *Lull J.* Culture in the Communication Age. Routledge; L.; N. Y., 2001.
12. *Mathews G.* Global Culture / Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket // Intercultural Communication: And Advanced Resource Book. Routledge; L.; N. Y., 2004.

Л.А. БУЛАВКА-БУЗГАЛИНА

Проблема идентификации: между героическим и мещанским императивом бытия

Аннотация. Повороты истории всегда ставят проблему нового понимания общественной сущности индивида. Наряду с этим встает вопрос, какова субстанция (само) идентификации индивида на новом витке истории? Революционная сущность Октября 1917 г. состояла в том, что впервые был заявлен принцип субъектного бытия человека труда в истории, причем не абстрактно, а практически. Смена исторических форм (само) идентификации индивида в советской системе выявила и историю борьбы между двумя тенденциями общественного бытия советского человека в СССР: освободительной и мещанской (приспособленческой). История этой борьбы продолжается и сейчас — уже в условиях глобализации, и именно потому, что человек как тво-

рец истории и культуры стал единственной альтернативой миру отчуждения.

Ключевые слова: диалектика, отчуждение, разотчуждение, частный интерес, потребление, противоречия, субъект.

Abstract. Historical transformations always initiate the problems of new understanding of social essence of human being and questions of substance of such [self]identification in new historical situation. Revolutionary essence of the October 1917th turn initiated principle of subjective being of the working man in the history, and not in abstract, — in practical form. Changes of historical forms of [self]identification of personality in Soviet system opened also the history of the struggle between two tendencies of being of man in the USSR: tendency of liberation and conformism. The history of this struggle is continuing even now — in the atmosphere of globalization. The reason of this is the following.

Keywords: dialectic, alienation, desalination, culture, private interest, consumption, contradictions, subject.

Любые изломы истории и тем более культуры всегда ставят перед индивидом вопрос — кто ты такой? — или (если следовать философской постановке, укоренившейся в отечественной культуре) — какого ты роду-племени?

Смена любой системы общественных отношений всегда связана с изменением субстанции бытия индивида, а ведь именно она содержит в себе то *всеобщее*, которое, преломляясь через *конкретное* отдельного индивида, определяет уже *конкретно-всеобщее* того, как он мыслит свое понимание ответа на этот вопрос.

Самосознания индивидом своей взаимосвязи с тем всеобщим, что в его представлении является *основой основ* существования, включая его собственное, есть важнейшее условие его самоидентификации. Понятно, что сама основа общественного бытия индивида не является абстрактной, а будучи объективным содержанием эпохи, носит конкретно-исторический характер. Сменяя одну форму на другую, развитие этой субстанции бытия индивида связывает их в одну логическую линию истории.

Так, например, две совершенно разные как по своему историческому контексту, так и по своему культурному содержанию эпохи — Ренессанс и Советская история, казалось бы, в своей основе не имеют ничего общего. Но именно на уровне сопоставления их общественных основ как раз и прослеживается эта линия общего развития, несмотря на большую историческую дистанцию между ними. Эта общность состоит в том, что и Ренессанс, и Советская эпоха являют собой два [1]

логически последовательных звена в генезисе такого онтологического принципа, как *субъектность* общественного бытия индивида.

Эта же общность обуславливает и принципиальное различие между ними. Если в Ренессансе индивид реализует свою субъектность в мире культуры, то в СССР индивид предпринимает такие попытки (вопреки власти номенклатуры, отчуждавшей от него экономическую и политическую власть, культуру и т. п.) уже в сфере истории. И что самое важное — императив *субъектного бытия* в истории осуществлялся в форме революционных преобразований, т. е. как социальное творчество. Согласно теоретическим разработкам А. Бузгалина и А. Колганова, *сущность социального творчества* — это созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека. Более того, именно эта преобразующая практика являлась для него едва ли не главной формой осмысления себя уже как творца *нового* мира.

В той мере, в какой он творил непосредственно сами общественные отношения, в той мере он творил уже и самого себя как «ансамбль всех общественных отношений».

Революционный индивид как субъект исторического творчества, решая много различных и насущных задач, решал еще одну и не менее важную задачу — самоопределения общественной основы своего *Я*, позволяющей ему осмыслить и свои интересы, и способы их осуществления, и свое предназначение в этой жизни. Вот что писал об этом времени Борис Пастернак: «Люди из народа отводили душу и беседовали о самом важном, о том, как и для чего жить и какими способами устроить единственно мыслимое и достойное существование» [2, 780].

Другими словами, революционный индивид пытался понять свое *Я* через такое всеобщее, которое давало бы ему ответ на вопрос — кто он есть такой. Казалось бы, революция несла для субъекта истории собственную основу его идентификации — «*Мы не рабы, рабы не мы*», но этот императив освобождения от оков социально-экономической закрепощенности еще не давал полного ответа, он был лишь его преддверием. Преддверием к тому, что действительно являлось субстанцией (само) идентификации революционного индивида, т. е. к тому новому онтологическому принципу, который был связан с творчеством качественно новых общественных отношений (социальным творчеством).

Подчеркивая огромное значение социального творчества первых лет революции, в то же время надо понимать, что революционные массы творили новые отношения зачастую примитивно и противоречиво, т. е. в меру всего того «культурного богатства», которое им даровал режим царского самодержавия. Сейчас об этом не принято говорить, но то обстоятельство, что около 80% дореволюционного населения было безграмотным — факт слишком значимый для оценки социально-культурной сущности царского самодержавия²⁹.

Гигантский распад системы российского самодержавия и недостаточность культурного потенциала революционных масс как нового субъекта истории — все это было весомой предпосылкой того, что вскрытые практикой социального творчества противоречия далеко не всегда находили соответствующую форму их разрешения. Вот почему правда истории и логика исследования противоречий революционных практик 1920-х гг. диктуют необходимость акцентировать не только созидательную, но и противоположную линию — разрушение, и в первую очередь культурных ценностей. Но при этом не надо забывать, что, во-первых, любая революция (с ее логикой перехода от старого к новому) всегда связана со сломом существующих общественных связей, правил, иерархий, т. е. с нарушением привычного порядка вещей. Во-вторых, если говорить о стихийном вандализме, то следует отметить, что он никогда не был настолько массовым, как его обычно представляют сегодня, вменяя это в вину уже не столько даже самим революционным массам, сколько идеологам большевизма, но еще прежде — самой идее социализма (= революции).

Но самое главное — и это не стоит упускать из виду — социальное творчество было формой становления идеи субъектности.

Кроме того, нельзя не сказать еще об одной стороне социального творчества — уже о его собственных противоречиях. Это достаточно серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения, и которую автор рассматривает в целом ряде своих работ [5].

Но в любом случае все это не отменяет того, что Октябрь 1917 г. произвел, говоря современным языком, качественную перезагрузку

²⁹ Вот некоторые данные: в 1907 г. на все народное образование из государственного казначейства было отпущено 101,43 млн р., в то время как на содержание церковного аппарата — 34,8 млн р., на содержание царской семьи — 17 млн р., на расходы по подготовке войны — 442 млн р. [3, 8].
К 1913 г. более 75% населения России оставалось неграмотным. В 1914 г. в России (на 180 млн жителей) насчитывалось 101 917 начальных, 1654 — неполных средних и 1953 средних школ. Около 4/5 детей и подростков было лишено образования [4, 50].

субстанции общественного бытия индивида, определяющей, в том числе, и формы его (само) идентификации.

Теперь этой субстанцией являлось качественно новое отношение — *разотчуждение* как всеобщее истории и культуры социализма. Отношение разотчуждения несло в себе (1) установку на преодоление отчуждения (2) в его конкретно-исторической форме.

Согласно авторскому определению, разотчуждение — это вид деятельности, связанный со снятием той или иной формы отчуждения, который фиксируется не просто в виде вещи (готового результата), а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью (готовым результатом), а с другой — несет в себе развернутую логику ее сотворения. Другими словами, это такой вид деятельности, результат которой, овеществляясь в том или ином феномене, в то же время сохраняет в себе логику своего становления, т. е. логику самой породившей его общественно-человеческой деятельности. Говоря иначе, понятие *разотчуждение* предполагает не только его результат — *новое общественное отношение*, но взятый в единстве сам процесс его сотворения.

Другими словами, автор определяет разотчуждение как (1) процесс разрешения противоречий (переход из «царства необходимости» в «царство свободы»), (2) взятый в неразрывной связи с его результатом и (3) разворачивающийся в хронотопе настоящего (*здесь и сейчас*).

Диалектика процесса разотчуждения, взятая во всей полноте трех выше обозначенных моментов, как раз и явилась сущностью той логики развития общества, культуры и индивида, которую автор определяет как *освободительную* тенденцию советской истории культуры. Именно лежащая в ее основе деятельность и стала субстанцией (само) идентификации революционного индивида.

Другими словами, не абстракции лежали в основе (само) идентификации революционного индивида: будь то некоторый абстрактно-этический идеал как некое всеобщее представление о том, «*как должно быть*», или будь та или иная *религиозная идея*, или *идея державности*, или *идея сильной руки* (= культ личности), или *идея партии* как политическогодемиурга истории.

Именно принцип творческого и практического преобразования действительности (ее материальных и идеальных форм) и стал основой (само) идентификации революционного индивида как субъекта истории и культуры, обретшего и свое имя — *Новый человек*. Соответственно экзистенциальный принцип бытия Нового человека обретал следующую формулу: «Я *разотчуждаю* — следовательно, я существую». Это означает, что в той мере, в коей индивид практически

преодолевал те или иные конкретные формы отчуждения (а это и есть созидание «нового мира»), в той мере он и доказывал свою состоятельность как субъект истории и культуры (Новый человек).

Как писал Гегель, «живая субстанция... есть бытие, которое поистине есть субъект... поскольку она есть движение самоутверждения» [6, 396].

И в той мере, в какой индивиду удавалось обрести полноту своей *субъектности* (культурно-творческой — в мире культуры и социально-творческой — в истории), в той мере он способен был определить и перспективу своего становления как родового человека.

Отсюда можно сделать вывод: именно социальное творчество как раз и стало предпосылкой снятия противоречия между объективной сущностью индивида и формой (само) идентификации своего общественного *Я*.

Следует отметить, что в советской культуре принцип субъектного бытия составлял сущность такого понятия, как «героическое». Духом героического бытия были пронизаны общественные идеалы, нашедшие свое выражение не только в лучших произведениях советского искусства, но, прежде всего, в непосредственно социальном проявлении широких масс советских людей. И примеров здесь более, чем достаточно: это и вооруженная борьба в Гражданскую войну за право обустройства справедливого мира по отношению к человеку труда; это и героический энтузиазм в созидании индустриальной страны в 1930-е гг.; это и борьба за освобождение всего человечества (не только СССР) от фашизма в Великую отечественную войну; это и восстановление страны из руин как следствия самой страшной войны за всю историю человечества; это и романтический героизм освоения целинных земель и построения новых городов.

Тенденция героического преобразования действительности во имя общественных интересов, равно как и героическая борьба за право на это, как раз и стали основой таких форм идентификации советского человека в советской культуре, как «герой труда» и «герой войны».

Но наряду с героическим (субъектным) бытием существовала и другая тенденция, связанная с приспособлением освободительно-преобразующей деятельности к частным (не личным) интересам индивида. Эта тенденция пронизывала все социальные страты (от партийной номенклатуры до интеллигенции, рабочих, крестьянства и служащих). Эта тенденция имела и свою форму самоидентификации, именуемую «советским мещанством».

Антагонистическое противостояние этих двух тенденций — *героической* и *мещанской* — как раз и определило трагическую суть «красной нити» советской истории. По мере нарастания авторитарно-

бюрократической тенденции и как следствие этого — сворачивания творческого энтузиазма широких масс (значит, и принципа субъектного бытия), нарастал и разрыв между героическим и мещанским модусом бытия советского индивида. Одно дело — решение проблемы героического бытия в условиях войны Гражданской или Великой Отечественной, а другое — в условиях мирного и относительно благополучного в материальном отношении времени, как это было в брежневский период.

В это время все острее вставали вопросы: теперь, когда жизнь обрела фундаментальную размеренность, в чем состоит сущность героического поступка? Кто такой герой сегодня? И в чем состоит суть героического бытия, когда, казалось бы, уже построены все *голубые города*, даже на краю земли.

Противоречие между героическим идеалом, связанным с развитием *освободительной* тенденции советской истории и обретшим свою выражение в образе Нового человека, и объективным (не силовым) принуждением к обывательскому образу жизни в формах советской патриархальности — это противоречие, не находя своего социального разрешения, уходило во внутреннюю экзистенцию индивида. В конечном счете, разрешение этого противоречия все больше и больше оказывалось в зависимости от личной возможности индивида. Это — с одной стороны. С другой стороны, необходимость (само) идентификации диктовалась нарастающим к 1970-м гг. встречным движением двух тенденций: (1) угасанием общественной значимости *героического* и в то же время (2) нарастанием значения мира культура как единственно возможной и одновременно значимой сферы личностной и творческой реализации индивида.

В какой мере актуальность субъектного бытия в истории утрачивалась, а в культуре росла, в той мере последнее становилось доминирующей субстанцией (само) идентификации индивида.

Но вопрос самоидентификации даже в рамках одной территории — культуры — решался по-разному. Советское искусство как особый вид *идеального* в драматургическом отношении глубоко и тонко отразило как само это противоречие, так и различие подходов к его решению.

В одном случае это было трагическое переживание обозначившегося затухания исторического творчества советского человека. «Только кто мне придумает новый Тайшет, кто другую найдет Ангару?» — это строки из песни «Прощание с Братском» (музыка А. Пахмутовой, слова С. Гребенникова и Н. Добронравова) в конце 1960-х гг. звучали уже как реквием по романтической мечте о героической жизни в истории. Правда, и в этот период находились те, кто настойчиво искал выход из

противоречий между героическим и частно-обывательским образом жизни.

Во втором случае было приспособление к этому противоречию и извлечение из его неразрешенности своей (1) частной (2) выгоды. В русле этого отношения усиливалась и тенденция «застойного» мещанства. Здесь вспоминается рассказ С. Довлатова «Третий поворот налево», в котором молодая семейная пара, представляющая собой типичных советских обывателей эпохи «застоя», имела в своей жизни три предпочтения: политические анекдоты, заграничные вещи и радиопередачи Би-би-си [7, 67—68]. Оказавшись уже в эмиграции, они по-прежнему оставались отчужденными от всего, что происходило в окружающей их жизни со всеми ее проблемами и противоречиями. Поменялись лишь только их предпочтения: вместо прежних советских пристрастий («загородные прогулки, музыкальные комедии и слабое вино») появились новые — «путешествия, мюзиклы и слабые коктейли».

Менялись эпохи, страны и времена, но неизменность обывательской сущности с ее потребительской позицией сохранялась, при этом (само) идентификация такого императива существования чаще всего обретала свое выражение в следующей формулировке — «Мы как порядочные люди никого не трогаем, но и нас пусть никто не трогает». Соответственно свою позицию такой «порядочный» частный индивид (не путать с *«маленьким человеком»*) определял чаще всего в таком выражении — «с позиции разума».

Но была еще и третья позиция, возникающая из противоречия между романтической одержимостью идеалами социализма и невозможностью осуществления их в эпоху «застоя». Действующий с этих позиций индивид пытался реализовать свои социально-творческие живые порывы в существующих, может быть, и не всегда бюрократических, но, как правило, уже застывших институционализованных формах. Борьба за творчески-эффективную полезность своей самоотдачи обществу чаще всего изнуряла такого энтузиаста бесплодностью борьбы с бюрократизмом и нарастающим непониманием со стороны ближайшего окружения, вопрошающих — «Тебе что, больше всех надо?». В итоге этот энтузиаст надламывался, иногда находил силы опять подняться, но безуспешность последних усилий ломала его окончательно. Примкнуть к кухонным сообществам интеллигенции этому энтузиасту мешала идейная глубина, а к диссидентам — идущее из его созидательного начала неприятие любых форм протеста.

Этот тип трагически-романтической интеллигента очень точно представлен в книге Г. Померанца «Сны земли» в образе одного из его героев — Кузьмы. Вот как его характеризует автор: «Но очень уж был

он интенсивен сам в себе, и мыслью и чувством!» [8, 372], а «необъезженная лошадь его литературного дара поражает своей статью» [8, 372].

Что же касается его бытия в социуме, то здесь, как пишет автор, «...куда бы Кузьма ни двигался, на его пути неизменно вырастала стена... Но вот куда он действительно никогда не стремился, так это, как теперь говорят, в диссиденты... Вот если бы дело дошло до баррикад, он не раздумывая... стал бы у самой опасной бойницы... Не свою роль Кузьма не хотел играть. Но и своя не выходила. Отношение Кузьмы к демократическому движению перекликалось с народным; но альтернатива тоже была народной: безудержное пьянство... Что-то в демократическом движении было не по нем. Может быть, он примкнул бы к бунту (как толстовский Денисов), но не к тугендбунду, не в борьбе за советскую законность. Многие здесь ему казались ненатуральным, беспочвенным...» [8, 269].

Та маята, на которую обрекла Кузьму общественная атмосфера «застоя» в итоге привела его к трагедии: «Кузьма был найден мертвым. ...Мне иногда кажется, что Кузьма почувствовал себя худо, подумал: звать неотложку? На кой черт?.. Помирать, так помирать. Рук на себя не наложил. Но и воли к жизни у него больше не было» [8, 272].

Конечно, кому-то и удавалось вопреки всему осуществить свои замыслы, но речь идет о господствующих в те времена тенденциях угасания социального творчества. Сколько человеческих драм и трагедий было порождено одним только порывом — *не* взять (!) — *отдать* себя другим (обществу и не только советскому).

Так что неразрешенность противоречия между активным существованием в культуре как единственной субстанции субъектного бытия советского человека и объективно нарастающим отчуждением его от его участия в творчестве истории, в конечном итоге, стала едва ли не определяющим фактором формирования в советском обществе частно-потребительского мировоззрения как приоритетного. Это в свою очередь стало уже основой его дальнейшего морального (а значит, и культурного) разложения.

Об этом говорил еще А. Горький в своем выступлении на Первом съезде Союза писателей СССР: «Так как наша демократическая интеллигенция была тренирована историей менее, чем западная — процесс ее “морального” разложения, интеллектуального обнищания протекал у нас быстрее. Но это процесс общий для мелкой буржуазии всех стран и неизбежный для всякого интеллигента, который не найдет в себе силы решительно включиться в массу пролетариата, призванного ис-

торией изменить мир к общему благу всех людей честного труда» [9, 12].

Законы развития уже постсоветской реальности в действительности отменили как общественный запрос, так и культурную значимость императива *субъектного бытия*. Это понадобилось приходящей в 1991 г. новой власти лишь на начальном этапе укрепления политической легитимности нового режима, а далее этот императив был уже абсолютно лишним для нее, если не сказать опасным. Теперь субстанцией общественного бытия постсоветского индивида является лишь капитал, правда, можно сказать, еще и политическая власть, но она является лишь особой формой капитала. В этих условиях индивид обречен на то, чтобы быть лишь функцией капитала, а при господстве рыночного тоталитаризма, который мы сегодня имеем, еще и анонимным агентом отношений купли-продажи. Это функциональное бытие диктует и соответствующую форму самоидентификации современного индивида, которая сегодня обрела себя в таком уже прочно укоренившемся выражении, как «успешность».

Но в действительности за этим понятием стоит то, насколько рыночная (а сегодня это неизбежно еще и криминальная) сущность индивида является приоритетной по отношению к его подлинно человеческому (не отчужденному от культуры) началу. Другими словами, индивид как функция капитала сегодня объективно имеет лишь одну форму идентификации — *лавочник эпохи глобализации*. Но, как хорошо известно, лавочный дух был всегда активно чужд как русской и советской, так и мировой культуре. В то же время, лавочник, как показал XX в., был не только не чужд фашизму, но являлся одной из его идейно-социальных опор. Великая Отечественная война по сути как раз и стала смертельным поединком между лавочником, утверждающим посредством массового насилия идею расовой империи, и Новым человеком, утверждающим не просто идею, но именно принцип действительного освобождения действительности от всех форм отчуждения и создания на этой основе мир подлинно человеческих отношений. Именно поэтому в борьбе с фашизмом победил Новый человек.

Разворачивающийся уже XXI в. опять обозначает демаркацию между глобальной *лавочностью* и всемирной культурой, очерчивая все более резко противостояние — кто кого.

И здесь опять перед каждым встает вопрос — кто ты есть?

Успешная функция капитала или каких-то других институций отчуждения или все же субъект мира культуры? Ответ на этот вопрос станет одним из решающих факторов в разрешении обостряющегося между ними поединка, а значит, и в определении дальнейшей истории и не только России, но и мира.

Литература

1. Булавка Л. Феномен *Нового человека*: становление субъектности на исторических изломах // Мир философии — мир человека. Специальный выпуск Академии гуманитарных наук и Министерства образования и науки РФ — Философские науки. М., 2007.
2. Пастернак Б. Люди и положения // Пастернак Б. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991.
3. Грекулов Е.Ф. Православная церковь — враг просвещения. М., 1962.
4. Народное хозяйство в цифрах: Статист. справочник. М., 1925.
5. Булавка Л. Творчество масс versus восстание масс // Ленин online. 13 профессоров о В.И. Ульянове—Ленине. М., 2010.
6. Гегель В. Соч. Т. 4. М., 1959.
7. Довлатов С. Третий поворот налево // Звезда. 1995. № 1.
8. Померанц Г. Сны земли. Париж, 1984.
9. Первый съезд Союза писателей СССР — 1934 г. Стенографический отчет. М., 1990.

Е.Ю. ЛЕКУС

Псевдоидентичность, или Как выжить в мире распавшихся универсалий

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования псевдоидентичностей в контексте общественной парадигмы, господствующей на рубеже XX — XXI вв.; рассматривается роль тех форм культуры, которые наиболее активно участвуют в формировании публичного пространства общества.

Ключевые слова: идентификация, псевдоидентичность, универсалии, общественное пространство, монументальная скульптура.

Abstract. The article analyzes the problem of forming pseudo-identity in the context of the social paradigm that dominates at the Turn of the 20th and 21st Centuries; examines the role of the cultural forms the most actively involved in the formation of public space society.

Keywords: identification, pseudo-identity, universals, public space, monumental sculpture.

В начале XXI столетия мировое сообщество столкнулось с рядом серьезных противоречий, характеризующих социокультурные транс-

формации, в которые вовлечены все его участники вне зависимости от национальных, политических, экономических и культурных различий. Основными из этих противоречий являются следующие: 1) гегемония глобального капитала как господство рыночной формы общественных отношений и поиск новой формы интеграции, в равной степени учитывающей интересы общества, культуры и природы; 2) свобода межкультурных коммуникаций и сохранение национальной культурной идентичности в условиях глобализации; 3) деперсонализация общественных отношений (а также самого индивида) и стремление к обретению идентичности.

Эти противоречия, будучи взаимосвязаны и взаимообусловлены, имеют общую качественную характеристику, суть которой сводится к уходу от всеобъемлющих универсалий — невозможности выделения абсолютного или идеального в качестве ориентира общественного бытия и бытия субъекта культуры. И. Хассан пишет по этому поводу: «...Большинство из нас с горечью признают, что такие понятия, как Бог, Царь, Человек, Разум, История и Государство, некогда появившись, затем канули в Лету как принципы несокрушимого авторитета; и даже Язык — самое младшее божество нашей интеллектуальной элиты — находится под угрозой полной немощи, — еще один бог, не оправдавший надежд» (цит. по: [1, 38]).

«Отказ от метанарративов» (Лиотар), утрата своего значения в качестве базисных установок и ориентиров общественного сознания таких понятий, как Истина, Добро и Красота, объединенных общим знаменателем — «ценность», — эти и многие другие факторы свидетельствуют о кардинальном преобразовании основ общества и культуры. В этих условиях особенно остро встает вопрос о целостном развитии личности и, в частности, ее развитии как субъекта культуры. С одной стороны — фрагментарность, дискретность, полицентричность, характеризующие современное социокультурное пространство; с другой — неограниченные возможности для межкультурных коммуникаций, в процессе которых происходит взаимообогащающий обмен и которые одновременно ставят под угрозу сохранение национальной культурной самобытности; с третьей — господство рыночной формы отношений во всех сферах жизни, — в совокупности эти и многие другие факторы создают труднопреодолимые препятствия на пути формирования устойчивого мировоззрения, создания комфортного психологического климата, осуществлению социальной деятельности индивида, тем самым ставя проблему идентичности личности в число наиболее актуальных проблем на современном этапе развития общества. Э. Тоффлер отмечает, что разного рода идентификации (этническая, национальная, политическая, культурная, экономическая, социальная и др.) становятся

ся все более кратковременными, поскольку люди принимают или отказываются от каких-либо компонентов своих идентичностей гораздо активнее, чем раньше [2, 283].

Особенно ярко это проявляется при сравнении современной общественной модели с индустриальным обществом первой половины XX в., когда человек идентифицировал себя с конкретным классом или социальным слоем, с определенной системой ценностей и идеалов, идеологией и т. д., принадлежность к которым детерминировала его общественное бытие. На рубеже XX — XXI вв. ситуация принципиально меняется: множественные, непрерывно смещающиеся центры притяжения социальной реальности обуславливают непостоянство и подвижность взаимосвязей в обществе, благодаря чему человек пост-индустриальной эпохи формально, казалось бы, освобождается от иерархических условностей общественных отношений. В частности это выражается в утверждении *принципа атомизации индивидов* (сменившего господствовавший ранее *принцип автономизации индивидов*), в соответствии с которым происходит объединение членов социума в большие коллективы, где ни личность, ни индивидуальность уже не имеют существенного значения [3, 435].

Тем не менее имманентно присущая индивиду потребность в самоидентификации как подтверждении самого факта своего существования и как необходимости в определении каких-либо ориентиров его общественного и личностного бытия по-прежнему сохраняется. В этом коренится одно из фундаментальных противоречий современности: в атомизированном обществе, не предполагающем наличия всеобъемлющих универсалий, отсутствуют какие бы то ни было устойчивые ориентиры, модели, образцы, способные удовлетворить потребность индивида в самоидентификации.

В границах культуры, которая всегда выступала одним из важнейших факторов, влияющих на формирование идентичностей (как индивидуальных, так и групповых), это противоречие разрешается таким образом, что разные формы культуры в соответствии с общим контекстом господствующей на рубеже веков общественной парадигмы, активно способствуют формированию *псевдоидентичностей*.

Особо отчетливо эта тенденция проявляется в тех формах культуры, которые в наибольшей степени задействованы в организации общественного пространства (архитектура, городская скульптура, литература, театр, музыка, кино), а потому непосредственно влияют на индивидуальную и групповую идентификацию.

Исходя из того, что степень «общественности» пространства социума зависит от степени отчуждения общества от культуры, сегодня

можно наблюдать *вытеснение общественного пространства частным* (формируемым на основе утверждения разного рода частных интересов). Это обусловлено противоречием между общественным характером социальных связей/действий/взаимодействий и их частным по своей сути содержанием.

Иными словами, в начале XXI в. доминирует *субъективное* (но не личностное) *отношение к общественному пространству*, которое, ссылаясь на П.А. Флоренского, следует определять уже не в качестве пространства, а просто как некую среду [4, 143]. В этом смысле показателен пример изменения социальной значимости монументальной скульптуры — той формы культуры, которая благодаря своим существенным характеристикам (историчность, идеологичность, монументальность) изначально ориентирована на непосредственное участие в формировании общественного пространства и призвана активно способствовать индивидуальной и групповой идентификации через выражение наиболее значимых с позиции конкретного этапа развития общества идей, ценностей, идеалов.

То состояние «культурного маргинала», в котором оказалась *монументальная* скульптура на рубеже XX — XXI вв. в результате конфликта между ее имманентной (общественно ориентированной) природой и частной (унифицированной) природой господствующей на сегодня формы общественного пространства, свидетельствует, во-первых, о крайне высокой степени отчуждения общества от культуры и, во-вторых, о том, что традиционные формы монументальной скульптуры не способны на данном этапе общественного развития удовлетворить потребность в индивидуальной и групповой идентификации.

Однако это не означает, что монументальная скульптура оказалась полностью исключенной из общественного пространства начала XXI столетия. Скорее, следует говорить о том, что традиционные формы монументальной скульптуры оказались вытеснены на периферию публичного пространства социума ее превратными формами, «симулирующими» такие существенные характеристики, как историчность, идеологичность и монументальность. Свидетельством тому является непрерывно множасьщееся число объектов городской скульптуры, которые в полной мере соответствуют всем характеристикам симулякра («пустая оболочка», «означающее без означаемого», «объект без свойств» и т. д.), имитируя наличие смысла или же «скользя» по его поверхности. Появление этих образцов, как правило, носит случайный характер, выражающийся в частной (не общественно ориентированной, как это было раньше) инициативе создания самих произведений и субъективном выборе мест их установки.

Тем не менее данные произведения продолжают выполнять в социокультурном пространстве изначально присущую монументальной скульптуре функцию опредмечивания господствующей общественной парадигмы и складывающейся в ее границах системы общественных отношений — в данном случае отношений внутри атомизированного социума.

Таким образом, деятель культуры (в нашем случае художник-монументалист), включенный в систему отношений, построенных на принципе симулятивного производства-потребления, учитывая эстетические вкусы и предпочтения, приоритеты, формы и способы бытия частного человека, а также сам, будучи детерминированным социокультурным контекстом эпохи и исторической спецификой развития собственной культурной традиции, создает *образы «частных представлений о частном человеке»*, через потребление которых индивид обретает возможность «идентифицировать себя в мире распавшихся универсалий» и превратных форм [5, 109]. Иначе говоря, скульптура, «имитирующая» монументальность (и на этом основании определяемая нами как *псевдомонументальная*), способствует формированию псевдоидентичностей, в которых, по мысли Э. Тоффлера, сегодня склонны искать спасения массы людей [6, 572].

Учитывая масштабы сегодняшнего кризиса идентичности (особо подчеркнем, как индивидуальной, так и групповой), становится очевидной та социальная ответственность, которая ложится сегодня на монументальную скульптуру, равно как и другие формы культуры, активно участвующие в формировании общественного пространства начала XXI в.

Литература

1. *Кривицкая-Барабаш Н.А.* Постмодернизм: история любви и разочарований (Литература. Театр. Телевидение. Знаки и символы). М., 2007.
2. *Тоффлер Э.* Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
3. *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб., 2011.
4. *Флоренский П.А.* Собр. соч. История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
5. *Булавка Л.А.* Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.

Н.А. КУБАНЁВ, В.П. ОКЕАНСКИЙ*

Культурология и геополитика в истории России

Аннотация. Статья содержит два варианта интерпретации означенной в заглавии проблематики: первый — сближение культурологии с геополитикой, второй — их принципиальное разведение. В этой внутренней продуктивной полемике авторы реализуют фундаментальный диалогический характер самих предметных полей, стоящих за данными ключевыми понятиями.

Ключевые слова: культурология, геополитика, Россия, Восток, Запад, Земля, Небо.

Abstract. The article contains two versions of the interpretation of the aforesaid problems in the title: the first — cultural rapprochement with geopolitics, the second — their principal breeding. This internal debate productive authors implement fundamental dialogical character themselves subject fields behind these key concepts.

Keywords: cultural studies, geopolitics, Russia, East, West, Earth, Sky.

1. Культурология и геополитика вошли в отечественный научный оборот сравнительно недавно — во второй половине 1980-х гг. Однако это вовсе не означает, что для российской науки это были совершенно незнакомые дисциплины. Они имеют давнюю историю. Более того, эти дисциплины неразрывно связаны. Эта взаимосвязь началась еще на раннем этапе русской государственности. Языческий князь Владимир принял решение о выборе одной из трех мировых религий и отказе от язычества. Это решение было вполне обоснованным: необходимо было скреплять растущее русское государство единой религией, и этот нелегкий выбор был определен изучением культур народов, исповедующих ту или иную религию. Выбор был между тремя основными конфессиями: христианством, исламом и иудаизмом. Иудаизм был отвергнут практически сразу: невозможно было брать религию народа, которого Бог лишил родины и рассеял по всему миру. Ислам также не подходил Руси из-за строгого запрета «пить вино». «Веселие Руси есть пити», — заявил Владимир. Оставалось христианство. Но какого толка? Римского католического или Византийского православного? Выбрать Рим — значило подчинить себя военно-религиозным орденам крестоносцев, и, в конечном итоге, потерять свою государственность. Оставалась «греческая вера» — Константинополь. Тем более в Киев-

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках соглашения № 14.В37.21.0030.

ских горах издавна жили монахи-христиане, и их вера все более укреплялась и росла в городе. Так, при зрелом размышлении и изучении культуры было принято важнейшее геополитическое решение, связанное с национальной идеей: по какому пути идти молодому русскому государству?

После падения Константинополя в 1453 г. старец Филофей, инок Псковского Елизарьевского монастыря, писал отцу Ивана Грозного Василию Третьему: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя согласно пророческим книгам, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит. А четвертому не бывать». Это была еще одна попытка объединить культурологию с геополитикой, попытка создать на единой православной основе геополитическое объединение православных государств во главе с Москвой и отразить угрозу с Запада и Востока.

Во многих народах живет устойчивый миф об его особом предназначении, так называемая «мессианская идея». Дух мессианства свойствен и русскому народу. Эта проблема заслуживает отдельного разговора. Заметим только, что идею мессианства подвергали критике многие мыслители русской школы культурологии и геополитики, в частности, Е.Н. Трубецкой и И.Л. Солоневич.

При этом следует заметить, что мессианская идея не возникает на пустом месте. Она появляется в переломные моменты истории, когда народ стоит перед необходимостью отстаивать свои национальные святыни, свое существование, жизненное пространство и государственность. В эпоху Ивана Грозного молодой царь вынужден был отражать геополитическую агрессию с Запада и Востока. С одной стороны, со стороны Польши, которая при поддержке прибалтийских княжеств (читай военно-религиозных орденов Германии и Швеции) пыталась не только лишить Русь государственности, но и навязать русским свой социокультурный и религиозный гнет, а с другой — противостоять панисламистскому нашествию через Казанское и Астраханское ханства. В этом же ключе надо рассматривать и завоевание Сибири Ермаком. Вследствие этого Россия не только отразила панисламистскую агрессию со стороны наследников Золотой Орды, но и расширила свое влияние на Востоке, благодаря мирному культурному сближению русского и сибирских народов.

Мессианская идея присуща не только русским, но и другим народам, в первую очередь, американцам. Защищая себя, народ уверен, что спасает все человечество. Утверждая новую модель государства на новом континенте, провозглашая свободу, равенство, братство, объявляя свободу веры, отцы-основатели пуритане видели в своей колонии

«Град на холме», светоч, на который с восторгом и надеждой будет взирать все человечество.

С утратой мессианской идеи, с поражением мессианского сознания утрачивается и геополитический статус державы, как это произошло в конце 1990-х гг. с Россией. Первая послеперестроечная волна так называемых «демократов» призывала нашу страну извиняться и каяться перед всем миром за свои «грехи», посыпать голову пеплом, вызывая тем самым у русских чувство национальной униженности, третьесортности, своей «малости» и ничтожности: «Куда ж нам кого-то спасать, самим бы выжить». Поэтому важность и значение мессианского духа не следует умалять, но не нужно их и гипертрофировать. В этой связи уместно вспомнить русского геополитика XIX в., товарища А.С. Пушкина по лицу, министра иностранных дел России князя А.М. Горчакова. После поражения в Крымской войне 18 августа 1856 г. министр направил всем русским посольствам и миссиям за границей циркуляр, который вскоре стал предметом мировой гласности. В нем Горчаков ясно и четко изложил стратегию внешней политики России на ближайшее время. Он провозгласил, что прежде всего эта политика будет «национальной», т. е. производимой в собственных интересах, без жертв в пользу третьих стран, договоров и обязательств. Далее в нем говорилось, что Россия некоторое время будет воздерживаться от активного участия в международных делах и основное внимание будет уделять решению внутренних проблем. Как выразился Горчаков, «развитием внутренних сил страны». Вместе с тем министр подчеркнул, что Россия не собирается быть в изоляции от остального мира. Заключительные строки ноты, написанной на французском языке, достойны, чтобы их перевести на русский: «Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится. Россия сосредотачивается». Вот как подобает вести геополитику в трудные времена: сосредоточиться на внутренних проблемах, но и не забывать внешние.

Тесную связь с культурологией демонстрируют работы Н.Я. Данилевского (1822 — 1885). В 1869 г. он выпускает книгу «Россия и Европа», в которой выдвигает концепцию культурно-исторических типов. Данное понятие весьма близко к понятию «цивилизация». Данилевский подчеркнул особенность русских ассимилировать представителей других народов, говоря тогдашним языком, «кинородцев». Причем не насильственно, а демонстрируя им преимущества своего уклада жизни и приобщая их к более прогрессивному существованию. Согласно концепции Данилевского, цивилизация есть живой организм, который проходит несколько жизненных циклов, живет, развивается, дряхлеет и умирает. Опасностью для национальной цивилизации русский ученый считал отрыв от своих национальных корней,

денационализацию пространства. Анализируя русскую историю, Данилевский приходит к выводу, что судьба русского народа тесно связана с судьбой славянства и является условием его выживания. Русский ученый предостерегает от бездумного следования чужеземным законам развития. Без учета национальной специфики все остальные социально-экономические преобразования, проведенные по западным рецептам, окажутся не только бесполезными, но и вредными, разрушительными.

Подобной точки зрения придерживался и другой выдающийся геополитик и культуролог Л.Н. Гумилёв, сын знаменитых поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Он считал, что размытая без конца толерантность к другим религиям и обычаям неизменно приводит народ к химеризации. Народ-химера утрачивает свою сущность, а вслед за этим и государственность, как это произошло с древней Хазарией, некогда могучим государством, которому Русь платила дань.

В настоящее время, несмотря на усилия верховных властей и Русской православной церкви, Россия все более скатывается к глобализации, размыванию этнических и нравственных границ. С одной стороны, нам угрожает глобализация по-американски. Западные ценности все больше овладевают умами и, что тем более опасно, сердцами людей, в первую очередь, молодежи. Если с приходом президента Путина в начале 2000-х гг. мы ощутили возрождение России, то, к сожалению, сейчас этот процесс значительно ослаб. С другой стороны, наша страна (да и весь мир) ощущает все более растущую угрозу радикального ислама с его жесткой ригоризацией, что вызывает понимание со стороны определенной части мусульманской диаспоры. Наступление идет по всему фронту, и здесь мы также даем слабину. Нельзя забывать, что титульный народ — это русские и поэтому все действия, направленные на умаление его роли и значения при самых распрекрасных лозунгах ведут в пропасть. Не надо бояться слов «русская культура», «русский народ», «православная культура». Эти понятия не нарушают самобытности иных этнических культур. Но в любом полиэтническом государстве должен действовать принцип доминирования культуры и языка государствообразующей нации. В этом залог стабильности, процветания и мощи всех народов, составляющих многонациональное и многоязычное государство и общество.

Согласно концепции С. Хантингтона, нам угрожает «столкновение цивилизаций». И прежде всего, столкновение христианства и ислама. Можно спорить о том, насколько верно предсказание американского ученого, но в его концепции содержатся разумные вещи.

Во всем мусульманском мире, особенно среди арабов, существует ярко выраженное чувство обиды, негодования, зависти и вражды по отношению к Западу. Мусульмане не могут простить западным странам их роль колонизаторов, угнетателей жителей «третьего мира» и расхитителей их богатств.

Россия никогда не выступала агрессором и угнетателем мусульман. Однако последователи воинствующего ислама ведут наступательную политику в отношении не только христианских святынь, но и всего русского народа. Интересно проследить этапы развития Руси. Она была всегда тесно связана с Великой степью, с восточными племенами: половцами, печенегами, позднее с монголами. Западные ученые, считая Россию равной по возрасту Америке, ведут ее историю от Московской, а не от Киевской Руси. Эта точка зрения весьма спорна. Однако евразийцы, в частности Трубецкой, также придерживались этого мнения. Между Киевской и Московской Русью общего — только название «Русь». Трубецкой считает, что с географической и хозяйственно-политической точек зрения это были совершенно разные государства, между которыми не существовало исторической преемственности. Идею собирания русских земель, идею Империи московские князья унаследовали не у Византии, а у монголов. К началу XIV в. на смену понятия удельной государственности пришла идея централизованного многонационального государства Руси-России. Оттолкнувшись от империи Чингис-хана, от идеи Золотой орды, Русь обратилась к более близкой ей духовно Византии, под воздействием которой монгольская идея получила православное, русифицированное воплощение.

Евразийцы считали, что, если в духовном плане Русь была тесно связана с Византией, то в геополитическом — с монгольской империей. В геополитическом плане речь следует вести не о византийском, а о монгольском влиянии. По образному выражению П.Я. Савицкого, «Россия — наследница Великих ханов, продолжательница дела Чингиз-хана и Тимура — объединительница Азии» [1, 335].

Россия всегда охотно клонила к Востоку, отвергая западное влияние, которое у русских ассоциировалось с агрессией. По сути, авторитарную форму правления она унаследовала у восточных владык. Петр I, повернув Россию лицом к Западу, оставил за собой восточный тип правления — единоличный, диктаторский.

И все же, несмотря на всю близость к Востоку, Россия — составная часть европейской цивилизации. Начиная с древнейших времен, русское государство формировалось как особый культурно-исторический тип в общем потоке европейской цивилизации. Даже христианизация Руси проводилась с учетом древних традиций и обрядов русичей, их национально-культурного наследия.

«Русская вольница» не имеет ничего общего с азиатской покорностью. Русская гордость и самоуважение гораздо ближе к американскому «self-reliance» — «доверие к себе, опора на собственные силы». И если Хантингтон действительно прав, если, не дай Бог, христианству придется столкнуться с исламом, Россия должна однозначно занять сторону Запада.

Вместе с тем нельзя забывать, что Россия — уникальное геополитическое образование, в которой многочисленные этносы и национальности, как христианские, так и нехристианские, уживались на едином пространстве, составляя социально-экономическую общность — россияне. Лишь толерантность и уважение к другим ценностям, представление о том, что «иной» не «чужой», а «иной» — могут спасти нас от религиозно-культурной катастрофы.

2. Вопреки вышесказанному, сам характер взаимодействия культурологии и геополитики в контексте отечественной интеллектуальной традиции позволяет говорить не только об их принципиальном родстве, но и о глубочайшем стратегическом различии, поскольку культурология исходно ориентирована на софийно-холистический, небесно-космический фактор, о чем может свидетельствовать латинская корневая морфема «ур» в этом слове, однозначно указывающая на уранический характер культовых люминофаний — тогда как геополитика самим значением этого слова принципиально обращена к разделу земли, изначально предполагает глобализированную *игру в захват земли*.

Нельзя недооценивать серьезности каждого из этих аспектов человеческого освоения реальности, но именно их качественное различие представляется очень важным в контексте историсофического и ценностного развертывания отечественной православной мысли, начиная со «Слова о Законе и Благодати» первого русского митрополита Иллариона Киевского. Закон, подобно судьбе, которую не выбирают, пригибает человека к земле — Благодать дает ему сверхъестественные крылья для вечно-ориентированного полета, трансцендирующего фактичность неотменимой и скоротечной земной судьбы.

Эта асимметрия вещественной необходимости и одухотворенной свободы по-своему заявит о себе в полемике иосифлян и заволжских старцев, в которой Г.П. Федотов справедливо узрит «трагедию русской святости», концептуального значения которой не отменяет проникновенная интерпретация этого расщепления В.В. Кожинным в качестве «двуединого света».

Эта же проблематика ярко обозначится у первого русского культуролога — А.С. Хомякова, который в крупнейшем сочинении выделил два макроисторических архетипа (в диалектически-преображенном

виде являющих шопенгауэровско-ницшеанский дуализм «воли» и «представления», «аполлинизма» и «дионисизма»), а именно — «иранство» и «кушитство» [2]. Для первого характерна символика птицы, доминанта словесно-музыкального начала, второй — обуславливает символику змеи, доминирование архитектурно-иероглифического принципа. В разных пропорциях эти типы проходят через всю культурно-цивилизационную историю человечества, причем по мере складывания единой планетарной цивилизации, как отмечал в статье «Догматическое обоснование культуры» замечательный продолжатель хомяковской традиции отец Сергей Булгаков, начала земной тяжести парадоксальным образом одолевают символическую энергичность неба, которое удаляется, становится трансцендентным (на Западе близкие идеи развивали Р. Генон и М. Хайдеггер), а люди, подобно сверстникам библейского Ноя (т. е. допотопному человечеству), пытаются покорить своей магической властью земные пространства и даже вселенную, в чем со всей очевидностью побеждают начала «кушитства», ведущие к реализации апокалиптического сценария.

Н.А. Бердяев считал историософскую дихотомию Хомякова гениальнейшей идеей, высказанной в XIX столетии. И мы видим, что XX в. и современность во многом подтверждают ее диагностическую жизненность, а шпенглеровское различие «культуры» и «цивилизации» находит глубокую предвосхищающую рифму в недрах русской религиозной философии, идущей от Хомякова и его замечательного дружеского окружения (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и многие другие известные авторы).

Учитывая сказанное, очень важно выработать и более корректное отношение к исламу, в котором «иранские» и «кушитские» начала отнесены отнюдь не однозначно в пользу «кушитства». Хомяковская работа «Черты из жизни халифов» и статья Р. Генона «О влиянии исламской цивилизации на Европу» (которые разделяет почти столетие) единодушно указывают на позитивный духовно-нравственный и научно-просветительский характер арабо-магометанского влияния в ранние стадии (на исходе I тысячелетия от Р. Х.) становления того исторического феномена, который О. Шпенглер назовет рождением «фаустовской культуры» с ее арифметикой, алгеброй, астрономией, химией, поэзией и даже переводами Платона и Аристотеля...

Все это показывает очень важную диафоричность нашей исходной темы: если геополитика великолепно работает в рамках локализирующего цивилизационного фактора (А.Дж. Тойнби), выделяя конкретные относительно (или абсолютно) автономные области человеческой жизнедеятельности на поверхности земли — то культурология в глубочайших своих основаниях реконструирует архаический миф о миро-

вом древе, где фундаментальное различие простирается по головокружительной (мистической) вертикали между верхом и низом, а значит важнейший водораздел проходит не между культурными мирами, а — внутри каждого из них. «Крушения цивилизаций, — подчеркивал Тойнби, — это — колеса, на которых Религия поднимается на небеса» («Цивилизация перед судом истории»).

В завершение нашей мысли стоит напомнить, что в христианской истории и «до скончания века» древнейшая осевая символика мирового древа сотериологически преобразуется в Честной Животворящий Крест Господень, о победоносном значении которого свидетельствует вся история России, причем часто вопреки чисто земному положению дел...

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое — славим!»

Литература

1. *Савицкий П.Я.* Степь и оседлость // *Континент-Евразия.* М., 1997.
2. *Хомяков А.С.* Записки о Всемирной Истории // *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5—7. М., 1900.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

С.В. БИРЮКОВ

Галичина: выбор в пользу Центральной Европы?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы цивилизационной и политической самоидентификации Галичины как макрорегиона Украины с особой судьбой и траекторией развития. Рассмотрен противоречивый опыт истории этого региона, побывавшего в составе нескольких государств. Проанализированы основные возможные варианты цивилизационного и политического выбора для жителей трех областей Галичины с учетом современного состояния украинского общества и государства.

Ключевые слова: Галичина, Австро-Венгрия, национализм, национальное движение, Галицкая партия, поликультурализм.

Abstract. The article deals with the problems of civilizational and political identity of Galicia as a macro-region of Ukraine with its specific destiny and path of development. The contradictory experience of the history of this region, which was a part of several states, is considered. Possible variants of civilizational and political choice for the residents of the three areas of Galicia in connection with contemporary situation in the Ukrainian society and state are analyzed.

Keywords: Galicia, Austria- Hungary , nationalism, national movement, Galician party, multiculturalism.

Некоторые проекты, выдержанные в духе «единства стран ЦВЕ», стремятся сочетать идею «общности судьбы» восточноевропейских народов с идеей этнического национализма. Однако, как показали результаты многочисленных исследований в области духовных и общественных наук в XX в., сознание собственной этнической идентичности в каждом конкретном случае является результатом современного процесса развития, что предопределяет очевидно «искусственный» характер любой современной версии «возрожденного этнического национализма» [1, 86]. Последнее создает широкий простор для политических технологов и социальных инженеров, стремящихся сегодня конструировать и «возродить» этнические общности там, где они никогда не существовали. В итоге на место традиционной этнической идентичности все чаще приходит искусственно созданная политизированная идентичность, поддерживаемая национальными элитами с по-

мощью «техники политических мифов» [2]. Таким образом, современный примордиальный этнический национализм нередко оказывается продуктом сознательного идеологического конструирования и одновременно симулякром, нацеленным скорее на приобретение политических дивидендов, нежели на выражение интересов какой-либо этнической общности.

Одним из восточно-европейских регионов, претендующих на свою «долю» культурно-исторического наследия Австро-Венгрии, является современная украинская Галичина. Вместе с тем претензия на право считаться полноценной частью Центральной и Восточной Европы сочетается со стремлением многих представителей галичанского субэтноса выступать в роли наиболее пассионарных и сознательных носителей «украинской идентичности», суть которой, по их убеждению, искажена в остальной Украине.

Подобные претензии иногда принимают весьма политизированную форму. Примером этому — творчество довольно небезывестного украинского писателя, уроженца Станислава (Ивано-Франковск), лауреата немецкой премии Гердера Юрия Андруховича. В своих статьях и эссе он настойчиво проводит в жизнь тему принадлежности Западной Украины и прежде всего Галичины к Центральной Европе, а также о благотворности австрийского влияния на судьбу галичан [3, 61; 4]. Некоторые из выводов писателя звучат достаточно полемически. Юрий Андрухович убежден в том, что «Крым и Донбасс политически являются частью российской нации, поэтому надо дать возможность этим регионам отделиться от Украины».

Действительно, Галичина — особый регион из трех областей (Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская), выделяющийся благодаря своей особой «миссии» и роли в рамках политического пространства современной Украины. Она в течение многих лет была частью Австро-Венгрии и Польши, подвергалась культурному воздействию со стороны целого ряда европейских народов. Этот самобытный культурный регион никогда не был частью Российской империи, или «русского мира», и уже несколько столетий вышел за рамки «православного мира», приняв униатское (греко-католическое) вероисповедание. Как результат, в Галичине сложился особый культурно-исторический тип, заметно отличающийся от остальной Украины. Лишь политическая воля И. Сталина привела к включению этой исторической области в состав СССР в 1939 г., что было возобновлено в 1945 г. В то же время большая надднепрянская Украина, вопреки замыслу советского и украинского партийного руководства, не смогла ассимилировать и интегрировать в себя маленькую пассионарную Галичину. Именно в этих краях зародилась и до середины 1950-х гг. дей-

ствовала Украинская повстанческая армия (УПА), а в советские времена сложилось сильное национально ориентированное диссидентское движение, которое сформировало необходимый идеологический фундамент для независимости Украины. После обретения Украиной государственной независимости в конце 1991 г. именно Галичине была делегирована роль ключевого разработчика государственной идеологии и концепции культурно-образовательной политики, в то время как «донецким» была доверена миссия контроля за экономическими ресурсами и разработки перспективной экономической стратегии страны. Так или иначе, Галичина — весьма активный политический регион, продолжающий активно влиять на политическую ситуацию во всей Украине. Подтверждением этому является успех на общеукраинских парламентских выборах осени 2012 г. имеющего галицкие корни радикально-националистического ВО «Свобода» (10,44% голосов), представители которого впервые сумели пройти в парламент — что вызвало мощный и неоднозначный резонанс не только в самой Украине, но и во многих сопредельных государствах.

Но соответствует ли действительности сам «миф о Галичине» и какова его суть? По мнению известного украинского историка, литератора и журналиста Олесь Бузины, традиционная национально-ориентированная схема украинской истории, изображающая Галичину как «украинский Пьемонт» — своего рода «землю обетованную», зародилась идея украинской независимости, имеет весьма общего с реальностью. По версии Бузины, образ Пьемонта появился в сознании немногочисленных галичанских идеологов-пассионариев лишь во второй половине XIX в., когда Галиция принадлежала Австро-Венгрии, а официальная Вена после ряда военных поражений была вынуждена признать независимость ранее принадлежавшей ей Италии.

Реальный Пьемонт сыграл в итальянском государственном возрождении выдающуюся роль, будучи наиболее развитым регионом Италии и независимым еще до начала победной войны против Австрии. В результате ряда политических и военных успехов правитель Пьемонта Виктор-Эммануил отобрал у имперской Вены Венецию и Ломбардию и короновался в Риме как итальянский король. В итоге Италия обрела государственное единство и независимость благодаря усилиям Виктора-Эммануила, премьер-министра Кавура и карбонария Гарибальди, совершившего свой знаменитый поход на Рим.

По глубокому убеждению О. Бузины, Галичина конца XIX столетия объективно не могла претендовать на роль «славянского Пьемонта». Она оставалась глубоко периферийным владением Австрийской империи, не обладая промышленностью и имея не самое

развитое по имперским меркам сельское хозяйство. Административная власть в Галичине принадлежала австрийским чиновникам из далекой Вены. Власть на местах находилась в руках польских помещиков (своего рода нотаблей), из числа которых традиционно назначался губернатор Галиции. Собственно же украинское население Галичины (именуемое в Австро-Венгрии рутенами) проживало по преимуществу на селе. В городах, как и во всей тогдашней Польше, преобладали немцы (австрийцы), поляки и евреи. В том же Львове украинцам запрещалось владеть домами, кроме как на одной улице, состоять в цехах, торговать целым рядом наиболее ходовых товаров. В отсутствие перспектив на модернизацию и на национальное возрождение, украинцы Галичины объективно не могли претендовать на роль генератора «украинского проекта» [5].

При этом значительную роль в формировании мессианского по своему характеру сознания галичан, по мнению Бузины, сыграло именно польское влияние, которое было достаточно сильным с момента занятия поляками Львова при Казимире Великом. Рутены, исповедовавшие православие, рассматривались как недостаточно интегрированный «элемент», что делало их объектом прозелитической активности.

«Хроніка міста Львова», написанная в XIX в. униатом и львовским шляхтичем Денисом Зубрицким, на которую ссылается О. Бузина, показывает процесс превращения православного населения Галичины в католиков и униатов [6].

Именно польское влияние помешало Галичине стать местом создания идеологии украинского национального движения. Большинство идеологов этого движения были уроженцами Центральной и Восточной Украины (главным образом Черниговщины и Полтавщины), а также Новороссии. Так, автор программной «Самостійної України» Николай Михновский — сын православного священника из села Туровка Полтавской губернии. А творец знаменитого «Націоналізма» Дмитрий Донцов — имевший русские и немецкие корни уроженец южноукраинского Мелитополя.

Как ни парадоксально, начало собственно галицкого возрождения было в значительной степени связано с общерусским (великорусским) влиянием, породив так называемое движение «москвофилов», подавленное Австрией в 1915 г. благодаря жестоким репрессиям против его участников (печально знаменитые феномены Галергофа и Терезина). Именно в противовес ему началась украинизация Галичины, которую стимулировали австрийцы при участии все той же польской элиты.

В то же время, несмотря на активные усилия по превращению Галичины в культурный и языковой «эталон» для остальной Украины, до

сегодняшнего дня самобытная галицкая культура, литература и диалект не сблизилась окончательно с культурой, литературой и языком остальной, большей части Украины. Галичина, как и прежде, живет своей особой политической и культурной жизнью, отдавая предпочтение политическим деятелям национально-демократического и национально-радикального (в последнее время) толка. При этом ни один из собственно львовских политиков до О. Тягнибока и не пытался заявить претензии на общеукраинское лидерство, а министры-культуртреггеры из Галичины не сумели в полной мере реализовать себя и добиться общеукраинского политического признания. Писателям, художникам и музыкантам из Львова и других мест Галичины (за исключением знаменитой рок-группы «Океан Эльзи» и ее лидера С. Вакарчука) достаточно сложно добиться признания в масштабах всей Украины [7].

При этом сознание Галичины, претендующее на «всеукраинскость», живет за счет определенного комплекса исторических и политических мифов, которые поддерживают в нем идею избранности и генерируют определенную пассионарность. Последним, благодаря австрийскому и польскому влияниям, а также драматическим событиям 1939—1956 гг. на Западной Украине была придана ярко выраженная антироссийская направленность, сохраняющаяся и поныне. Среди них — миф о «Василе Вышиванном» (австрийском эрцгерцоге Вильгельме фон Габсбурге), заявившем о себе кандидате на гипотетический украинский «престол», который в 1930-е гг. контактировал с украинскими националистами из ОУН Е. Коновальцом и А. Мельником, а затем скончался в советском плену в Киеве. А равно — миф о «Сечевых стрельцах» (украинском подразделении в составе австрийской армии времен Первой мировой войны, которое для его приверженцев являлось прообразом самостоятельной украинской армии). Наконец, к этому же ряду принадлежит миф о Западно-Украинской Народной Республике (1918—1919) и «Карпатской Украине» (1939) — самопровозглашенных и недолго просуществовавших образованиях, в которых для их приверженцев проглядывается прообраз современной украинской государственности. Наконец, миф об «освободителях» Украины, лидерах ОУН—УПА Р. Шухевиче и С. Бандере, который сегодня способен расколоть молодую украинскую нацию. Тем не менее без этих идеологических конструкций сегодня сложно представить политический имидж и политическую идентичность Галичины.

Своеобразный комплекс Львова и Галичины существует и у остальной Украины. По мнению львовского журналиста и политолога Владимира Павлива, наблюдения за этой тенденцией дают возмож-

ность определить пять основных групп, которые особенно не любят галичан — «т. е. тех, для кого галицкая идентичность является очень важной».

1. Профессиональные украинцы не любят галичан, потому что те мешают их карьерному росту. И их можно понять. В свое время профессиональные украинцы во главе с профессором Михаилом Грушевским столько инвестировали денег и усилий в украинизацию галичан и малороссов, что сейчас недоукраинизированные галичане и малороссы — это, по мнению их последователей, просто верх неблагодарности. А к тому же это еще и угроза для «профессиональной» карьеры. Ведь современный профессиональный украинец живет на дивиденды, которые дают те старые инвестиции. Слишком ограничены для работы интеллектуальной и слишком ленивы к труду физическому, они лучше всего умеют публично любить Украину и гордиться своей украинскостью.

2. Русские империалисты не любят галичан, потому что те не укладываются в матрицу «русского мира». И их можно понять. Известно, что русские привыкли к мысли, что они не завоевывают и не угнетают, а несут всем народам братскую помощь и благодать. Как сказал один чешский мыслитель, сначала русские все русское называли славянским, чтобы потом все славянское назвать русским.

3. Малороссы не любят галичан точно так же, как сонный человек не любит, когда его будят для рабочих будней. И их можно понять. Приднепровские племена заплатили немалую цену, чтобы стать русскими. Потом еще большую, чтобы стать казацким народом. И только когда стали народом малорусским в государстве великорусском, смогли почувствовать себя более или менее спокойно». И тут только прижились, как из них снова захотели сделать что-то другое — украинцев, и снова ценой страданий и потерь. Наконец-то с братьями-великороссами нашли консенсус: украинец — это тот же малоросс. Ну и хорошо. Тут какие-то галичане тоже заявляют, что и они украинцы. Да еще истиннее малороссов. Но все понимают, что два таких разных типажа нельзя называть одним именем. И галичане, и малороссы хорошо понимают, что украинцы — кто-то один из них. Галичане — меньшинство, поэтому должны уступить большинству, но не хотят. Ну за что их любить?

4. Поляки-шовинисты никогда не любили галичан. И их можно понять. При Австрии не любили галичан и дразнили их «галилейчиками» или «шварцгельберамами» за верность Габсбургам. В Австро-Венгрии во времена автономии Галичины не могли смириться с тем, что русины хотели ее разделения на восточную и западную. Ведь это должен быть польский Пьемонт, а галицкие русины хотели свой Пьемонт. По-

том поляки столько сил вложили в проект «Украина», что любой галицкий проект для них просто национальное оскорбление и отрицание столетних усилий. Не говоря уже о традициях польского романтизма, согласно которому где-то там, над Днепром, живет милый их сердцу дикий и пьяный казак и крепостной в вышиванке, а в Галичине живут «резуны», бандеровцы и, что там греха таить, конкуренты в претензиях как на культурное наследие этой земли, так и на ее католическое лицо. Как же можно таких любить?

5. Галичане-«невозвращенцы» не любят галичан, которые хотят перемен. И их можно понять. Каждый человек всегда хочет жить лучше (по крайней мере, чем другие). В Галичине на протяжении десятилетий всем жилось плохо, поэтому достичь желаемого результата можно, только убегая на заработки в Америку или в Европу, или в Киев или в Россию. Поэтому «невозвращенцам» бедная и «зацофаная» Галичина нужна как пункт отсчета при отмеривании того, насколько им стало жить лучше.

Для преодоления подобной ситуации и подобного к себе отношения, галичане, по мнению Павлива, должны заявить во весь голос о себе как о народе реально существующем, народе со своими особыми амбициями и чувством достоинства [8].

Развивая идею «галичанского выбора», Павлив предлагает собственное обоснование принадлежности Галичины к цивилизационному пространству Центральной и Восточной Европы. В своих произведениях львовский журналист и политолог последовательно отстаивает теорию ментально-культурной «отдельности Галичины» и обращается к воображаемому галицкому народу. Выступает за широкую автономию Западной Украины или Галиции, считая галичан отдельной общностью, с общими культурой, ментальностью, традицией [9]. По мнению Владимира Павлива, большинство избирателей Галичины и Львова являются носителями консервативно-либеральных или либеральных взглядов, а не националистических, но не отстаивают их активно. Галичане покорны власти и богобоязненны. Они вложили много усилий в украинский проект, и поэтому им трудно начать новый собственный галицкий проект. Галицкий проект должен быть направлен на построение Галичины в составе всей Украины, «или в каком-то другом виде», и соответствовать интересам Галичины. Галицкий политикум должен сосредоточиться в первую очередь на интересах Галичины, а не Украины [10; 11].

В отличие от радикальных националистов из доминирующего в трех областях Галичины ВО «Свобода», Владимир Павлив выступает за «возрождение традиций галицкой толерантности и мультикультур-

ности, поликонфессиональности и гармоничного сосуществования представителей различных этнических групп и субэтносов, населяющих ныне Галичину» и против «идей реваншизма, неонацизма и других экстрем», за «развитие местного патриотизма без деления по признакам национального происхождения, создание гражданского общества в регионе» [12].

По мнению Владимира Павлива, до середины XIX в. политической элиты «фрусской Галичины» не существовало, кроме небольшой группы интеллигенции, связанной с клерикальными кругами. После проникновения светских идей либерализм не успел закрепиться, поскольку эта традиция была уничтожена украинским национализмом.

Поддерживает суждения Павлива и другой видный львовский журналист и политолог Остап Дроздов, также позиционирующий себя в качестве либерала и противника галичанской версии украинского национализма. Дроздов также призывает Галичину к дистанцированию от украинского проекта с целью сосредоточения на самой себе как части центрально-европейского (восточно-европейского) пространства. Примечательно, что данная установка увязывается львовским экспертом с необходимостью для Галичины дистанцироваться от остальной Украины как части Евразии, угрожающей, по его мнению, галичанской идентичности. В роли цивилизационной границы должна выступить знаменитая река Збруч — символический рубеж между Европой и Азией, между цивилизованными и варварами, «санитарный кордон между претенциозной Галицией и остальной страной. Збруч — это естественное место стыка социокультурных и ментальных идентичностей. Ранее российско-австрийской, затем советско-польской границей Збруч в современной конфигурации является крайней границей Европы... После Збруча начинаются необъятные просторы Евразии. За Збручем — грандиозный целостный материк, сильный и структурированный» [13].

Политическое будущее Львова как столицы Галичины, по мнению Дроздова, не связано с утверждением идеологии украинского национализма: «Мирное будущее Украины зависит от глубины переосмысления формулы двунационального государства. А значит, выгонять москалей в Москву и паковать им чемоданы может только враг Украины. Или в львовском случае — слепой... Националистический Львов — это технология уничтожения Львова; это добровольный аборт из украинского тела и, в принципе, это должно было бы устроить тех, кто хочет ускорить конец проекта “Украина”» [14]. В итоге Львов, долгое время заявлявший о себе в качестве форпоста украинского национализма, способен проявить себя в контексте общедемократической перспективы с отказом от антироссийскости [15].

На наш взгляд, конструктивным выходом из ситуации для Галичины могло бы стать воссоздание наднациональной, полиэтничной и поликонфессиональной галичанской идентичности и основанной на ней регионально-субэтнической и гражданско-политической общности. Подобное решение, реализуя на практике логику «единства во многообразии», могло бы обеспечить мирное и поступательное развитие региона в составе Украины. Однако для этого очевидно требуется воля трех областей Галичины и их элит и прежде всего — их готовность отказаться от негативных стереотипов, связанных с многолетним противостоянием советскому и российскому влиянию вкупе с мессианизмом и политическим менторством образца 1990-х гг. Подобное пере-моделирование галичанской региональной и субэтнической идентичности, как представляется, должно быть связано с решением вопроса о той или иной форме автономии для Галичины в контексте процессов децентрализации на Украине.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Кассирер Э.* Техника политических мифов // Октябрь.1993. № 7.
3. *Андрухович Ю.И.* Центрально-восточная ревизия. М., 2000.
4. *Андрухович Ю.И.* Если победят оранжевые, то Крыму и Донбассу нужно дать возможность отделиться // www.unian.net (22.07.2010).
5. *Бузина О.* Украина — не Галичина. Ч. 1 // <http://www.from-ua.com/voice/45e8a21a5a01e.html>.
6. *Бузина О.* Украина — не Галичина. Ч. 3 // <http://from-ua.com/voice/0cc62ac1c167b.html>.
7. *Бузина О.* Украина — не Галичина. Ч. 5 // <http://from-ua.com/voice/f7fb6ea45b431.html>.
8. *Павлів В.* Кто не любит Галичан? // Киевский телеграф. 2013. 15 марта.
9. *Павлів Володимир:* «Украинский национализм в Галичине брутально придушил ростки либерализма». Интервьюировал Александр Чаленко // http://revizor.ua/news/presidents/20111219_pavliv.
10. *Павлів В.* Націоналізм без націоналістів // http://lb.ua/news/2011/11/08/122977_natsionalizm_bez_natsionalistiv.html.
11. *Павлів В.* Я галицький автономіст, а цілісність Української держави для мене менш цікава // <http://polemika.com.ua/news-93919.html>.

12. *Павлів В.* Рух відродження Галичини // [www. zaxid.net](http://www.zaxid.net) (28.12.2012).
13. *Дроздов О.* Геть від України-Євразії // <http://www.federal-ukraine.com/articles/0004.php>.
14. *Дроздов О.* Львов, который не является Львовом // www.alternatio.org (6.07.2013).
15. *Дроздов О.* Львів антиросійський — 3. Агонія // http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?lviv_antirosiyskiy__3_agoniya&objectId=1050758.

А.А. ФЕДОТОВ

Империализм начала XX в. в формировании геополитики начала XXI в.

Аннотация. Сегодня практически не разработана проблема рассмотрения современной геополитики в контексте империализма начала XX в. Вместе с тем такая взаимосвязь очевидна. Говоря о влиянии империализма начала XX в. на современную геополитику, необходимо отметить, что оба этих термина — империализм, в современном понимании, и геополитика — возникли практически одновременно на рубеже XIX — XX вв. Работы по империализму В.И. Ленина, Д.А. Гобсона, Р. Гильфердинга, К. Каутского во многом актуальны и сегодня.

Ключевые слова: империализм, геополитика, империя, глобализация, государство, суверенитет, доминион, колония, экспансия, монополия, транснациональные корпорации, коммунизм, нацизм.

Abstract. Nowadays the problem of consideration of the modern geopolitics in the context of the imperialism of the beginning of the 20-th century is practically not developed. At the same time such interconnection is evident. Speaking about the impact of the imperialism of the beginning of the XX-th century on the modern geopolitics it should be noted that these both terms — the imperialism in the modern conception and the geopolitics — appeared practically simultaneously at the turn of the XIX — XX-th centuries. The works on the imperialism of V.I. Lenin, D.A. Gobson, R. Gilferding, K. Kautskij are in many respects instant today.

Keywords: imperialism, geopolitics, empire, globalization, state, sovereignty, dominion, colony, monopoly, transnational corporations, communism, Nazism.

Человечество с древнейших времен знает такую форму государственного устройства, как империя, объединяющая в своих границах государственные образования с разным уровнем культурного, политического и экономического развития. Многие из завоевателей Древнего мира мечтали о создании всемирной империи. Но лишь к началу XX в. появились исторические и экономические предпосылки для реальной возможности ее создания.

В XX в. можно выделить три основных попытки создания всемирных империй: Британская империя, государство всемирной диктатуры пролетариата (с центром в Советской России), гитлеровская Германия.

Каждая из них имела свои особенности. В отношении четвертой попытки (США), которая продолжает свое развитие и в XXI в., необходимо отметить, что она, в силу процесса исторического развития, во многом приняла уже иные формы.

Возникновение на рубеже XIX—XX вв. империализма нового типа было связано, в первую очередь, с появлением разного рода монополий. Как писал В.И. Ленин, к началу XX в. «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) во всем мире» [1, т. 30, 320—321]. Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки и финансовая олигархия.

На примере Британской империи и США мы можем видеть убедительное подтверждение этим наблюдениям В.И. Ленина. И приход в Германии к власти Гитлера был невозможен без первоначальной поддержки его магнатами капитала, от зависимости которых он потом освободился. Однако характерно, что в Советской России самый непримиримый критик монополий создал монополию правящей партии на все ресурсы государства, в том числе и людские, все банки были государственными и играли лишь исполнительские функции.

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия. Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX в., но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время — США, являют нам прикрытый пример монополизации власти надправительственными структурами, то правящие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

Глобализация экономики в начале XX в. служила процессу создания единого мирового рынка. В своей книге «Империализм», написанной в 1902 г., Д.А. Гобсон говорил о существовании предпосылок для

начала мировой войны — Британская империя теряла свое могущество, возникал новый центр силы — объединенная Германия, которая опоздала к империалистическому разделу мира и теперь желала передела сфер влияния. Военной и экономической мощи Британской империи было явно недостаточно для сохранения захваченных ею огромных территорий. Между тем появились новые государства, проводящие активную империалистическую политику и желающие передела мира. В.И. Ленин, работа которого «Империализм, как высшая стадия капитализма» была написана незадолго до начала войны, утверждал, что быстрое развитие империализма обусловило мировую войну: «*Капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, ибо без насильственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы*» [1, т. 27, 172—173].

В.И. Ленин и Н.И. Бухарин еще в преддверии Первой мировой войны ставили вопрос о возможности в ее итоге перехода власти к «рабочему классу», а точнее, к тем политическим силам, которые выступали на мировой арене от его имени и являлись еще одной формой монополистов — монополистами «бренда» «рабочий класс», и которыми была предпринята попытка использования мировой войны для создания всемирного государства диктатуры пролетариата.

Таким образом, эта война связывалась не только с желанием передела рынков и сфер влияния, но и с возможным переходом власти к новым политическим силам, позиционирующим себя «пролетариатом», желающим подчинить себе все сферы человеческой жизни. В то же время в 1914 г. К. Каутским была выдвинута теория ультраимпериализма, которая отрицает ленинское положение о том, что империализм — последняя стадия развития капитализма, канун социальной революции пролетариата, и призналась возможность наступления вслед за империализмом следующей фазы развития капитализма, которая именуется ультраимпериализмом.

XX в. был временем появления иных ценностей; он требовал появления государственных лидеров нового типа. Первая половина XX в. была, без сомнения, самым кровавым периодом во всей истории человечества. Две мировые войны, революции и гражданские войны унесли многие десятки миллионов человеческих жизней. Казалось, что человечество уже бесповоротно вступило на путь самоуничтожения, что неминуемы третья мировая война и ядерная катастрофа. И естественно, этот период всемирной истории выдвинул совершенно иной тип государственного лидера — гениального, но беспощадного, чуждого милосердию и гуманизму, основывающего свою власть на диктатуре и терроре, на страхе и насилие.

Шла как бы селекция тех, кто может стать лидером объединенного мира, а в том, что мир должен быть объединен в единое пространство, сходились все наиболее значимые политические деятели, их разделяли лишь взгляды на то, на каких основаниях должно произойти это объединение. Впрочем, и те, кто выступал с позиций капиталистического империализма, и те, кто выступал с позиций его кажущегося антипода — империализма «пролетарского», были едины в том, что в новом мире уже нет места самодержавным династиям.

В результате Первой мировой войны прекратила свое существование не только Российская империя, но и Австро-Венгерская, Османская и Германская (впрочем, Веймарская республика еще продолжала именоваться Германской империей).

Все эти политические изменения происходили на фоне перемен в самом взгляде на мир. «В мире нет ничего, — учил В.И. Ленин, — кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [1, т. 14, 162]. Основатель антропогеографии Фридрих Ратцель писал: «Всеобщие законы распространения жизни охватывают также законы распространения жизни человеческой. Поэтому антропогеография мыслима только как отрасль биогеографии, и целый ряд биогеографических понятий может быть непосредственно перенесен на вопросы о распространении человека» [2, 8]. Позднее В.И. Вернадский развил на основании идей Эдуарда Леруа и Тейяра де Шардена учение о ноосфере. В частности, он писал: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности... Лик планеты — биосфера — химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно... Человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...» [3, 8].

Ценность конкретной человеческой жизни при таком подходе, когда все человечество представлялось всего лишь геологическим, или биогеографическим, явлением, становилась все более ничтожной в глазах тех, кто строил новый мир.

На политической карте мира начала XX в. наглядно видно подтверждение словам Д.А. Гобсона о том, что «особенность современного империализма, рассматриваемого с политической точки зрения, заключается, главным образом, в том, что его одновременно осуществ-

ляют несколько народов. Наличие целого ряда соперничающих в этом отношении государств — совершенно новое явление. Основная идея империи в древнем и средневековом смысле слова заключалась в федерации государств под гегемонией одного из них, обнимающей весь известный и признанный мир, как его понимал Рим в своем термине «рах гомана». Империя отождествлялась с интернационализмом, хотя она и не всегда основывалась на идее равенства народов» [4, 22—23]. С тех пор произошли существенные изменения. «Современный империализм отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вождями политическою экспансии и коммерческою наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов денежного капитала над чисто-торговыми интересами» [4, 242].

Как писал в своей книге «Закат Европы» Освальд Шпенглер, «деньги подходят к концу своих успехов и начинается последняя схватка, в которой цивилизация принимает свою завершающую форму: схватка между *деньгами и кровью*. Силу может ниспровергнуть только другая сила, а не принцип, и перед лицом денег никакой иной силы не существует. Деньги будут преодолены и упразднены только кровью» [5, 971]. И попытка строительства всемирного государства диктатуры пролетариата, в котором в будущем деньги вообще должны были исчезнуть, началась именно с красного террора.

Впрочем, и в западном империализме уже в начале XX в. деньги все больше превращались в отвлеченное понятие, не связанное с конкретными процессами производства и потребления. Тот же Освальд Шпенглер писал: «Мышление деньгами порождает деньги, которые не чеканятся, но мыслятся в качестве центров действия, будучи базированными на жизни, внутренний ранг которой возвышает мысли до значения фактов. Мышление деньгами порождает деньги: вот в чем тайна мировой экономики. Если организатор большого стиля пишет на бумаге: “миллион”, — этот миллион уже имеется, ибо сама личность этого человека в качестве экономического центра служит ручательством повышения экономической энергии его области. Именно это, а не что-то иное означает для нас слово “кредит”» [5, 959].

В основу идеологии нацистской Германии легли процессы, обличаемые в начале XX в. Р. Гильфердингом: «Идеал теперь — обеспечить собственной нации господство над миром: стремление столь же безграничное, как то стремление капитала к прибыли, из которого оно возникает. Капитал становится завоевателем мира, но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. ...в расовой идеологии

стремление финансового капитала к власти приобретает оболочку естественно-научной обоснованности, его действия получают благодаря этому вид естественно-научной обусловленности и необходимости. На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» [6, 399—400].

На первый взгляд может показаться, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. Говоря о положении ее доминионов, К. Каутский писал, что их население имеет больше прав, чем в европейских демократиях [7, 44—45]. Впрочем, даже и для Индии К. Каутский видел пользу от английского империализма.

Империалистическая политика оказывала разрушительное влияние и на древнюю китайскую культуру. Как отмечала Роза Люксембург, открытие Китая для торговли, начавшееся войной из-за опиума, закончилось целой серией «аренд» и китайской экспедицией 1900 г., в которой торговые интересы европейского капитала превратились в явный международный грабёж китайских земель [8, 279]. «Дымящиеся развалины самых крупных и старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли» [8, 281].

При внимательном рассмотрении мы увидим, что теоретики империализма предполагали неизбежным в будущем создание единого государства, разница была лишь в том, какой они видели форму управления им.

В.И. Ленин считал, что империализм — это умирающий капитализм, он верил в неизбежность социальной революции, которая в самое ближайшее время изменит лицо всего мира. И нельзя не отметить, что ему удалось стать одним из создателей государства, ставшего империей абсолютно нового, неизвестного истории типа, что именно Ленина, как позднее Сталина, признавали вождём мирового пролетариата. Но Советский Союз, государственное строительство которого было осуществлено И.В. Сталиным, оказался, по всей видимости, совсем не той формой общественного устройства, о которой мечтал В.И. Ленин. Идея мировой победы пролетариата с упразднением государств и нахождением центра власти в Москве на практике так и не была никогда реализована. СССР оказался фактически тем же имперским образованием, просто совершенно иного типа, чем те, которые существовали до него, а империализм, принявший новые формы, оказался намного более жизненным, чем идея социальной революции, а следо-

вательно, мнение В.И. Ленина об империализме как умирающем капитализме оказалось преждевременным.

Итак, крайними проявлениями попыток создания всемирного государства в XX в. явились нацистская Германия и попытка мировой социалистической революции, увенчавшаяся победой в ряде стран, в первую очередь, в СССР. В сущности, обе попытки суть подтверждения диалектического принципа о единстве и борьбе противоположностей и представляют собой две стороны одной медали. И в том и в другом случае мы можем видеть порабощение основных масс народа, истребление несогласных — с конечной целью создания всемирного «идеального» государства.

В обоих этих государствах присутствовало неравенство людей. В первом случае это неравенство строилось по национальному признаку, во втором — по сословному: по первой Советской Конституции голос рабочего «стоил» четырех голосов крестьянина, а огромные массы людей были лишены избирательных, а в реальности и вообще всяких прав.

В обоих случаях развитие индустриальной сферы происходило с задействованием неизвестных до того мировой истории масштабов принуждения к труду, основной массе людей было отказано в праве на достойную жизнь, они были превращены фактически в рабов правящей партии, в которой, с ее развитием, все меньшее число людей имело возможность реального принятия решений. Истоки этих режимов — в империализме рубежа XIX — XX вв.

Но есть и третья грань — это современные глобализационные процессы, осуществляемые под эгидой США, которые Майкл Хардт и Антонио Негри в своей весьма интересной монографии назвали «империей».

Как они писали, «под “Империей” мы понимаем нечто, совершенно отличное от “империализма”. Границы, определенные системой национальных государств современности, были основой европейского колониализма и экономической экспансии: территориальные границы нации определяли центр власти, из которого осуществлялось управление внешними территориями — территориями других государств — через систему каналов и барьеров, то способствовавших, то препятствовавших потокам производства и обращения. В действительности империализм был распространением суверенитета национальных государств Европы за пределы их собственных границ. Переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это — децентрализованный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат

управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменов посредством модулирования командных сетей. Различные национальные цвета на карте мира времен традиционного империализма размываются и сливаются в радугу глобальной империи» [9, 12]. «Многие полагают, что роль центра власти, управляющего процессами глобализации и стоящего во главе нового мирового порядка, принадлежит Соединенным Штатам. Если девятнадцатый век был британским, то двадцатый век стал американским, или, вообще говоря, если современность была европейской, то постсовременность является американской» [9, 13].

Новая империя действует полицейскими методами, даже самые масштабные военные действия представляя лишь необходимыми мерами по поддержанию международного порядка. Как пишут М. Хардт и А. Негри, «сегодня Империя возникает как центр, поддерживающий глобализацию сетей производства, она далеко забрасывает свой широкий невод, стремясь подчинить себе все властные отношения внутри имперского мирового порядка, развертывая в то же самое время мощные полицейские силы, направленные против новых варваров и восставших рабов, угрожающих ее порядку» [9, 33—34]. «Моральное вмешательство часто служит первым актом, готовящим сцену для военной интервенции. В подобных случаях использование военной силы преподносится как санкционированная мировым сообществом полицейская акция. Сегодня военное вмешательство во все меньшей мере оказывается результатом решений, исходящих от структур старого международного порядка или даже от ООН. Гораздо чаще оно предпринимается по одностороннему повелению Соединенных Штатов, которые берут на себя решение основной задачи, а затем просят своих союзников приступить к процессу военного сдерживания и/или подавления нынешнего врага Империи. Чаще всего этих врагов называют террористами, что являет собой грубую концептуальную и терминологическую редукцию, коренящуюся в полицейской ментальности» [9, 48].

Современный империализм использует средства принуждения качественно иного уровня, чем сто лет назад. «Теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и так далее) и тела (через системы соцобеспечения, мониторинг деятельности и тому подобное), формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений. Таким образом, общество контроля характеризуется интенсификацией

и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей» [9, 36].

Качественно иного уровня достигли и современные монополии. «Деятельность корпораций больше не определяется применением абстрактного принуждения и неэквивалентного обмена. Скорее, они напрямую структурируют и соединяют территории и население. Они стремятся к тому, чтобы превратить национальные государства всего лишь в инструменты учета приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков товаров, денег и населения. Транснациональные корпорации напрямую распределяют рабочую силу по различным рынкам, размещают ресурсы на основе функционального принципа и иерархически организуют различные секторы мирового производства» [9, 43].

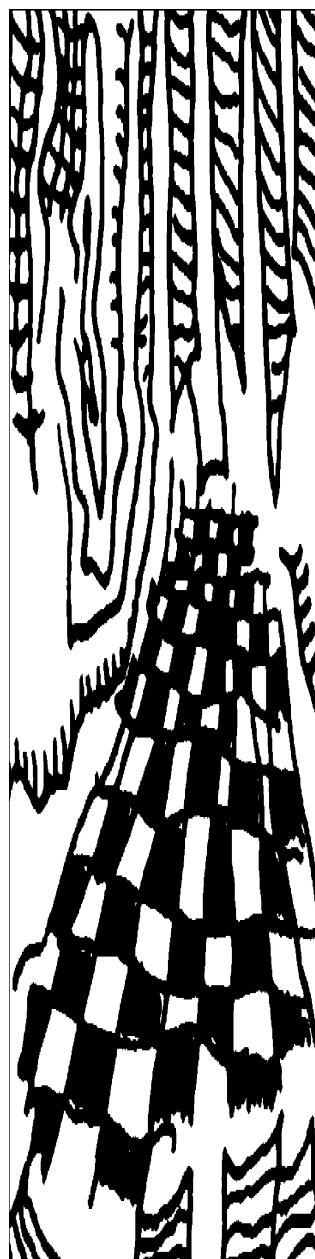
Сегодня еще преждевременно говорить о реальной возможности создания всемирного государства, с учетом возникновения новых политических сил, в первую очередь, Китая, хотя исторические и экономические предпосылки такой возможности намного более четко очерчены, чем в начале XX в.

Литература

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
2. *Ратцель Ф.* Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011.
3. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993.
4. *Гобсон Д.* Империализм. Л., 1927.
5. *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М., 2010.
6. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924.
7. *Каутский К.* Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917.
8. *Люксембург Р.* Накопление капитала. Т. 1, 2. М.; Л., 1934.
9. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.

VI

**АКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

М.Ю. ЛАЧАЕВА

О нашей революции

Аннотация. Статья посвящена книге Г.Р. Наумовой, К.В. Иванова, А.В. Никонова «Две ветви власти в России и социальная политика 1990-х годов». В статье анализируется роль, которую сыграли российская исполнительная и законодательная ветви власти в судьбе страны в последнее десятилетие XX в., формировании постсоветской социально-экономической модели.

Ключевые слова: социальная политика, социальные задачи, исполнительная власть, законодательная власть, модель социального развития страны, кризис 1998 г., реформы 1990-х гг., реформаторы.

Abstract. This communication is about book of Naymova G.R., Ivanov K.V., Nikonov A.V. «Two branches of power in Russia and the social policy in 1990-s». In this communication substantiate consequences of effect of executive and legislative powers policy towards the situation in social and economic spheres of the country and the formation of post-soviet model.

Keywords: social policy, social problems, executive power, legislative power, the modal of social development of the country, the crisis of 1998, reforms of 1990-s, reformers.

Введение. Всеобщее стремление потреблять и глубинные основы хозяйствования. Революция как реальность. Революции, как известно, происходят тогда, когда дает сбой инстинкт национального самосохранения, что, собственно, случилось в нашей стране в конце прошлого столетия. Как это может ни показаться парадоксальным, но в небольшой степени этому поспособствовали впечатляющие исторические головокружительные взлеты и провалы советского общества, контраст от наблюдения которых болезненно воспринимался в условиях всеобщего стремления «потреблять», дополнявшегося у «верхов» общества желанием «владеть» тем, чем раньше они только «управляли» [1, 36]. Свершившийся практически одновременно революционный переход от одной социальной системы к качественно новой социальной системе еще больше обострил противоречия. Размышления авторов рецензируемой книги о природе и характере произошедшего с нашей страной и нами носит по существу диагностический характер и исследует состояние социального организма России в первой половине 1990-х гг.

К концу советского периода у советских людей уже сложилось определенное представление о «звездных часах» советского государства, которые отражали реальные достижения. К числу безусловных успехов советского общества относится индустриализация, осуществленная в сравнительно короткие исторические сроки. Так, в конце 1930-х гг. СССР выходит на второе место в мире по объему национального дохода после США и по многим показателям обгоняет Францию, Англию и Германию [1, 15]. К середине 1950-х гг. в Советском Союзе возобладали производство развитого индустриального типа, где важная роль отводилась науке. Ее высокий потенциал определяли кадровые, материальные и информационные ресурсы страны. В формировании таких наукоемких производств, как атомная энергетика, ракетостроение, радиоэлектроника и некоторые другие, ставших визитной карточкой научно-технической революции и технологическими критериями позднемодернизационной (научно-индустриальной) модернизации, СССР опережал Западную Европу [2, 21—22].

Вместе с тем научно-индустриальный период развития, в который СССР вступил в послевоенные годы, формировал принципиально новую ситуацию. В условиях расширения масштабов производства и повышения динамики развития производительных сил, а также усложнения их структуры, советское общество столкнулось с необходимостью получения определенности в организации производства. Поскольку научно-индустриальное производство нуждалось в высокообразованных, инициативных, сознательных и ответственных работниках, происходили изменения в соотношении людей, занятых репродуктивным и творческим трудом. Становился массовым слой высококвалифицированных специалистов, который требовал качественно иных отношений в социальной сфере. Таким образом, ключевой становилась социальная сфера. В случае ее своевременного поступательного развития она была призвана обеспечивать благоприятные условия для принятия эффективных решений оптимизации производства. Однако, начиная с 1970-х гг., по мере исчерпания возможностей для экстенсивного роста материальных и людских ресурсов, экономическое развитие СССР замедляется.

Столкнувшись с новыми задачами и оставаясь в рамках действовавшей советской модели «нерыночной системы хозяйства с централизованным вертикальным управлением и перспективным планированием при отсутствии горизонтальных связей между производителями и потребителями продукции» [1, 15], государство должно было определиться в проводимой политике. Ему предстояло найти некий компромисс между «свободой», предоставляемой им производителю в новых экономических условиях, и «необходимостью» осуществления идеоло-

гического и организационно-материального воздействия на того же производителя, от которого было сложно отказаться. Сбалансированного решения не нашлось. Жизненную реальность определяли научно-техническая и социальная политика партии и государства, осуществившие к этому времени уже огосударствление всех сфер общественной жизни. По-прежнему основой хозяйственного механизма оставались директивные задания. Осуществлявшиеся программы интенсификации экономики за счет автоматизации и механизации производства носили административно-бюрократический характер. В результате многолетнего функционирования планово-централизованной модели хозяйствования сформировалась характерная ориентация на экстенсивный тип развития, которую неизбежно сопровождали присущее этому типу ресурсорасточительство, увлечение внеэкономическими технократическими решениями. Их основным негативным следствием стала недооценка роли человеческого фактора [1, 29]. Последствия были столь очевидны, что на XXVI съезде КПСС (1981) руководство страны признало необходимость перехода на интенсивный путь развития и определило сроки — ближайшие две пятилетки. Как известно, к 1991 г. эту задачу решить не удалось. Советская хозяйственная система оказалась неспособной удовлетворять в достаточном объеме не только новые нужды и запросы населения, но и традиционные базисные потребности в продовольствии, жилье, товарах широкого потребления. Присущее проводимой социальной политике хроническое отставание от запросов населения относительно количества и качества ассортимента развития легкой промышленности, так называемой группы «Б», финансируемой по остаточному принципу, но затрагивавшей каждого, проявились в полной мере.

Непоследовательность в проведении научно-технической и социальной политики объяснялась неготовностью к отказу от «направляющей» и «вдохновляющей», но исключительно традиционной роли. Советской власти не удавалось ранее и не удалось в последнее десятилетие своего существования «завязать результаты труда людей на повышение их благосостояния». Крайне неловкими оказались попытки тех лет реанимировать трудовой энтузиазм» 1930—1960-х гг. Фактор негативного восприятия обществом очевидной государственно-партийной непоследовательности в проведении социальной политики, обладая накопительным социально-психологическим раздражающим свойством, приобретал все большую силу. Стал набирать скорость процесс эрозии товарной массы, полки магазинов опустели. Нельзя не согласиться с выводом авторов, что «между платежеспособным спросом населения и его материальным покрытием образовался весьма

серьезный и опасный разрыв» [1, 27]. Он выражался в невозможности превращения заработанных денег в необходимые жизненные блага, что не могло не способствовать массовой незаинтересованности работников производства в результатах и качестве своего труда [1, 29].

Исторический урок пережитого, о котором пишут авторы, состоит в том, что накапливая недовольство, общественное сознание не обременяло себя мыслью о возможной утрате тех социальных гарантий, которые уже имелись у советского общества, тем более в ближайшей перспективе. Плохую службу сыграла выработанная у советских граждан привычка к определенным социальным гарантиям, сложившаяся под влиянием не только благотельной партийной риторики, но и реально проводимой социальной политикой в СССР. Отрицать проведение советской властью социальной политики, несмотря на ряд присущих ей недостатков, не представляется возможным. Само наличие социальной политики явилось основанием для требований общественным сознанием смены социальных ориентиров, которые стали центральными во всех требованиях перемен накануне 1991 г. [1, 42]. Вполне закономерно, что в силу психологической неподготовленности для многих оказалась полной неожиданностью фактическая ликвидация механизма контроля за исполнительной властью со стороны общества.

По мнению авторов, стагнация советской экономики в последней трети минувшего столетия явилась результатом важных просчетов социальной политики 1970—1980-х гг. Ошибки стали следствием некомпетентности и непоследовательности власти, отсутствия комплексного решения социальных вопросов, затрагивающих жизненные интересы советских людей. Звучавшие с партийной трибуны съездов КПСС заявления о тенденции роста благосостояния народонаселения не обеспечивались реально проводимой инвестиционной политикой. Власть загоняла себя в тупик: каждая следующая реформационная властная волна, инициированная сверху по преодолению нараставших негативных тенденций в экономике и социальной сфере, оказывалась еще более поверхностной и непоследовательной по сравнению с предыдущей. Но каждый раз она не затрагивала существенных сторон производственных отношений [1, 29], способных обеспечить развитие социальной сферы. Провозглашенные пришедшим к власти в 1985 г. М.С. Горбачевым «ускорение» и «перестройка» непродуманностью реформ, отсутствием стратегии их проведения и системности только усугубили кризисную ситуацию в стране, спровоцировали углубление кризиса, который затронул абсолютно все сферы жизни советского общества. Больше остальных пострадала социальная сфера.

1. Неотвратимые последствия эгоистичной корпоративной политики в социальной сфере. Понимание революционной сути событий, произошедших в России в 1990-х гг. пришло к современникам не сразу. Первоначально последствия «разрушения государственного стержня всей советской системы, главными компонентами которой были контроль и идеология» [1, 16], многим виделись в «розовом свете». Надежды подкрепляла реально существовавшая тенденция в годы позднего социализма усиления внимания партии и государства к социальной сфере, которая находила отражение в партийной риторике, рассуждениях о значении социальной политики от съезда к съезду. Провозглашенное М.С. Горбачевым ускорение, повышение темпов роста связывались в общественном сознании с модернизацией технической основы производства, крупными капиталовложениями в машиностроение. И эти надежды были не беспочвенны. По мнению авторов, в тот момент такая модернизация была возможна, однако стратегическая ошибка была изначально заложена в главную политическую партийную установку. Она состояла в том, что одновременно модернизировать и менять систему невозможно, поэтому незабываемый лозунг тех лет «ускорение и перестройка!» мог иметь только единственный результат: не преуспев в намерении до основания разрушить созданное предшественниками, весьма преуспел в раскручивании системного кризиса.

Исключительно интересным представляется авторское наблюдение о том, что ставка М.С. Горбачевым на ускорение была сделана в тот момент, когда развитые капиталистические страны уже пересматривали стратегию собственного государственного регулирования экономики. Они отказались от идеи высоких темпов экономического роста в пользу качественных аспектов экономического развития, выбрав для себя в качестве критерия развития «качество жизни».

2. Революционный потенциал соблазна властью. Уже в условиях «перестройки» темпы развития СССР сдерживала его система управления: «огромный, широко разветвленный бюрократический аппарат всячески поддерживал такой порядок, позволявший ему быть “наверху”, а его представителям пользоваться всевозможными льготами» [1, 29]. В сложившихся условиях элита разглядела открывшуюся ей новую возможность в собственных интересах, «не расширяя социальной базы властных структур, ответить на социальный вызов эпохи» [1, 30]. Решение овладеть тем, чем раньше управляли, т. е. государственным имуществом, приватизировать его, созревало со второй половины 1980-х гг. И эта решимость набирала силу по мере консолидации корпоративных интересов чиновников в замкнутые структуры, подме-

нявшие народнохозяйственные цели корыстными планами новых групп. Сбылось пророчество С.Н. Булгакова, высказанное им еще на заре первых попыток в нашей стране реализации в политике принципов классовой борьбы: завершался процесс формирования новой буржуазии [1, 37].

Правоту С.Н. Булгакова применительно к условиям конца XX в. подтверждают авторы: под прикрытием реформ в условиях «перестройки» развернулась борьба за власть. В развернувшейся борьбе личный и корпоративный агрессивный и корыстный интерес, столкнувшись с интересом общегосударственным и общественным, оказался более консолидированным, а потому и более сильным. Попытки законодателей по-новому построить взаимоотношения между субъектами хозяйственной жизни и органами центральной власти торпедировались новой властью. Свидетельствовавшие о стремлении «перестроить советскую экономику, дать новый импульс ее развитию и через это — улучшить социальное положение советских людей» и принятые Верховным Советом СССР постановления: «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике», законы «О государственном предприятии» (1987), «О кооперации» (1988), «Об аренде» (1989) дискредитировались при проведении реальной политики по их реализации. Тогда же началась кампания по опорочиванию кооперации — первой легальной форме частного предпринимательства в социалистическом государстве, выдающегося явления российской народнохозяйственной жизни. Кооперативному движению был нанесен второй в XX в. удар [1, 31]. Страна стремительно утрачивала возможность альтернативного пути социально справедливого развития. Проблема «социальной справедливости» не могла быть поставлена и не ставилась при столь очевидно корыстном подходе к государственному строительству.

Звучавшие в общественных и научных дискуссиях 1980-х гг. темы социального неравенства, «льгот», «телефонного права», «торговой» и иных «мафий», «властных элит» не сопровождал в свое время общественный «набат» [1, 29], лишая тем самым их силы общественного воздействия. Данное размышление авторов обращает внимание читателей на возможность повторения исторической ситуации, при которой сложившееся устойчивое недоверие власти и общества, оборачиваясь социальным равнодушием, сковывает волевою деятельность сил, наиболее заинтересованных в проведении социально взвешенной, справедливой политики и составляющих большинство населения, и ее опасность. К сожалению, с конца 1980-х гг. в нашей стране события пошли в направлении, желательном для номенклатуры, политической

верхушки СССР, где их интересы совпали с интересами «демократов» и нового бизнеса [1, 39].

Таким образом, в последние годы существования Советского Союза сформировались основа для преобразований постсоветской России и ее ударный кулак, жестко и жестоко осуществивший революцию во имя реализации концепции тоталитарного рыночного детерминизма и реформирования социалистической страны именно на ее основе. Однако новой постсоветской государственности все же не удалось в полной мере изжить из мыслительного и законодательного пространства социально справедливые идеи и решения позднесоветского периода, нацеленные на менее болезненные способы преобразований и более справедливую трансформацию нерыночной системы.

3. *Несбывшиеся надежды товаропроизводителей и тайна истинных намерений носителей власти.* Падение уровня потребления в стране в начале 1990-х гг. оказалось беспрецедентным для мирного времени. Новое правительство не составляло экономических прогнозов продажи за бесценок полутора сотен тысяч предприятий, оставаясь благодаря этому «в этой части вне критики» [1, 43]. Власть недальновидно игнорировала обязательное условие обеспечения стабильности собственного политического существования, которое составляла неременная реальность участия всех социальных групп общества в политических решениях, т. е. проведения социальной политики, обеспечивающей стабильность и социальную устойчивость общества, используя факторы, которые определяют критерий эффективности государственной социальной политики. Россия вновь пошла «своим путем».

Своеобразие генезиса номенклатурно-бюрократической собственности и формирования класса собственников в постсоветской России, наблюдавшееся в конце XX в., стало следствием применения в экономике внеэкономических методов. Вчерашние «красные директора», министерские чиновники, партийные и советские руководители, не создав и не организовав новых производств, используя своеобразное «распределение», по методам напоминающие выделение всевозможных «фондов», «лимитов» советского времени, стали фактическими распорядителями гигантского производственного массива [1, 48]. В результате массовой и «обвальной приватизации» (либеральный «слоган» тех лет) была демонтирована система государственного управления, ослаблено государство. Основная задача Е.Т. Гайдара — разрушение военно-промышленного комплекса — была выполнена. Сопротивление интеллектуальной сферы, понимавшей роль ВПК, в том числе и в решении важных экономических задач страны, ее научно-

технического и интеллектуального потенциала, было сломлено мощнейшим административным давлением. В результате социальный статус лидеров интеллектуального производства демонстративно и массово был понижен. Поскольку говорить о социальной политике в эпоху «безвременья» не приходится, авторы остановились на анализе становления новой модели социальной защиты населения и вынужденного участия в этом процессе власти под угрозой надвигающейся демографической и гуманитарной катастрофы.

В этой новой модели особое значение отводилось фондам социального страхования и формированию устойчивого «среднего класса», само понятие которого становилось «все более непонятным и запутанным», а цель все более декларативной. Уже сама складывавшаяся социальная структура общества «несла в себе значительный конфликтотенный потенциал» [1, 53]. После августа 1991 г. власть фактически отказалась от предоставления гарантий гражданам в праве на труд, перестала влиять на инвестиционную и производственно-хозяйственную деятельность предприятий и организаций [1, 55]. Антиконтитуциональный характер действий власти того времени проявился в подмене Конституции устанавливавшимися новыми «правилами игры». Главным социальным результатом «резкого перехода от ранее сложившейся системы управления народным хозяйством к новым формам хозяйственных отношений и отсутствием внимания к данной проблеме президента и правительства» стала безработица, ставшая массовым явлением. Ненормальное было объявлено нормальным при полном отсутствии в стране правовой защиты безработных, а также в условиях, когда инфляция обратила в ничто трудовые сбережения [1, 63]. Авторы проанализировали и другую сторону набравшего силу негативного социального процесса, вызванную вторичной занятостью или занятостью в неформальной экономике, которые рождали новые явления и формы на рынке труда, содействовали возникновению частного сектора экономики. Обратной стороной безработицы, увольнений, перемещений рабочей силы стала новая социально-культурная ситуация. Основным структурным социальным изменением было реально состоявшееся передвижение работников из сферы производства (материального, культурного, духовного) в сферу перераспределения и обслуживания [1, 75—76]. Появился спрос на комплиментарного, психологически удобного, лично преданного работника, которому уступил место профессионализм.

Авторы предложили свою периодизацию социальных процессов последнего десятилетия XX в. С 1994 г. в посланиях Федеральному Собранию стал озвучивать позицию власти по социальным вопросам президент. К сожалению, она являлась декларацией очевидного. Кон-

статировалось наличие острейших социальных проблем, не решаемых автоматически в рамках рынка и условий России в отношении государственной поддержки малоимущих, жилищно-коммунальной сферы, занятости населения, налоговой системы, проблемы федерализма и проблеме гражданских прав и свобод [1, 71]. По мере того, как определялись собственники предприятий и становилось более или менее понятным, к кому адресовать социальные претензии, начиналось постепенное перенесение финансирования социальных акцентов с государства на самих граждан, в первую очередь, пенсионной системы и здравоохранения [1, 78].

Рассматривая тему разгосударствления и приватизации, авторы задались вопросом о судьбах конкретных людей. Проведенный в исследовании анализ показал, что в своей массе люди были отторгнуты от технологического процесса, от высоких технологий, от того, что мы называем «производственной культурой». Сократились возможности доступа к достижениям культуры для целого ряда возрастных и социальных групп. «Процесс исторического развития России пошел вспять» [1, 83]. «Золотой фонд» отечественной промышленности разорлся. Администрация предприятий осуществила свой, антисоциальный, сценарий развития событий. Результатом разгосударствления стала остановка многих «градообразующих предприятий», которые доминировали в социальном секторе государственной политики [1, 89].

Правительственные декларации о намерениях не всегда имеют своим следствием их реализацию. Так, начальному периоду приватизации сопутствовала имитация рынка. Риски ускоренной приватизации в условиях России себя не оправдали, но привели к необратимым последствиям. Новые дополнительные проблемы формировала криминализация хозяйственной жизни, ставшая важным инструментом ускорения процесса приватизации. Сложное взаимоотношение теневой экономики и социальной политики государства сыграло свою роль в вызревании кризиса 1998 г. [1, 126].

3. *Системный кризис*. 1991—1993—1998 гг. стали кризисными веками на пути реализации насаждаемой «реформаторами» модели социально-экономического развития общества. Бездействие власти в социальной сфере каждый раз оборачивалось новыми политическими и социальными потрясениями. История тех лет, к сожалению, показывает, что «основной источник кризиса необходимо искать во власти» [1, 127]. К 1997 г., когда наступает дальнейшая либерализация экономики, для проведения которой в состав правительства в качестве вице-премьеров были введены А.Б. Чубайс и Б.Е. Немцов, экономический

курс, за который ратовало окружение Президента Б.Н. Ельцина и близкие к нему круги, уже со всей очевидностью исчерпал себя [1, 128]. Авторы справедливо пишут: «Иллюзии, которые зародились в массах после 1991 г., о том, что народу ничего теперь не помешает пользоваться плодами своего труда, что будут ликвидированы всевозможные посредники, “нахлебники”, ненужные бюрократические структуры оказались призрачными. Старые социальные гарантии ушли в прошлое, новых гарантий не возникло. В обществе накапливалось недовольство» [1, 131]. Безудержное экономическое экспериментирование первой половины 1990-х гг. «споткнулось именно о социальную сферу, поставив под угрозу развала традиционную коммунальную среду», собственно и составлявшую основу хозяйственного существования нашей страны.

4. *Поиски выхода.* Характеризуя интеллектуально-ментальное пространство России и его основные концепции: «мобилизационной системы развития», «тоталитаризма» и другие, авторы отдают предпочтение «философии хозяйства», самобытной научной мысли, которая получила серьезное развитие в последнее двадцатилетие. При этом они отмечают, что ошибочное принятие данного направления «за эхо споров западников и славянофилов», не позволяет уловить новую тенденцию «воспроизводства архетипов сознания, склонного к хозяйствованию из инстинкта» [1, 11—12]. В книге показано позитивное научное и методологическое значение подходов в рамках «философии хозяйства», разрабатываемых содружеством ученых, разделяющих мнение о том, что до тех пор, пока несмотря на все потрясения определенный национальный культурно-исторический тип сохраняет свою жизнеспособность, для нас принципиально важно, чтобы жизнеспособности не утратил наш отечественный культурно-исторический тип, именно его коренные особенности определяют глубинные основы хозяйствования, базовые черты отечественного хозяйственного организма генетически восходящие к таким фундаментальным факторам, как географический фактор, национальная психология, духовные строй народа.

5. *Социальная политика как необходимость.* Отсутствие в настоящее время самостоятельного и разработанного понятия «социальная политика», который обычно дается в исследованиях и государственных документах «в связи с другими областями жизни общества», в настоящее время восполнен, благодаря исследованию Г.Р. Наумовой, К.В. Иванова и А.В. Никонова. Авторы предложили определение государственной социальной политики, к которой относят «политику государства, направленную на сохранение и улучшение социального положения населения в целом и составляющих его социальных групп». Государственная политика, по их мнению, является социальной только

в том случае, если «государство берет на себя обязательство использовать все возможности и средства, имеющиеся в его распоряжении, для формирования социально благополучного общества, такого, когда потребности граждан подкреплены возможностями для их удовлетворения» [1, 7]. Отдавая себе отчет в том, что социальная политика обуславливается экономическими возможностями, существующими в стране, авторы книги обращают внимание читателей на то обстоятельство, что ее проведение и характер во многом зависят от наличия или отсутствия политической воли у носителей власти. В том случае, если существующие в государстве социальные отношения могут не соответствовать представлениям правящих кругов о том, каковы они должны быть, власть стремится целенаправленно воздействовать на них, имея в виду желательные для себя изменения. Вместе с тем совершенно очевидно, что социальная политика, сформировавшаяся в советское время, не устраивала постсоветское руководство страны, и «оно стремилось воздействовать на социальные отношения, изменив их основы в соответствии со своими представлениями» [1, 8]. В связи с этим у авторов возникают два вопроса. Насколько властные представления соответствовали чаяниям товаропроизводителя, т. е. большинства населения? И насколько живучей оказалась сформировавшаяся национальная и особенно советская традиция решения социальных проблем и выстраивания социальных отношений. Последнее обстоятельство принципиально, поскольку прошлый исторический опыт решения социальных задач в нашей стране является не только исторической предпосылкой, но и вполне реально сложившимся и отработанным механизмом реализации социально-экономических задач.

Что в этой связи новая демократическая власть могла противопоставить советской социально-экономической системе, которая при всех своих недостатках «давала возможность сконцентрировать ресурсы на приоритетных направлениях развития» страны [1, 17]? По большому счету Советский Союз был социальным государством. Факт социальной сути государства, каковым являлся Советский Союз, не мог игнорироваться при составлении Конституции Российской Федерации, в которой современная постсоветская Россия декларировалась как социальное государство. Однако реализовывать намерения предполагалось на принципиально иных основаниях. Советской модели была противопоставлена цель революционного обретения земли обетованной рыночной экономики.

Концепция «рыночной экономики» явилась идеологической мотивировкой целенаправленных усилий по разрушению социальной и экономической системы СССР, которая сложилась в течение 1920—

1980-х гг. Но, как и советская модель, она имела свои пределы встраивания в институциональную матрицу, хотя и деформировала ее. И все же преемственность пробивала себе дорогу, что отразилось в признании верховных носителей власти: «Нам предстоит “догнать самих себя” образца 1989 г.».

Литература

1. *Наумова Г.Р., Иванов К.В., Никонов А.В.* Две ветви власти в России и социальная политика 1990-х годов. Севастополь, 2012.
2. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.

Д.В. ВОРОНИН

Советский госарбитраж в послевоенные годы: трудности и проблемы

Аннотация. Анализируются трудности и проблемы, с которыми столкнулись органы Госарбитража в послевоенные годы. Особое внимание уделяется влиянию на их деятельность идеологии и плановой экономики. Отмечается, что ее сверцентрализация постепенно становилась тормозом развития страны. Рассматривается расширение административно-управленческих функций Госарбитража. Статья написана на основе материалов Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: экономика, Госарбитраж, договоры, министерство, госплан.

Abstract. In article difficulties and problems which bodies of the System of arbitration in post-war years faced are analyzed. The special attention is paid to influence on their activity of ideology and a planned economy. It is noted that its supercentralization gradually became a brake of development of the country. In article expansion of administrative and managerial functions of the System of arbitration is considered. Article is written on the basis of materials of the state archive of the Russian Federation.

Keywords: economy, System of arbitration, contracts, ministry, State Planning Committee.

В послевоенные годы государственный арбитраж вынужден был регулировать и устранять не только объективно возникавшие трудно-

сти социалистической экономики, но и субъективные вопросы, порожденные ее идеологическим базисом. Приведем характерный пример. Завод № 112 Министерства транспортного машиностроения, активно включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование, перевыполняя план, выпускал колесные пары, которые не были предусмотрены договорами со смежниками и планом. Потребители продукции завода в таком темпе не работали и не нуждались в лишних колесных центрах. Главметаллоснаб, рассматривая сверхплановый выпуск как нарушение условий поставки, а значит, и договорной дисциплины, стал штрафовать завод № 512 в размере 100% за каждый лишний колесный центр [1]. Госарбитраж, традиционно работавший с недопоставками, недостачами и отказами от оплаты, оказался в сложной ситуации и рекомендовал министерствам урегулировать данный вопрос. Тогда И.В. Ковалев обратился к министру транспортного машиностроения В.А. Малышеву с просьбой пересмотреть план поставки колесных центров, и далее министерства решали этот вопрос в административном порядке, не прибегая к арбитражированию.

В послевоенные годы госарбитраж встретился с определенными трудностями при разрешении споров о качестве продукции. Сложно стало предъявлять рекламации по военной продукции. Комиссия, которая в военное время их принимала [2], была расформирована.

Государственный арбитраж в социалистической системе хозяйства выполнял многие функции, которые в условиях рыночной экономики выполняли спрос и предложение, конкуренция. В мае 1947 г. ГА СМ СССР направил начальнику Ивановского горпромкомбината рекламацию о поставке швейной фабрикой комбината «тюфячных наволочек пониженной сортности» [3]. В конкурентной среде судьба производителя продукции «пониженной сортности» решилась бы сама собой, без вмешательства столь высоких инстанций, какой являлся Государственный арбитраж при Совете Министров СССР.

Вопросы качества в послевоенные годы были особенно актуальны в двух сферах: на транспорте и в торговле. В послевоенные годы с новой силой вспыхнули арбитражные споры по перевозкам, только теперь уже в основном гражданской продукции. Транспортные споры, особенно связанные с утратой и порчей груза в пути, нередко длились годами. Примером могут служить несколько дел, связанных с тем, должны ли аккумуляторы поставляться потребителям в упаковке, по которым лишь ГА СМ СССР принял решение в пользу покупателей, обязав поставщиков поставлять изделия в таре и упаковке [4, л. 13].

Министерство путей сообщения СССР энергично сопротивлялось всем попыткам ввести ответственную сохранность большинства гру-

зов. Следов хищений, как и виновных, определить было невозможно. Во второй половине 1940-х гг. ежегодные потери грузов на железной дороге превышали 1,5 млрд р. Еще в декабре 1946 г. Сталин спрашивал у наркома путей сообщений И.В. Ковалева: почему нет порядка на станциях железной дороги: «может быть, надо жандармов восстановить?» (цит. по: [5, 130]).

Предъявлять железной дороге какие-либо претензии было сложно. Даже корифеи советского хозяйственного права отмечали на рубеже 1940—1950-х гг., что «юридическая природа железнодорожной перевозки является в советской теории гражданского права спорной» [6, 85].

Итоги войны показали преимущество планового хозяйства. «Наша победа — подчеркивал И.В. Сталин, — означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность» [7, 7]. Основой дальнейшего планомерного развития народного хозяйства должен был стать договор, роль которого еще в 1944 г. казалась ненужной, но существенно возросла вместе с очередной попыткой обозначить (в основном это оставалось на уровне деклараций) самостоятельность предприятий в формировании хозяйственных связей.

Постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» содержало суровую критику практики бездоговорных обязательств (поставок), которая «снижает ответственность поставщиков, нередко приводит к отгрузке ненужной потребителю продукции, к нерациональным перевозкам, к росту сверхнормативных остатков, к затовариванию» [8]. Договор был признан неотъемлемой частью социалистического хозяйствования. Постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» ввело заключение договоров в тех отраслях, где ранее практиковались бездоговорные обязательства. Совет министров СССР указал на необходимость неукоснительного соблюдения постановления СНК СССР от 3 июня 1938 г. [9] по обязательному заключению договоров между поставщиком и покупателем при поставке черных металлов. Особое внимание также уделялось договорам по поставкам каменного угля и нефтепродуктов. Ранее в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 декабря 1942 г. № 1983 «О заключении хозяйственных договоров на 1943 год» [10] по этим поставкам договоры не заключались, а регулировались основными условиями поставки и нарядами-заказами.

Претензии к арбитражу выглядят еще менее обоснованными, если учесть, что арбитражные споры часто были прямым следствием пла-

новых просчетов. Особенно это касалось капитального строительства, которое всегда затягивалось и дорожало против сметы. Директивные органы и сами признавали неэффективность планирования. «План очень раздут (план капитального строительства на IV пятилетку. — *Д.В.*) и нам не по силам, — подчеркивал И.В. Сталин, — деньги надо давать только на пусковые объекты, а не размывать по многим объектам. Разную чепуху строят на новых необжитых местах и тратят много денег. Надо больше расширять старые предприятия. Проектанты у нас — сволочи, проектируют все только новые заводы и раздувают строительство... Госплан и министерства исходят из пятилетнего плана... пятилетка составлена с большими дефектами, сгоряча, на другой день после окончания войны... может быть, мы пятилетку не выполним...» (цит. по: [5, 134]). Вождь полагал необходимым сократить ассигнования на пусковые объекты с 60 до 40 млрд р. и дал такую директиву, но, как это неудивительно покажется знатокам тоталитарных режимов, министерства все равно «продавили» свои 60 млрд р. и мнение «вождя народов» осталось частным пожеланием.

В такой обстановке арбитражу сложно было отстаивать соблюдение плановой и финансовой дисциплины. Исходя из поставленных в 1949 г. задач, арбитраж все более терял свои юрисдикционные функции и все более приобретал административно-хозяйственные. ГА СМ СССР указывал, что при решении споров арбитр должен руководствоваться не ведомственными интересами той или иной стороны, а интересами государства. То решение необходимо признать правильным, которое обеспечивает интересы государства [11, л. 14].

Даже если стороны не приходили к соглашению и не желали заключать договор, который не был в интересах их предприятий или министерств, арбитраж должен был принуждать их к этому. «Договор и требование его точного выполнения определяют место и роль государственного арбитража в системе советских государственных органов» [11, л. 4].

Стремление к повышению административно-управленческого статуса госарбитража проявилось также и в указании предприятиям направлять на заседания исключительно руководителей. Так, арбитражу при Мособлисполкоме (1949) было рекомендовано полностью «прекратить рассмотрение споров с участием одних второстепенных работников сторон, хотя бы и снабженных доверенностями» [4, л. 23].

Все эти задачи, однако, были второстепенными. Главной стало введение новой, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. № 1586 «О заключении хозяйственных договоров» системы договоров.

В целом упомянутое постановление существенно усилило значение договора в народном хозяйстве, сделав его гарантом снабжения продукцией установленного ассортимента и качества [8]. В соответствии с принятыми решениями Совет Министров СССР требовал от органов государственного арбитража принимать в рамках своей компетенции меры по укреплению договорной дисциплины. Важно то, что полномочия арбитража формально заключались лишь в рассмотрении и разрешении споров, но фактически (все это понимали и принимали) были существенно шире и охватывали вопросы взаимодействия предприятий, отраслей, выявления и сигнализации об устранении нарушений и недостатков, «отладки» хозяйственного механизма.

Таким образом, вводилась, а точнее усиливалась или завершалась централизация распределения большей части из общей номенклатуры продукции, что тогда объяснялось ограниченными после войны производственными, сырьевыми и энергетическими ресурсами. Министерства и предприятия встретили новую систему договоров негативно.

Материалы совещания главных арбитров министерств и центральных ведомств 9 мая 1949 г.³⁰ (57 участников) показывают, что саботировать новую систему договоров министерства стали с момента ее введения. Отстояв сохранение арбитражей в 1944—1945 гг., министерства ввалили на свои ведомственные арбитражи (вместе с юротделами) всю работу по подготовке и заключению хозяйственных договоров между предприятиями. При этом сами министры и их заместители организацией новой системы договорных связей не занимались, что шло вразрез с постановлением СМ СССР от 21 апреля 1949 г. № 1586 «О заключении хозяйственных договоров» [4, л. 1].

Новая система была столь громоздка и сложна в администрировании, что юротделы, а тем более арбитражи, с этой работой не справлялись. Выступающие на совещании представители ведомственных арбитражей министерств, выходя на трибуну, «хором» отмечали: «Мы видим, что у многих не блестяще обстоит дело с заключением договоров. У нас также». Постановление не содержало ответов на многие вопросы, в частности следовало ли заключать договоры между главнабом и главсбытом своего министерства?

Параллельно с введением схемы генеральных и локальных договоров госарбитраж стал разрешать все вопросы по преддоговорным спорам, а также принимал заявления хозорганов о понуждении заключить договоры, что замедлило рассмотрение дел.

³⁰ В 1945—1948 гг. и с 1965 г. День Победы был выходным днем. В 1949 г. это был праздничный, но рабочий день

Министры опаздывали с изданием приказов, стремясь уклониться от заключения невыгодных для них договоров, главки не были готовы к заключению договоров. Главснабы большинства министерств возражали против системы централизации. Предприятия требовали заключения прямых договоров, а покупатели — перестроить сеть управления сбытами по принципу их расположения по месту нахождения покупателей, а не поставщиков. ГА СМ СССР, признавая требования покупателей обоснованными, не мог не считаться с существующей системой централизованных заявок, заказов и нарядов и необходимостью в случае принятия предложений покупателей, перестройки работы сбытовых организаций и рекомендовал министерствам обсудить этот вопрос [4, л. 8].

В целом, новая система не была гибкой, оперативной, трудно согласовывалась, что сразу же повышало нагрузку на арбитраж. Уже к началу 1950-х гг. стало очевидно, что система генеральных и локальных договоров, как и любая сверхцентрализация, стала тормозом развития народного хозяйства.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 166. Л. 3.
2. ГАРФ. А-512. Оп.1. Д.21.Л. 95.
3. ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 166. Л. 6.
4. ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 227.
5. Источник. 1997. № 5.
6. *Лунц Л.А. Новицкий И.Б.* Общее учение об обязательстве. М., 1950.
7. *Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И.В. Соч. Т. 16. М, 1997.
8. СП СССР. 1949. № 9. Ст. 68.
9. СЗ СССР. 1938. № 27. Ст. 179.
10. СП СССР. 1942. № 11. Ст. 191.
11. ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 240.

VII

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

Предисловие к книге «Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы»*

Аннотация. Предисловие к работе «Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы», в которой рассматриваются своеобразие российской хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки, исторические и современные аспекты отечественного мышлеизъявления.

Ключевые слова: российская хозяйственная мысль, философия хозяйства, российские мыслители.

Abstract. This preface is devoted to work "The Russian economic thought: originality, history, prospects" in which are considered an originality of the Russian economic thought in a context of world economic science and also historical and modern aspects of a domestic thinking.

Keywords: Russian economic thought, philosophy of economy, Russian thinkers.

Пророков, как известно, в своем отечестве не бывает, но речь тут не о пророках, хотя и о них тоже, а о мыслителях российских, причем разных: от домостроевского Сильвестра и универсального Ивана Посошкова до выдающихся М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева, А. Чаянова и беспрецедентного С. Булгакова. Сильвестров «Домострой», никем толком и не знаемый, заведомо презирается на родине как замшело-анахронический; «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, предвосхитившая смитовское произведение о богатстве народов на целых полвека, никак в России не почитается, да, собственно, как и тот же «Домострой», особенно не знается; гениальный М.В. Ломоносов не более чем обычный физик и химик, но никак не экономический мыслитель, хотя всю жизнь заботился о производственном и народонаселенческом процветании России; гениальный

*К выходу в свет монографии: Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой.— М.: ТЕИС, 2013.—388 с.

Д.И. Менделеев — не более чем химик и замечательный изобретатель-де водки, каковую вовсе и не изобретал, но уж совсем не выдающийся экономист-практик, хозяйственный просветитель и проектант; кто в России из экономистов-современников знаком с трудами, к примеру, А. Шторха, Н. Мордвинова, А. Бутовского, ежели имен-то таких никогда не слыхивал: а кто сейчас похвастается знанием В.И. Ленина, И.В. Сталина, того же Ф.Э. Дзержинского, Г.М. Кржижановского, не говоря уже о С.Г. Струмилине, К.В. Островитянове, Е.С. Варге, В.С. Немчинове, Н.А. Цаголове или А.И. Анчишкине?

Да, совсем не склонен наш ученый россиянин пригибать свою интеллектуальную выю перед соотечественниками, будь они и содержательными, и оригинальными, и выдающимися, и даже гениальными. Имей они хоть сто пядей во лбу, а на пьедестал из них никого, ибо вся весомая экономическая мысль там, на Западе, в Европе, за границей, — и с превеликим удовольствием преклоняется наш соотечественник перед А. Смитом, К. Марксом, А. Маршаллом, Дж. Кейнсом, П. Самуэльсоном, М. Фридманом, да все равно перед кем, лишь бы оттуда, из-за бугра, из земель обетованных, из наипервейших источников!

Можно согласиться с тем, что экономическая мысль развивалась более там, — на Западе, где и более было собственно *экономики*, этого однеженного хозяйства с его капитализмом и финансизмом; как и можно признать, что российская собственно *экономическая* мысль была в основном западной, а потому, исключая И. Посошкова, вторичной; но при этом следует указать на то важное обстоятельство, что российская мысль вовсе не сводилась к собственно экономической, а была по преимуществу мыслью *хозяйственной*, т. е. более объемной и содержательной, чем мысль чисто экономической, что и отличало фундаментальным образом российскую мысль от западной. Не *капитало-строительной*, а *домо-строительной* была российская мысль, она никогда не исходила из того, что чем больше денег, золота, капитала, рынка, предпринимательства, конкуренции, вещественного богатства, колоний, эксплуатации труда, производства, продаж, потребления, то тем лучше, ибо умела видеть общий интерес, осознавала социальность и социальную этику, привлекала духовное начало, различала скудость человеческую посреди нечеловеческого богатства, понимала узость и опасность чистого и безудержного экономизма, не восторгалась безоглядно западным капитализмом, отдавала должное государственности, прозревала иные — не западные — социо-хозяйственные алгоритмы и перспективы.

Российская хозяйственная мысль была, разумеется, разной: от явно подражательной западной (что буржуазной, что «пролетарской») до

сугубо почвенной (народничество, славянофильство; общинничество, артельничество, аграрничество; государственничество, дирижизм, планизм). И в своей почвенной ипостаси российская мысль была вполне самостоятельной, своеобразной, смыслонасыщенной, источниковой, мало того — исторически оправданной и проективно перспективной. Даже в особое по господствующей единой идеологии (марксистской) советское время отечественная мысль была богатой на знания, идеи и новации.

Мы совсем не случайно применительно к отечественной мысли употребляем более слово «хозяйственная», чем «экономическая», ибо, повторяем, российским мыслителям было явно тесновато в сфере собственно экономики, понимаемой по-западному «денежно», и они вольно или невольно выходили за пределы такого узко экономического подхода, обращаясь к воспроизводству человека вообще и общества вообще, не увлекаясь ни «экономическим человеком», ни «экономическим обществом», а тяготея к человеку хозяйствующему и обществу хозяйствующему, еще и не пренебрегая моральным критерием. Не даром в России получили распространение и укоренились нравственно-социалистические идеи, обусловившие затем и возможность масштабного социалистического эксперимента, пусть на практике оказавшегося и весьма далеким от полагавшейся в мечтах реальности. Метакапитализменность, или метаэкономичность, России, ее, так сказать, домохозяйственность, проявились и в другом факте — в возникновении особого течения мысли, альтернативного не только западному капитализму-экономизму, но и сначала западному, а потом и доморощенному социализму, а именно — *философии хозяйства*, правда, как видится, не оцененного в России по достоинству ни тогда — в 1912 г., когда С.Н. Булгаков защитил в Московском университете одноименную диссертацию, ни сейчас, когда школа философии хозяйства вновь возродилась во все том же Московском университете.

Вышло так, что Россия со своим своеобразием хозяйственной мысли оказалась подходящей средой для возникновения оригинального философско-хозяйственного учения — философии хозяйства, но та же умственная Россия, поработанная западным интеллект-экономизмом (политической экономией, научной экономией), не смогла найти в себе идейно-духовных ресурсов, чтобы оценить и признать сделанное на ее интеллект-территории великое открытие. Так и остается философия хозяйства как бы незаконнорожденной дочерью России, хотя и предлагает не просто новое видение хозяйства и человека хозяйствующего,

открывает новые познавательные-размыслительные горизонты, но и преодолевает те противоречия и неразрешимости, которыми давно уже грешит научная экономия, что в политэкономической, что физической, что математической интерпретациях.

Хозяйство, а вместе с ним экономика, не так физично, как *метафизично*, о чем и твердит упорно философия хозяйства, но, увы, почти безрезультатно. Не хочет «истая» наука (сциентизм, физикализм, математизм) отойти от... «чистой» же науки, выйти за ее пределы, чтобы, обогатившись новым видением, прийти к иным парадигмальным заключениям. Да и привыкшая находиться под западным прельщением, отечественная наука очень боится не угодить своей замысловатой заграничной наставнице, всячески избегая всего национального, почвенного, доморощенного, то бишь своего, стараясь не замечать не только философии хозяйства, но и вообще любого своеобразия отечественной мысли.

В таком вот почти что дьявольском раздвоении находится до сих пор российская хозяйственная мысль: героического выделывания *своего* текста и его же унылого незамечания, но при этом стойкого преклонения перед... э-э... *мировой* ... наукой и соответствующего ему бодрого умаления своей собственной мысли, которой, кстати, на мировом направлении в России попросту и нет (одно подражание, но зато какое восторженное!).

20 и 21 июня 2013 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по инициативе Центра общественных наук при МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ прошла на базе и с участием экономического факультета МГУ международная научная конференция «Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки и современный поиск новых парадигмальных решений».

Конференции предшествовал следующий концептуальный анонс.

Считается, что самое большее, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособлять к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубоко-

мысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделит внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономиче-ских провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостройства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, оте-

чественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития

Замысел конференции привлек внимание многих российских и зарубежных ученых, и конференция прошла в рамках двухдневного пленарного заседания живо, с большим интересом, с добротной дискуссией, на одном дыхании. Любопытно, что конференция ознаменовалась не просто обменом мнениями по животрепещущей проблематике, в том числе и о судьбе политической экономии, ряда научных экономий, как и той же философии хозяйства, но и... *открытием*... э-э... родной хозяйственной (и экономической) мысли — живой, богатой, актуальной, проективной, плодоносной! Оказалось вдруг, что нынешние ученые россияне — наследники, владельцы, пользователи, актуализаторы и продолжатели отменной отечественной мысли, мысли волнующей, укрепляющей, бодрящей, творящей, спасающей! И как было приятно участникам конференции почувствовать нежданно-негаданно свое тесное родство с национальной мыслительной сокровищницей; уловить ее ковчегное значение для подрастерявшихся в мировом интеллект-круговороте, если не калейдоскопе, если не в вертеле, россияно-современников; нет, конечно, не схватить жар-птицу за хвост удалось «конференционерам», а всего лишь коснуться перышка от жар-птичьего хвоста, милостиво брошенного ею на конференционную столешницу по велению хитроумного отечественного промысла!

Да, это была не просто хорошая конференция, это была конференция-откровение, что и намерена подтвердить нижеследующая коллективная монография, разумеется, отдающая себе отчет в невозможности оказаться достаточно адекватной счастливому конференционному происшествию!

Г.С. БИСКЭ

Советский проект: потенциал обновления*

Аннотация. Проводится сравнительный анализ основных позиций отечественных и зарубежных авторов по проблемам природы, причин возникновения и распада советской социально-экономической системы. Анализируются основные достижения и противоречия советского общества и показывается, что советский проект имел потенциал обновления и не был завершен.

Ключевые слова: СССР, противоречия, советская социально-экономическая система, советский проект.

Abstract. Author makes comparative analysis of the main approaches of Russian and Western authors to the problems of the nature, reasons of genesis and disintegration of soviet socio-economic system. Author examines main positive decisions and contradictions of soviet society and shows, that soviet project have potential of renovation t and was not finished.

Keywords: USSR, contradictions, nature of soviet socio-economic system, soviet project.

Советский Союз — родина все еще двух третей граждан Российской Федерации, моя в том числе. В этой стране я родился, рос, здесь меня кормили соской, потом вместе с товарищами занимался своим профессиональным делом, после работы читал «Литгазету» и «Известия», а когда сталкивался с провалами и тупиками советской политики, то испытывал тревогу и неудобство, не переходящие, однако, во враждебное отношение к реальностям страны. Основная линия представлялась верной. Кончилось это в известный декабрьский день 1991 г. — сообщением о беловежских соглашениях и скверным рисунком Бильжо. Стало понятно, что все надо переоценивать заново. Сменить вехи — если хочешь оставаться на позициях рационального знания и сочувствия человечеству.

После этого долгие годы казалось, что разлившееся море челночной торговли и тотального грабежа поглотило любую серьезную мысль, а интеллигенция страны наперебой вываливает накопившиеся претензии к тоталитарному режиму, вдгонку сводя с ним счеты и

* Рецензия на кн.: СССР. Незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. — М.: ЛЕНАНД, 2012. — 528 с.

оплакивая счастливую Россию, которую мы потеряли в 1917 г. Идеологию представляли также тоталитарным наследием, что не мешало сначала господству либерально-западнической доктрины, а позже доминированию на правительственном уровне идеологии имперско-патриотического возрождения.

Третья возможность — рациональная перестройка левой идеологии. Оценка левыми интеллектуалами всего советского опыта есть неперемное условие, выработки программы левых для XXI в. Один из их зарубежных коллег так и назвал свой труд: «Маркс. Инструкция по применению». Вспомним, что Ленин относился к идеологии сходным образом: «Россия выстрадала марксизм...».

Сборник представлен как монография с заданной композицией, главы которой, однако, написаны разными и не во всем согласными авторами. Читателю остается подписать их имена непосредственно в тексте и в оглавлении, после чего широта диапазона позиций и мнений проявляется персонально. Впрочем, подробная вводная глава сборника (А.В. Бузгалин) уже содержит классификацию левой части спектра в ее оценках природы СССР и советского строя, что удобно взять за основу. Итак.

1. *Все было в основном правильно и разумно, мы построили социалистическое общество, причины его поражения — предательство руководства и подрывная работа извне.* Эта позиция в сборнике отражена не столь прямолинейно, она более свойственна публикациям авторов, связанных с КПРФ. Тем не менее В.Н. Шевченко, например, определенно указывает наличие субъекта, действовавшего в направлении развала СССР: это правящая номенклатура, которая «твердо знала, что нужно делать со страной. Это — демонтировать “реальный социализм”, отбросить национальные окраины, создать на манер Запада национально-буржуазное российское государство и “нормальный” капитализм, присвоить и перевести в частную собственность наиболее прибыльную часть госсобственности...» (С. 362). Далее следуют вполне документированные указания персон и оценка использованных средств. Шевченко характеризует СССР, употребляя понятие «советский социализм», и подчеркивает задачу сохранения российской цивилизации как особой модели реализации марксовской социалистической идеи.

Уже в другом материале («Альтернативы», 2013, № 1) В.Н. Шевченко справедливо напоминает, что сегодняшняя относительная популярность КПРФ, а не левых социал-демократов, показывает нам доминирование в массовом сознании именно советских, т. е. патриотических ценностей. Если социал-демократы — продолжает Шевченко — постоянно говорят о Сталине теми же словами, что и Сванидзе, это

означает, что путь к левому (или потенциально левому) электорату еще не найден.

Можно добавить, что сходный, но уже отчетливо иной дискурс свойствен не представленным в книге публицистам, в разной степени отошедшим от марксизма и занявшим позиции неонароднического патриотизма. Так, С.Г. Кара-Мурза считает марксизм сугубо западной и антирусской идеологией, хотя и сыгравшей мобилизующую роль в Революции, а советский строй — адекватным национальной традиции, принимающей социализм на психологическом, даже религиозном уровне, помимо научного обоснования. К причинам его крушения добавляют «помутнение сознания» у значительной части интеллигенции, которая роковым для нее же образом поддержала развал страны и теперь не может сделать правильные выводы из происшедшего.

Неожиданным образом антимарксизм Кара-Мурзы снимается, хотя и косвенно, в главе нашего сборника, принадлежащей шведскому автору (П. Монсон, С. 471—475). Нам напоминают, что Маркс был заинтересован социалистическими возможностями России, даже изучал русский язык и, к неудовольствию Энгельса, надолго отложил завершение оставшихся томов «Капитала», чтобы оценить иные — неевропейские, не через классический капитализм — перспективы снятия рынка и эксплуатации. «Критика превратила мой очерк о возникновении капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию общего развития, которая применяется ко всем народам, независимо от того, в каких исторических обстоятельствах они находятся...», — писал в то время Маркс. Более определенно он выразился в письме к Вере Засулич: «...[русская] община является опорным пунктом возрождения России, Но чтобы это осуществилось, следует устранить все неблагоприятные воздействия, атакующие ее со всех сторон, а затем обеспечить ее нормальными условиями для спонтанного развития». Кажется, здесь речь идет уже об условиях построения социализма в одной стране? Или о невозможности решения такой задачи?

Таким образом, обвинения в скрещивании формационного подхода с цивилизационным, которые сейчас можно слышать от некоторых ортодоксальных марксистов, следует адресовать самому Марксу. Впрочем, последний не любил идеологий и как-то даже добавил, что если это марксизм, то он сам — не марксист. Так значит, Маркс был немного народник? сталинист? карамурзист? Или же он просто хорошо видел диалектику развития сверхсложной системы человеческого общества?

2. *Практика сталинизма — тяжелое искажение, деформация ленинской линии в строительстве социализма, следствие отхода от марксизма.* Эта точка зрения была популярна у поколения коммунистической молодежи 1950—1960-х гг. и продолжает демократическую линию советских интеллигентов — левых шестидесятников, которому на основе политики XX съезда КПСС отчасти удалось «очеловечить» реальный социализм («злодейский, но не лишенный и позитивных черт», как признал Г.Г. Водолазов (С. 438)) и добиться наибольшего расцвета СССР.

Так, Б.Ф. Славин в своей главе подчеркивает, что выходом из тупика номенклатурно-бюрократической власти была именно перестройка, понятая как демократическая трансформация социализма и поддержанная абсолютным большинством советских граждан. Последовавшее политическое крушение горбачевской линии — результат ошибок «перестройщиков».

Однако сама исходная ленинская линия была отнюдь не прямой и менялась от классического социал-демократического марксизма, через рабоче-крестьянскую революцию с международным прицелом, к задаче длительного преобразования одной среднеразвитой страны с помощью советской власти через полурыночную экономику и научно-технический прогресс («электрификация») — в социалистическую. Что, собственно, и показывает Славин в принадлежащей ему большой главе сборника. При этом главным у Славина является противопоставление, как он пишет, «принципиальных антиподов» — интернационалиста Ленина и национал-державника Сталина. «Фигура Сталина стала символом деформации (советского) государства... Сталин был и останется в советской истории как главный воплощение в жизнь тоталитарного режима власти, прикрывающийся на словах марксистской фразеологией и идеей диктатуры пролетариата» (С. 119). Тоталитаризм — продолжает Славин — явился следствием отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических, подлинно революционных традиций в управлении обществом (С. 130).

Да, конечно. Но при этом сам Сталин до конца жизни искренне считал себя марксистом и продолжателем дела Ленина (об этом из-за рубежа напомнил П. Монсон (С. 468)). И какой бы мрачной ни представлялась сейчас сталинская фигура, не забудем все же, что объективно он действовал в такой стране, в такое время и решал такие задачи, которые самой своей логикой толкали к авторитарным — как минимум — методам осуществления власти. Да, Сталин слишком вошел во вкус, но сколько было глаз, обращенных к нему с призывом — веди, указывай! Так что последовательным марксистам, наверное, не стоит впадать в культ личности со знаком минус.

3. *Объективная причина поражения социализма на советской стадии его истории — это отсутствие как раз объективных предпосылок для завершения социалистических преобразований.* Можно ли решать посткапиталистические задачи, не решив собственно буржуазных, в первую очередь — не обеспечив достаточный уровень массового потребления? — ставит вопрос А.В. Бузгалин. Вообще-то об этом знали еще Плеханов и старые социал-демократы, которые затем оценивали большевистский переворот как роковую ошибку. Да, именно такой политический поворот позволил завершить давно назревшие преобразования и без перерыва начать новые, уже социалистические. И все же советский социализм держался более всего на энергии Октябрьской революции. Он потерял поддержку, необходимую для дальнейшего развития, вместе с исчерпанием этой энергии, когда вдохновение его строителей поневоле, по необходимости уступило место привычному для страны бюрократическому командованию, т. е. стилю, адекватному в лучшем случае индустриальному капитализму, если не руководству петровскими государственными мануфактурами. И «в той мере, в какой советское государство преуспело в построении современной индустриальной экономики, оно теряло все больше и больше своего потенциала в... своей идеологической гегемонии в отношении нового образованного слоя, который оно создавало» (М. Ротенберг, С. 502). Возникший заново советский «средний класс», как и большинство рабочего класса, лишенный реальной политической инициативы, все более идентифицировал себя с чаяниями и стилем жизни своих более богатых западных коллег. Попытка перегнать Запад по уровню потребления в хрущевские и брежневские времена не удалась. Это не значит, по мнению С.С. Дзарасова, что советская система не была способна в принципе к параллельному, мирному соревнованию с рыночными экономиками. Однако, выступая на политической арене в качестве сверхдержавы, она истощила свои силы и капитулировала.

Итак, на основе советского энтузиазма мы построили мало способный к конкуренции индустриальный политаризм. Этот последний термин из словаря А.В. Семенова, означающий отчуждение собственности в пользу правящего класса в целом, теперь уже на основе индустриального производства, упоминает Г.Г. Водолазов (С. 423). Можно добавить, что определение «мутантный социализм» А.В. Бузгалина (в книге на С. 17 и далее) создает образ мутации, элиминированной естественным отбором, что в этом смысле отвечает реальным событиям, но не указывает на исторические корни «мутации», которые восходят

к азиатскому способу производства (т. е. не мутация, а устойчивая часть генотипа).

Разумеется, такой отбор не был вполне естественным, что хорошо показано в главе, принадлежащей С.С. Дзарасову, которая описывает провал «капиталистического эксперимента» (скажем так, мутантного капитализма) в России. Советский коммунизм, полемизирует Дзарасов, — не мировое зло, потерпевшее заслуженный крах, а серьезная и глубокая попытка выйти за пределы практики капитализма, реальная альтернатива капитализму. Вот ее характеристика, взятая из главы американских авторов (Р. Гарнер, Л. Гарнер): «...эгалитарная идеология, подчеркивающая, что работы и услуги были единственным законным основанием дохода, при более низком, чем на Западе, неравенстве доходов; официальное презрение к модели жизни, основанной на почти маниакальном влечении к потреблению (что сопровождалось сдержанностью привилегированных слоев общества в удовлетворении своего желания публично продемонстрировать богатство); активная антиимпериалистическая позиция (которая сопровождалась поддержкой антиколониальных движений и обездоленных народов во всем мире); официальная антимилитаристская культура (которая в фильмах и в литературе никогда не прославляла войну или сводила к минимуму ее ужасы); экономика полной занятости (гарантирующая, что никто не будет оставлен без внимания, без доходов, социальной опоры и личной безопасности, которые обеспечиваются наличием работы — даже ценой “экономической эффективности”»).

Перечисление этих признаков, создававших основу для успешной конкуренции с классическим рыночным обществом, советскому читателю могло бы показаться тривиальным. Однако теперь оно напоминает, какую Россию потеряли не только мы — потерял и весь остальной мир, в котором гегемония правых либералов сопровождается ростом неравенства, перенацеливанием демократии и свободы на обеспечение интересов меньшинства и ведет к распространению, а не уменьшению прямых опасностей.

Вероятно, следует отметить еще одну тенденцию в оценке истории и опыта СССР — это позицию, которую кто-то назвал «антисоветской левой». В какой-то мере тяготеет к этому направлению цитированная здесь глава Г.Г. Водолазова, однако в целом у нас сейчас больше про советских правых. Левые, критикующие советскую практику с самого ее начала, а это главным образом западные левые, были уже представлены на страницах «Альтернатив». Они ведут свою родословную от критики Розы Люксембург и Карла Каутского в адрес Ленина и большевиков за ограничение свобод, замену рабочей и вообще демократии — диктатурой партии и ее вождей. В рецензируемой книге интересно

построение П. Монсона: он отводит от Маркса обвинения в ответственности за преступления Сталина, но отчасти возлагает такую ответственность на Энгельса, который в силу своего манчестерского опыта считал жесткую классовую борьбу оправданной и естественной (С. 483—484). Получается, что «теорией классовой борьбы Энгельс создал возможность убедить... от имени “научного социализма” в праве на казнь миллионов классовых врагов». Спорить с этой оценкой сейчас трудно, особенно находясь в обществе либеральных гуманистов, для которых обычно лишний ноль-другой в числе не имеет значения. Разве что посоветовать им мысленно перенестись в Россию 1918 г. и осуществить там свою программу действий. Именно политических действий, а не «свеча горела на столе...».

Стати, о гуманизме. Не будет ли лозунг «реального гуманизма» более перспективным в наши дни, чем скомпрометированный жестоким практикой XX в. социализм? — так ставит вопрос Г.Г. Водолазов. Известно, что молодой К. Маркс начинал именно с теории гуманизма как преодоления отчуждения труда, однако затем перешел к изучению экономической реальности и через него — путей к решению такой задачи. С тех пор он пользовался термином «социализм». Пожалуй, предпочтительнее будет чаще показывать, что «социализм с человеческим лицом» — это и есть социализм как исходная модель. В конце концов, отмываются же такие, в советском языке ругательные, слова, как «чиновник» или «бизнес», если служащие государства и предприниматели эффективны и честны?

Обратим еще внимание на роль Советского Союза в развитии «западной цивилизации», как ее видят зарубежные левые и марксисты, и не только они. Конкуренция со стороны эффективной политической альтернативы несомненно улучшала и стимулировала американский капитализм, заставляя его заботиться о своем «человеческом лице». «God bless you, Josef Stalin» — так назвал свою книгу один из современных авторов. Теперь, за отсутствием советского социализма, благосостояние Соединенных Штатов тесно связано с «коммунистическим» Китаем (Р. Гарднер, Л. Гарднер, С. 388), и это отнюдь не только экономическая связь с мировой мастерской ширпотреба.

Что касается Центральной Европы, то здесь влияние Советского Союза оценивается также весьма разносторонне. Если, например, Г.Г. Водолазов упирает на «бандитское подавление» Венгерской революции 1956 г., то венгр Т. Краус предлагает очень взвешенное и объективное изложение истории того, что он называет вынужденной «куль-

турой изоляции» государственного социализма (С. 319) и употребляет эмоциональные оценки лишь при описании ее конца — смены собственника, грубом присвоении предприятий в завершение советской перестройки. В обоих случаях, наверное, так и должны рассуждать интернационалисты. Как пишет в заключительной главе Д. Лайбман, «мы должны относиться к успехам и ошибкам тех попыток, как относились бы к своим собственным. Только тогда мы сможем двигаться с того места, где остановились наши предшественники, дальше вперед».

В этом и весь вопрос.

В.А. КУТЫРЁВ

Против философии(ю) антиязыка*

Отрицание чего-нибудь еще не есть определение.

А.Ф. Лосев

Аннотация. В сфере гуманитаристики нарастает критика языка. Разрозненные выпады выливаются в контрлингвистическое движение. Один из элементов его — книга «Философия антиязыка» А.С. Нилогова. Причиной этих тенденций являются процессы технологизации и сциентизации современного мира. Рассматриваются превращенные формы их отражения в гуманитарном сознании. В статье ставится задача преодоления этих самоубийственных для человека тенденций путем культивирования экологии языка.

Ключевые слова: Язык, антиязык, лингвистическая контрреволюция, дигитализм, программирование, коммуникация, коммутация, экология языка.

Abstract. In the field of humanities is growing criticism of the language. Scattered attacks poured in counter-linguistic movement. One element of this is the book «Philosophy anti-language» by A.S. Nilogov. The foundation these trends are the technology and scientization the modern world. We consider the transformed forms of their reflection in the human consciousness. The article seeks to overcome these suicidal for human tendencies by culturing ecology of language.

Keywords: Language, anti-language, linguistic counter-revolution, digitalization, programming, communication, switching, ecology of language.

* Рецензия на кн.: *Нилогов А.* Философия антиязыка. — СПб.: «Алетейя», 2013. — 216 с.

В философии всегда есть и будет все, что присуще природе человека и соответствует его исторической идентичности. В XX в. основную роль продолжала играть метафизика — онтология, гносеология, матери(иде)алистические трактовки достижений естествознания, субъект-объектная схема общественного развития и т. д. Но это в общей массе, *in toto*. На передовых рубежах произошли, как известно, два крутых поворота: антропологический и структурно-лингвистический. Повороты были в прямо противоположных направлениях. Одни теоретики пошли в сторону человека, призывая всех о(т)ставшихся обратиться к нему, думать о его свободе, экзистенции, идентичности, другие, напротив, его отрицали, боролись с субъектностью, растворяли ее в объективных структурах. Для начала, такой априорной, но еще естественной, чувственной, снимающей, но как бы еще представляющей целостного человека структурой, стал язык.

Поскольку повороты были в противоположных направлениях («бытие языка обнаруживает себя не иначе, как в исчезновении субъекта» — М. Фуко), они соперничали за влияние. На первых порах, будто на равных, но потом со все большей очевидностью стал побеждать структурализм, прежде всего языковый. Заговорили об охватившей теоретическое сознание лингвистической революции. Притом, если исходно язык брался в виде живой речи, то постепенно его начали считать некой универсальной смыслообразующей сетью (для) любой межсубъектной коммуникации. На обосновании парадигмальной роли языка передовые гуманитарии истерли все свои языки. Великие языки. Не говоря о структурной лингвистике, ставшей авангардом гуманитарного познания (отцы-основатели Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс), собственно философские знаковые фигуры XX в. (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер) ее ключевым фактором тоже считали язык. Язык — «наше все», он заменил, экранирует как природу, так и общество, когда в их понимании хотят дойти «до конца», до последнего смысла. Это священная корова любого прогрессивного мировоззрения, и критиковать язык, противопоставляя ему природу, любую непосредственно чувственную реальность, решались только отсталые консерваторы, догматики и традиционалисты. Да и то, не критиковали, а просто «не использовали». Не умели. На XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах в 2013 г. (последнем, самом актуальном по времени) открывавший его Э. Агацци, обсуждая перспективы современной философии, подчеркнул, что ядром ее методологии является лингвистика, «в

каждом философском дискурсе должен быть лингвистический момент, анализ языка».

Казалось, так будет всегда, ибо идти глубже языка, по крайней мере, в гуманитаристике — некуда. Уведет либо в натурализм-эмпиризм, либо в мистику. Однако человечество не знает более жестокой истины, чем «ничто не вечно под солнцем». И вот, кто имеет уши, слышит, а глаза — видит, как исподволь, но неуклонно среди чутких к глубинным веяниям истории теоретиков нарастает критика языка, множатся выступления против его не только парадигмально-познавательной, но и бытийной роли. Не с позиций традиционной метафизики, а с каких-то совершенно новых, точнее, новейших представлений. В искусстве, среди концептуалистов и интеллектуалов, бывших завязанных адептов языкового конструирования мира, в целом в постмодернистской культуре зазвучали суждения, что «пора вырваться из плена языка», надо отказаться от сакра(мента)льного «В начале было Слово» и что, по видимому, вообще наступает «конец библейского проекта». Слышны отдельные более грубые выкрики о «структурно-лингвистической катастрофе», «смерти языка и индивида», заявления типа, что чем наше мышление больше связано с языком, тем мы глупее, а чем дальше от него, тем умнее. С каких позитивных позиций это говорится не ясно, в том числе самим критикам языка, но то, что на XXI в. в гуманитаристике, вообще в современном познании формируется антиязыковая установка, возникло противосемантическое движение и подняла голову *лингвистическая контрреволюция*, — пришла пора заметить (на Всемирном конгрессе ее не увидели, отсталость?). Затем пытаться понять, почему это происходит, что значит, куда ведет.

И вот соблазнительный случай высказаться по злободневной проблеме, избавляющий, кстати, от необходимости подтверждать ссылками вышеприведенные антиязыковые выпады. Перед нами книга, в которой эти мотивы звучат в явной форме, дерзко объявляющая о начале великой борьбы с языком, желании его ниспровергнуть, лишить какого-либо значения для современности. В литературе с корабля современности сбрасывали, как известно, Пушкина, теперь предлагается сбросить саму литературу, основанную на ней культуру, живую речь, родные и мировые, устные и письменные формы словесного языка, который позволяет нам мыслить и общаться друг с другом, сделал нас людьми и отличает от всего иносущего в мире. Предлагается особая «философия антиязыка». Событие. Скандал!

Разумеется, задача создать «философию антиязыка» автором не решена. Потому что в таком виде она не решаема — в силу своей отрицательной природы. По крайней мере, по двум причинам: 1) что же за явление — это «анти»: из чистого отрицания следует что угодно —

неязык, противоязык, постязык, сверх-язык, подъязык и т. п.; 2) об антиязыке, если такой существует, он говорит и пишет на уничтожаемом им «языке». Это оксюморон. Тогда каким образом обсуждать проблему, чтобы ее прояснить, а не еще больше запутать? Первую преграду можно, по-видимому, устранить, если задачу переформулировать как «вместо-язык». После нескольких страниц догадываешься, что предлагается философия чего-то, что должно заменить обычный естественный язык в жизни человека. Что речь идет о «философии вместо-языка». С такой позиции легче концептуализировать хаотические атаки на язык как слово, ведущееся под флагом «антиязыка». Исходя из нее, опираясь на положение, что «антиязык» — это нечто «по ту сторону языка», может быть ослаблена, устранена и вторая трудность: рассматривая антиязык не как «всё», а как экспансию другого языка или просто неязыковую реальность, мы получаем право сравнивать и оценивать их на основе традиционного языка. Говорить и писать на нем «законно». Наконец, отличие нашего понимания антиязыка от выражаемого в книге в том, что мы делаем упор на раскрытие не столько того, какой он феномен сам по себе, сколько того, что у автора за ним — за всей этой подрывной работой — стоит. Невольно или вольно.

Книга сложена из двух частей: 1) «Преодоление философии языка от Мартина Хайдеггера» и 2) «Вечное дежавю» философии. Названия точные, так как в борьбе с языком философия Хайдеггера действительно главное препятствие, а вторая часть — из ранее публиковавшихся текстов, что, правда, не способствует цельности представлений об обсуждаемой проблеме.

Так что же такое, по А.С. Нилогову, «антиязык» и почему он должен заменить традиционный, словесный, «наш» язык? Веер противоречивых предположений и утверждений. В предисловии, где обобщается содержание всей работы (кратком, на 1,5 страницы), поставлено три цели: «*Первое*, что мне хотелось сделать, это чтобы книга хотя бы в какой-то, пусть небольшой степени, помогла повысить культуру молчания в нашей стране... *Вторая* цель вытекает из первой, ибо представляет собой, с моей точки зрения, единственную и самую главную возможность сделать молчание духовной силой, способной улучшить человека и мир... *Третья цель* заключается в том, чтобы с помощью идеи безмолвия обратить внимание людей на огромные возможности, заключающиеся в медитации» [1, 6—7].

Исходя из заявленного, можно подумать, что антиязык — это (в)падение в бессознательное, в переживание бытия, что вообще-то не

противоречит онтологическим интенциям хайдеггерианства. Однако содержание книги фактически «не про то» и направлено не к бытию, а на отрыв от него. Это видно из предшествующей предисловию аннотации, дающей читателю прямо противоположную установку. «“Философия антиязыка” — книга об универсальном языке, который философы всегда жаждали найти, даже не подозревая о том, что он когда-то был утерян... “Назад к именам” — таков философский призыв антиязыковой методологии, отчуждающейся от онтологии присутствия/отсутствия к вездесущностному языку, на котором можно именовать все без исключений» [1, 4]. В аннотации к одноименной с книгой статье из второй части (опять берем аннотацию, потому что в них более определенные формулировки, с восприятием самого текста большие трудности — влияние «антиязыка» на авторе сказывается), он говорит: «Антиязык — это совокупность классов антислов. Он помогает именовать такие вещи, которые невозможно называть с помощью обычного естественного человеческого языка. Антислово нельзя выразить посредством звуков. Антиязык — это подводная часть айсберга. Верхушка айсберга — все наличные человеческие языки. Примеры антислов отсутствуют, ибо невозможно произнести антислово на естественном языке... Антиязык предоставляет возможности для невербальной коммуникации, а также для телепатии и чтения мыслей» [1, 208].

Как видим, смысл в рассуждениях об антиязыке есть, но что ему соответствует, каков референт представить нелегко. Может, в силу самоотрицательности данного феномена, никакого значения у него не должно и быть? Нет, референты антиязыка усиленно ищутся, на их роль предлагаются молчание, сон, бессмыслица, медитация, пустота, однако что-то похожее на убедительность возникает только, когда дело приближается к обсуждению постструктуралистской тематики. «Антислово — это номинатор-означаемое без означающего или с частичным означающим (например, при переходных явлениях между языком и антиязыком — название для трансцендентного числа пи). В настоящее время лексикон антиязыка насчитывает свыше сотни классов, первым среди которых стал класс футурологизмов. Класс футурологизмов всегда превышает весь наличный лексикон естественного общечеловеческого языка, поскольку такой класс невозможно объективировать по модели Дерриды в прото-письмо...» [1, 147—148]. И наконец, чтобы стало яснее, к чему все клонится, как достичь этого вожделенного вездесущностного состояния антиязыка: «Путь к генерализации языка может быть проложен только через *деантропоморфизацию* (жирный курсив автора. — В.К.) как бытия, так и языка» [1, 178].

Имея в виду данную установку, становится легче понять, почему главным объектом философии преодоления естественного человеческого языка и замены его чем-то другим объявляется учение о бытии М. Хайдеггера: «О какой языковой компетентности Мартина Хайдеггера можно вести речь, если у него не было даже интуиции об антиязыке?» [1, 54]. В самом деле, о какой, если основной заботой некомпетентного в языке Хайдеггера была судьба Sein и Dasein, а теперь компетенцией философии предлагается считать деантропоморфизацию бытия и наше ничто. Соответственно идеей фикс в борьбе с традиционной филолог(софи)ией не на жизнь, а на смерть является отказ от признания наличия онтологического фундамента языка и вытекающего из него принципа «изначального опоздания». Изначальное опоздание — это принцип различения плана содержания и плана выражения, причем первый «по определению» предшествует второму. В нем фактически воспроизводится традиционная метафизическая установка на отражение мира человеком. Ему/ей противопоставляется принцип «изначального опережения», когда сначала выражение (чего?), а потом — содержание (какое?). А такое, что «если принцип “изначального опоздания” представляет собой изначальное опознание неистинности языкового высказывания, то выход из неистинности видится не в немотствовании, а в антиязыковом решении — выражении плана содержания посредством *ментальной сигнификации* на уровне внутренней речи, про себя» [1, 92]. Сигнификация без языка возможна, поскольку «изначальное опережение» допускает существование выражения без выражаемого и его можно считать уже антиязыком, который теперь первичен. Сигнификация без языка (антиязык) «футурологична», т. е. не выражает наличных предметов, она «без присутствия». В отличие от языка, она больше не «дом бытия», а само бытие, однако не «прежнее», а какое-то новое, никому, в том числе автору, неизвестное.

Итак, антиязык, это тоже язык, но универсальный, изначальный, «прото» и «архе», своего рода океан, в котором могут быть острова в виде «естественных» языков, слов и понятий, да и то в прошлом, а в будущем, когда место фундаментальной онтологии займет «фундаментальная темпорология», он станет всем. Но если антиязык — это тоже язык, зачем городить огород? Чем и как они отличаются друг от друга? Тем, что подобно тому как труп или робот уже не человек, а постчеловек, неживое, человек, но все-таки не камень, дерево или животное, а бывший человек или будущие функции человека, его на(по)наследник, так и антиязык, это не речь, (не)язык, язык, но не другие вещи, пред-

меты или явления, а бывший или будущий, новый *бессловесный* язык, его на(по)следник. Смертию смерть поправ, на(в)месте языка возникает не что-то совсем другое, а его «свое Иное» ...

Ну и хватит, довольно запутывающего суть дела умствования: оторвемся от текста книги (читатель успел оценить ее общий замысел и стиль), чтобы сказать прямо: в философско-спекулятивной, пре(из)вращенной форме речь в ней фактически идет о коммуникации, медиареальности (*the medium is the message* — М. Маклюэн), онтологии сетей, наступающей на нас *иной форме бытия*. Котор(ая)ое может выражаться и преимущественно будет выражаться не на естественном словесном языке (логосе), как было с появления Homo genus, а соответственно другими способами. Самый распространенный из этих способов — число, цифра (матезис), возникшие несколько тысяч лет назад и которыми действительно «можно поименовать все». Сейчас они составляют основу, «субстанцию» программирования, а также взаимодействия компьютерных систем. Насчитывается примерно 8,5 тыс. языков программирования, наиболее известные из них Алгол, Фортран, Паскаль. «Язык программирования отличается от естественных языков тем, что предназначен для передачи команд и данных от человека к компьютеру, в то время как естественные языки используются для общения людей между собой» [2]. А поскольку после информационно-технологической революции люди все больше работают на компьютерах, «общаются» посредством Интернета, то естественно, что искусственные языки наступают. «От слова к цифре» — лозунг, который я каждый день вижу над кафедрой вычислительной математики, проходя через ректорский корпус своего университета. Это и есть пресловутый «вездесущностный» и универсальный язык=антиязык по А.С. Нилогову, объявляемый им океаном, долженствующим затопить все. Посредством него мы должны воспринимать любую окружающую реальность. (Даже кроссворды (крестословицы) вытесняются «судоку», где вместо слов надо составлять комбинации из девяти цифр, за которыми уже не стоят какие-либо смысловые образы.) Признается, правда, как мы видели, что в этом «вездесущностном антиязыке» остаются острова естественного языка, но дни их сочтены. Поднимаются волны атак на них, вот-вот готовые превратиться в девятый вал (для гуманитаристики, лингвистики, философии языка в шторм, который отправит их ко дну). Математическое, техническое, в пределе — бессловесное мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, нормой, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Это отказ от собственно гуманитарных форм человеческого бытия, который не все готовы принимать с открытыми глазами, или, кто видит, не хотят сопротивляться ему. Отсюда техно-

логизм современного гуманитарного сознания, даже философского, его трансформация, с одной стороны, в чистое «зомбическое мышление», недалекий характер (не дальше хода $e-2$ — $e-4$), а с другой, хаотизация, склонность к перверсии и самообману в представлении о происходящих процессах.

*Таким образом, источником и движущей силой лингвистической контрреволюции, все шире распространяющейся дискредитации языка, слова, вырождения эстетического в литературе, искусстве и всего «человеческого, слишком человеческого», превращения культуры в информацию является дигитально-технологическая революция, означающая вступление нашей цивилизации в стадию торжества Искусственного. Для доразумного живого она несет смерть как прямое вытеснение из реальности, для человечества она опосредована «включением к смерти» — эпохой *Mortido* [3].*

До чего мы, люди, дожили!

В ее в основном стихийном, превратном и лишь иногда более или менее сознательном мировоззренческом выражении А.С. Нилюгов не одинок, он в хорошей, прогрессивной компании. Раньше, тоньше и изощреннее его это было сделано в рамках постмодернизма, особенно в работах Деррида, его учении о письме (грамматологии). В отличие от ближайших коллег по деконструкции метафизического философствования. Деррида не остановился на ней, а предложил позитивную программу, выработав «субстанцию» для построения (конструкции) нового мира. Это была идея их замены «письмом», теория грамматологии как отказа от звукового языка и буквенного текста. Письмо или грамматологическое мышление есть знаковые, чисто формальные, математические способы обработки реальности. Грамма как единица следа и различия, черточка и пробел — это «бит» (10011100...), спекулятивно-гуманитарный аналог технической записи информации. Полу- и полностью автоматизированное мышление-коммуникация. В нем нет предметного референта, образов и смыслов (в этом смысле оно трансцендентальное, инобытийное), от которых оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. Так осуществляются «мысли о неммыслимом»: «мыслить без мысли о том, что мыслит человек» (М. Фуко). Это пост(анти)-языковое мышление, или постчеловеческая рациональность, в пределе есть язык и субстанция Искусственного Интеллекта. Так осуществляется так чаемая всеми прогрессивными без(д)умно-(на)учеными людьми *деантропоморфизация челове-*

ческого бытия. Трансмодернизм. И вытекающий отсюда трансгуманизм. Самоапкалипсис...

Насколько оригинален вклад нашего автора в идеологию разрушения человеком своего Lebenswelt (жизненного мира) вплоть до отрицания собственной телесности и живых форм общения? По тексту видно, что хотя о заслугах Дерриды в этом плане он знает, идеи антиязыка рождались самостоятельно. Более того, увидев (или указали критики, в том числе говорил я), что у Дерриды они давно разработаны и более фундированы, он задним числом пытается включить их в свою философию, утверждая, что понятие антиязыка шире «письма-программирования». «Антиязык является неким феноменом, в отношении которого протописьмо (Деррида) аналогично письму естественного языка, а грамматиология входит в состав **антилингвистики**» [1, 106]. Согласимся, что шире, «входит», ибо как всякое «анти» феномен антиязыка неопределеннее, он размытый, (с)мутный, и ему можно приписать любое состояние. Согласимся, но если до конца и только критически, это будет несправедливо. Несправедливо, если упустить, что у автора намечается уровень отрицания языка, которого у Дерриды не было. Именно, когда ему противопоставляется не дигитализация и программирование как формализованная коммуникация, а нечто принципиально беззнаковое, нерасчленяемое и неноминабельное (намек на что можно «вывести» из Предисловия). «Если антиязыковая коммуникация обеспечивает ресурсный базис бессознательного, проявляясь не в виде паралингвистических казусов, а пронизывая всю *фундаментальную антропологию* (в отличие от фундаментальной онтологии, опирающейся на (анти)язык бытия), то измененные состояния сознания можно редуцировать в качестве **антиязыковой бессознательности**, представляющей собой антиязыковый поток вне семиотической структуры...» [1, 129]. Антиязык как «поток вне семиотической структуры». Запомним!

И опять, теперь окончательно, оторвемся от текста, в котором еще много чего есть, включая споры с другими теоретиками, тоже ратующими за уничтожение живого языка и замену слова цифрой: М. Эпштейном, с его «скрипторикой» [5], который только упоминается, и С.Е. Шиловым, с его «риторической теорией числа» [6], которого он хотел бы включить в философию антиязыка, а тот, в свою очередь, обещает найти антиязыку местечко в РТЧ. Оторвемся, чтобы то, о чем толкует и в превратной форме предвидит А.С. Нилогов, говоря то о медитации, то о бессознательной телепатии с телепортацией, подверстывая их под антиязык, сказать проще. Без псевдофилософского тумана. И современнее. Чем все это вызвано, или как перерастание общества в Технос искажает сознание гуманитарных теоретиков.

Уже наличные признаки развития современной технологии показывают, что в пределе формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесное, будет осуществляться «от мозга к мозгу». Об этом день и ночь мечтают адепты так называемого «открытого церебрального общества» (когда будет прямая = внесемиотическая передача и чтение мыслей, которое пока в экспериментах). От мозга к мозгу, от чипа к чипу, от чипа к мозгу и наоборот — такой в идеале видится не опосредованная какой-либо внешней фиксацией передача сигналов. Над ее осуществлением полным ходом идет работа. По сути это не программирование, вообще не «язык», даже формальный, несловесный, потому что бессубъектная передача импульсов — не коммуникация, а «коммутация». Просто замыкание контуров. Да и все. Пульсация электрических сигналов внутри неких био- или кремниевых субстратов (ах, какая скорость, кричащие об онтологии коммуникаций новаторы не знают о том, что становятся консерваторами). Уже сейчас достаточно много людей, которые в традиционном мире только присутствуют, а (не)живут «там» — в качестве питательного бульона для интернет-матрицы. Чтобы совсем не отлипнуть от компьютера, они и питание себе придумали, получают по системе 3D какие-то растворы в пробирках; если нечаянно выйдут на улицу, то в очках-насадках, чтобы по-прежнему воспринимать мир не предметов, а фантомов и прямо на сетчатку глаза; секс тоже в виртуальных объятиях — в никому и в никуда; вот вам и «желание письма» вместо желания другого (первый уровень), а далее «тело без органов», «шевелиющаяся протоплазма», — как видим, введенные постмодернизмом концепты были философским предвидением теперь действительно происходящего. Зачем при подобном образе жизни живой язык? Так формируется «язык» для поколения next+ — без слов и звуков, в молчании, как информация без выведения «вовне», которая, поскольку ее никто не воспринимает, редуцируется до цепочки бегущих электрических импульсов. Вот он — подлинный антиязык, если говорить в подобных, как у А.С. Нилогова, приблизительно нащупываемых понятиях, когда мы вступим во второй, более фундаментальный этап лингвистической контрреволюции. В буквальном смысле слова «анти», т. е. на всю глубину, без коммуникации. Антикоммуникация. (Не)коммуникация. Коммуникация.

Таков конечный итог борьбы с живым общением: от естественных языков (речи) к письменным текстам и структурам, от них к цифровой коммуникации через «различание» (протописьмо, биты, скрипто-

рика и риторика числа, программирование), далее к новому тождеству в виде неких киберорганизмов, Матрицы или World Wide Grid. Или, например, мечтают почему-то еще не сбросившие с себя человеческий облик технократы: об о(за)хватывающих Землю «галактических информационных полях» [9], распластанном по ней «ландшафтном разуме» [10], по(на)крывающем ее «мыслящем океане» в духе С. Лема. Конец Логоса, ненужного при цифровой коммуникации, потом даже Числа, ненужного при прямой коммутации. Если смысловые эпохи истории человечества характеризовать предельно широкими мазками, то это будет: язык — коммуникация — коммутация. *Конец семиотической реализации возможных миров!* В борьбе с Бытием Хайдеггера через Ничто и нигитологию Дерриды по ленте Мебиуса приходим в ту же точку бытия, но *Иного*. Конец Света. Нашего. Впереди = после — Тот свет, о котором могут быть только футурологические фантазии, конкретизировать которые не решался даже С. Лем, а мы считаем их роковыми. Потому что постчеловеческие.

* * *

Когда летней ночью мотыльки, один за другими и целыми стаями, летят на огонь, сгорая в нем, думаешь: вот глупые создания, что их туда влечет — на очевидную смерть? Почему не видят, не чувствуют? Не так ли сейчас люди «летят на новое», стремясь к нему только потому, что оно «прогрессивное», дает сиюминутные выгоды и комфорт, не отдавая отчета в его опасности. Не желая, боясь оценивать ее, даже думать о ней. Иногда, правда, посетуют: что делать, «прогресс не остановишь». Структура фразы выдает суть процесса: «от смерти не уйдешь». Так хотя бы не отождествляйте его/ее с благом. И в отличие от мотыльков воспользуйтесь разумом, чтобы смотреть дальше своего носа, подчиняя научное сознание и технологические достижения задачам поддержания жизни. Особенно те, кто считает себя философами, должны им пользоваться не как рефлексом, а для рефлексии. Мыслить с одновременным пониманием, о чем и куда ведет мысль. Так им положено по профессии. Иначе мы не будем знать, когда нас не будет. Какие-нибудь мотыл(ьк)и, особенно теоретические, на которых хорошо клюют большие рыбы, скажут, что это хорошо: смерть-то счастливая, эвтаназия. Но она досрочная и наркотическая, зачем ее, безвременную, считать за «хорошо»? Благо живых людей — жизнь, которую надо защищать.

При знакомстве с работами авторов, увлеченных поток(п)ом технических достижений, видно, что их сознание похищено силами иного и не воспринимает экологических аргументов, отбрасывая их как проявление консерватизма. Но остается надежда, что на этапе прямого де-

монтажа родовой идентичности человека их может отрезать угроза своему индивидуальному существованию и свойственная сциентистам способность к последовательности суждений. Тем более, если они глубокие или хотя бы честные. Тогда, подняв и держа голову над водой, они увидят, что их несет к водопаду. Что они не субъекты, а объекты, материал прогресса, а самое страшное в современной цивилизации — это ее успехи. И захотят стать борцами со своим временем. Стать Личностями. Или хотя бы сохранить достоинство Разумных существ. Да, были на Земле такие, они умерли в борьбе, а не в бессознательном состоянии, сделав для сохранения на ней жизни все, что могли.

В нашем случае для надежд на консервативно-бытийный поворот есть определенные основания. Осмелимся дать молодому автору первой книги совет: ему надо отречься от философии антиязыка, проклясть ее как проявление слабости и предательства (по образованию он филолог), вызванного тенденцией к превращению цивилизации жизни в постцивилизацию техники, которая на первых порах его захватила, и перейти на сторону философии сопротивления. Конкретно, *экологии языка и защиты Слова* от перерождения в дигитальную коммуникацию или поглощения мертвой = бессмертной техногенной субстанцией. Обогащать экологию языка знанием причин его гибели. В эпоху *Mortido*. Поняв, что она собой представляет и где рождается ветер, дующий на корабле человечества в паруса «воли к смерти». Поэтому сжигать книгу необязательно. Лучше написать другую: «Философия живого языка».

В пользу подобной перспективы говорит то, что, несмотря на измену божественному «Слову», которое было «В Начале» и несло на себе всю человеческую историю, замену его «Цифрой», несущей нас в иной, искусственный мир, он демонстрирует уникальное чувство языка. Настоящую «любовь к врагу», которая то и дело прорывается. Хотя в целом текст ненужно сверхсложный, неудобочитаемый, многие выражения и находки в нем вызывают восхищение. Хайльдеггер (какая тонкая, злая ирония), осевое время (углубление смысла изменением всего одной буквы), сучность бытия (философское остроумие на грани хулиганства), птичий антиязык (убойная самокритика), сплю, следовательно, существую (над столь неожиданным парафразом Декарта я смеялся целый день и лег спать воодушевленный), тоталерантность (уничтожающая оценка идеологии политкорректности одним словом). И т. д. — до тех пор пока мотылек ни станет высоко парящим дальнорзорким орлом.

Надежда живет последней.

Литература

1. *Нилогов А.С.* Философия антиязыка. СПб., 2013.
2. Список языков программирования // www.seobuilding.ru/wiki/.
3. *Кутырев В.А.* Время Mortido. СПб., 2012.
4. *Декррида Ж.* О грамματοлогии. М., 2000.
5. *Эпштейн М.* Творческое исчезновение человека. Введение в гуманитарологию // *Философские науки*. 2009. № 2.
6. *Шилов С.Е.* Риторическая теория числа. М., 2013.
7. *Панов А.Д.* Галактический сверхразум и программа SETI // *Земля и Вселенная*. 2003. № 3.
8. *Чеклецов В.В.* Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к Разумным Ландшафтам. // *Философские науки*. 2010. № 6.

В.В. ВАРАВА

«Черная кошка познания», или Как философствуют антиязыком*

Аннотация. Поднимается проблема подлинного источника мысли, языковая ограниченность которой бросает современной философии антиязыковой вызов.

Ключевые слова: философия антиязыка, Нилогов, Гиренок, антислово, Хайдеггер, философия языка.

Abstract. In the review of A.S. Nilogov's book «Philosophy of antilanguage» is brought up the problem of an original source of the thought which language limitation throws down modern philosophy an antilanguage challenge.

Keywords: philosophy of antilanguage, Nilogov, Girenok, antiword, Heidegger, philosophy of language.

Антиязык — это только на первый взгляд не совсем понятный мир, даже целая вселенная, вокруг которой вращаются все главные идеи книги А.С. Нилогова, — человека весьма интересного в современной отечественной философии. Уже один тот факт, что он является автором известного издания «Кто сегодня делает философию в России»

* Рецензия на кн.: *Нилогов А.С.* Философия антиязыка. — СПб.: Алетей, 2013. — 216 с.

(М., 2007, 2011), вызвавшего весьма разноречивые реакции, но бесспорно всколыхнувшего дремлющее философское сообщество, говорит о его эвристичности как философа.

Главная задача, которой посвящена его книга «Философия антиязыка», вышедшая в издательстве «Алетейя», заключается в разработке концепта антиязыка. «Замах» автора весьма впечатляющ, если не сказать самонадеян. Это видно хотя бы из такого определения: «Антиязык — это совокупность классов антислов. Он помогает именовать такие вещи, которые невозможно называть с помощью обычного естественно человеческого языка. Антислово нельзя выразить посредством звуков. Оно обладает значением, но не звучанием. Антиязык — это подводная часть айсберга. Верхушка айсберга — все наличные человеческие языки» (С. 208).

Что это? Исключительно авторская претензия создать очередной метафизический фантом философии или действительно перспективная работа, расширяющая рамки традиционной философии языка да и вообще философии? Мы склоняемся ко второму варианту и постараемся это показать на том материале, который есть в книге.

Конечно,стораживают такие сентенции: «Примеры антислов отсутствуют, ибо невозможно произнести антислово на естественном языке», «Антиязык предоставляет возможности для невербальной коммуникации, а также для телепатии и чтения мыслей». Но это скорее манифестация неких запредельных возможностей антиязыка, нежели признание в любви к телепатии как таковой. Здесь вообще ставятся серьезные философские вопросы о мысли и ее возможном воплощении в слове: как можно мыслить немислимое? какой способ бытия вообще присущ языку? Эти достаточно традиционные вопросы находят совершенно неожиданную трактовку: даже не столько трактовку, сколько неожиданным является сам подход, который выполнен в авторской стилистике, принимающей всерьез все те засады и ловушки, которые содержит язык и которые при обычном рационалистическом подходе просто-напросто не видны.

Каким образом разворачивается авторская логика — логика антиязыка? В каком-то роде это должен быть антитекст, если задачей является изучение «пределов семиотической номинации», что предполагает, ни много ни мало, «интервенцию в небытие». Уже одно это заставляет усомниться в непререкаемости «тождества бытия и мышления» — некоего канона философии, во многом повлиявшего на исчерпанность современной парадигмы философии, поскольку в рамках данного ка-

нона игнорируется «небытийный потенциал» языка, коренящейся в невербальных (непроявленных) пластах сущего.

Прежде всего, бросается в глаза предисловие, вернее то, что представлено вместо него. А представлен большой фрагмент из книги другого автора, оформленный как одна огромная цитата. Этот не совсем тривиальный ход может и возмутить иного читателя, тем более когда он не сразу разберется, что это именно цитата, и обнаружит это лишь после того, как уже, скорее всего, согласится с написанным. И здесь может быть даже разочарование, поскольку написанное очень хорошо, и читатель уже поверил, что эти слова принадлежат А.С. Нилогову, в то время как они принадлежат С.Ю. Ключникову.

Но в логике антиязыка это оправдано, поскольку одна из главных проблем, с которой и сталкивается собственно философия антиязыка, заключается в невозможности выговорить невыговариваемое, т. е. невозможность найти точное вербальное соответствие мысли (в своей сути невербальной и трансцендентной). «Мысль изреченная есть ложь», как хорошо известно, но автор хочет быть предельно честным, раскрывая семантическое безумие языка, коренящееся в подвалах антиязыка. И поэтому передача слова (вместо предисловия) другому означает лишь то, что автор полностью согласен с этими словами, притом что он снимает с себя ответственность за всю ту возможную неадекватность выраженного (которую чувствует только он сам), если бы он написал предисловие сам.

Он как бы перепоручает самые важные мысли другому, аскетически самоустраняясь как автор. И когда мы читаем, что автор (в данном случае С. Ключников) прежде всего хотел бы сделать так, чтобы книга (разумеется, его собственная — «В поисках безмолвия») помогла «повысить культуру молчания в нашей стране», то мы понимаем замысел А.С. Нилогова. И понимаем его еще больше, когда далее соглашаемся с такими мыслями С.Ю. Ключникова, что «сегодня мы превратились в страну болтунов», где народ «страдает речевым недержанием, забалтывая и превращая в прах любые серьезные дела».

Философия антиязыка и направлена на то, чтобы в какой-то мере ослабить эту современную болтовню, беспрецедентный масштаб которой граничит с коллективным безумием. Действительно, обильность многоголосия современных дискурсов, которыми наводнено наше речевое пространство, скорее удручает, нежели радует. Отсутствие «культуры молчания», о которой говорят соавторы «Вместо предисловия» (Нилогов и Ключников), думается, коренится в забвении неких принципиальных и фундаментальных философем философии (если можно так выразиться), которые начисто проигнорированы современ-

ным массовидным мышлением, превратившим культуру в бессмысленный базар.

Ситуация сегодня действительно критична, поскольку возможность выбрасывать в семантический эфир культуры любой вздор просто неограничена. Нужна определенная философская дисциплина мысли и речи, которую и предлагает автор, дав нам понять, что немногого стоят дискурсы, игнорирующие ловушки, расставленные антиязыком. «Металингвистическая функция (анти)языка» (С. 24) требует некоего гипертекста, чтобы понять очевидное: язык как данность никогда не может быть ни описан, ни тем более истолкован полностью. Это значит, что герменевтика невозможна: невозможно понять то, с помощью чего понять невозможно то, что невозможно понять. Но антиязык в некоторой мере останавливает дурную бесконечность интерпретаций, порождающую дурную бесконечность текстов культуры. Сама книга и представляет собой некий гипертекст антиязыка, в котором умирает всякая возможность понимания. Тем самым как бы возрождается древняя философская техника — «эпохэ», отсутствием которой страдает нынешняя, в том числе и философская, культура.

Как заметить антиязык и уловить его незримую субстанцию, парадоксальным образом оказывающуюся основанием всего зримого? Автор дает нам некие философско-культурные, точнее лингвофилософские, ориентиры движения своей мысли, приводя в качестве эпитафий ко всей книге достаточно показательные высказывания Леви-Стросса, Соссюра, Бенвениста, Фуко. Цитаты подобраны так, что настраивают читателя в совершенно установленной тональности, идущей вразрез со всеми обыденными представлениями о языке. А именно: то, чем человек безраздельно обладает в качестве показателя его человечности, т. е. языком, оказывается и не принадлежит ему вовсе: человек вообще не имеет ни малейшего представления ни о сущности, ни о происхождении, ни о бытии языка. А кажется ведь совершенно обратное: раз мы владеем языком, то мы уж точно знаем, что это такое. Но как раз и автор здесь постарался, чтобы разубедить нас в очевидном, все иначе: неуловимая суть антиязыка не позволяет нам объективировать ни одну из существующих теорий языка, более того, саму философию языка, которая так царственно расположилась на пантеоне современной философии. Перед нами парадокс, с которым сталкивается всякое мышление, мало-мальски настроенное на философствование.

Базовый концепт антиязыка во многом схож с идеей «невоображаемого», принадлежащего философу Ф.И. Гиренку (которому, кстати

сказать, посвящена вся книга). Автор вступает в некую, с позволения сказать, полемику с Ф.И. Гиренком, называя это «философским перемирием». Однако немного дерзковато и самонадеянно выглядит такое перемирие: «Гиренок все еще не научился танцевать над воображением, — летать над его антропоморфностью, — энтропийностью, — Гиренок все еще учится философствовать о воображении, тогда как пора бы уже научиться воображать о философствовании» (С. 164).

В этом пассаже чувствуется все-таки неистребимая зависимость от всего того, что сделано Ф.И. Гиренком в философии. Но естественное желание обрести собственные мысль и слово заставляют автора избавиться от «родовой пуповины», поместив его в пространство нигилирующего действия антиязыка: «Я воображаю воображающего Гиренка, который воображает воображающего Гиренка, который воображает меня, воображающего воображающего Гиренка, который...» и т. д., вплоть до пределов невоображаемого.

Авторский поход против «философии языка» обозначен уже в названии первой части книги «Преодоление философии языка от Мартина Хайдеггера». В общем-то становится понятно, о чем пойдет речь, особенно после методологической инвективы Хайдеггера: «Философскому исследованию придется отказаться от “философии языка”, чтобы спрашивать о “самых вещах”, и оно должно привести себя в состояние концептуально проясненной проблематики». Автор усиливает свою позицию, ссылаясь, пожалуй, на самую сильную мысль В.В. Библихина о том, что философия несет в себе язык, — что философия и есть язык.

И если, следуя за мыслью Библихина, дело философии в том, чтобы дать слово мысли, то книга А.С. Нилогова и есть такая попытка дать слово мысли об антиязыке. Это не просто, поэтому не прост и представленный текст. Автор проводит нас через огромное количество философских тем, как традиционных, так и антитрадиционных, показывая при этом и свою эрудицию, и достаточно высокую культуру собственного философского мышления, которую не всегда удается сразу вычленивать, поскольку одна из главных стиливых особенностей данной работы — это обильное цитирование.

Но мы уже знаем, судя по предисловию (вернее антипредисловию), что автор стремится предоставить возможность говорить своим языком другим авторам, с которыми он внутренне согласен. Не перефразировать чужую мысль, а дать ей возможность свершиться в тексте самой. Это достаточно тонкая процедура имплантации чужой мысли в свой текст без нарушения чистоты своей и чужой мысли. Памятуя о том, что многоцитирование все-таки дурной тон, мы вынужде-

ны признать, что автор справился с этой задачей, причем даже с какой-то эстетической безупречностью.

Автор постоянно испытывает нас на пределе семантических возможностей, создавая часто философские провокации, попав в которые, нужно определенное философское умение, чтобы выйти «сухим из воды». Например, следующее высказывание: «Антиязык как дискурс *дьявословия* (выделено мной. — *В.В.*) не принимает в расчет божественное сознание в качестве разновидности ложного сознания, но рассредоточивается на том, что может быть безвозвратно утеряно в борьбе со злом, не будучи заранее означенным, то есть проанонсированным антиязыковой номинацией» (С. 33). «Дискурс дьявословия» основывается на том, что совершенно не принимает в расчет официальная философия, а именно — «черную кошку познания», которая всегда перебегает дорогу незадачливым «любителям мудрости». Нужно согласиться с автором, что «...до сих пор над философией могли кружить только неповоротливые совы, сующие свои крючковатые носы во все дыры бытия, — единственный прок от которых — в чучелах да сувенирных статуэтках, — в эмблемах философских факультетов, — нападающие ночью, — исподтишка, — точно неся в себе первородный дух тяжести...» (С. 165).

Стиль данной работы можно определить словами самого автора — «импрессионистская дескрипция антиязыка». Это «антиязыковая панацея от семиотизма», означающая «удержание вещей от языковых игр без правил самоименования». В более глобальном контексте это выглядит так: «тоска по досемиотическому веществу вещей подразумевает такое временение бытия, которое *полностью* готово к *бытийственному* воязыковлению накануне изобретения человеческого языка» (С. 53—54). Иначе это попытка проникнуть в ту несказанную тьму, в которой происходит зачатие языка и претворение (или вырождение) которого в слово естественного языка всегда сопровождается смертью мысли (мыслимого). Поэтому философия и занимается разоблачением всяческих уловок языка, чтобы обнаружить мысль, в идеале — еще не рожденную мысль, сохранив ее от неизбежной смерти в естественном языке.

Вообще книгу отличает тонкая философская ирония, проявляющаяся, в том числе, и в названиях разделов, которые ревнители традиционной «университетской мудрости», назвали бы «постмодернистскими штучками», заклеив это как философское хулиганство. Вот некоторые авторские неологизмы антиязыка: «Хайльбермас», «Хайльдеггер»,

«Думствование», «Сублиматушка», «Переницишить Ницше», «Осевое бремя», «Вавилонское смешение антиязыков», «Полити-кант-ство», «Языказация», «Дьяволоизбранный народ», «Щетина Эпштейна», «Неоральная коммуникация», «Вечное жидовствование», «Лизание ахиллесовой пяты», «Невеществование», «Народ бездумствует», «Осторожно, Би-би-хин!», «Нилогов в пересказе Нилогова», «(Анти-)Нилогов в пересказе Анти-Нилогова», «Уруинирование Гиренка» и т. д.

Причем эти названия разделов могут существовать как вполне самостоятельные языковые (или антиязыковые) образования, поскольку не всегда есть точное (по крайней мере, причинно-следственное) соответствие названия содержанию называемого. Но эта такая тактика в форме антиязыковой хитрости — сбить с толку читателя, погрузив его временами в совершенно энигматичный текст, в котором, однако, есть путеводная звезда, имя которой — «изначальное опоздание», определяемое бесконечное количество раз посредством ссылок и цитат. Но частые (нужно сказать адекватные и уместные) ссылки на серьезного и здравомыслящего Ю.М. Осипова заставляют все-таки поверить автору, дав ему философский *carte blanche* в его легитимизации антиязыка.

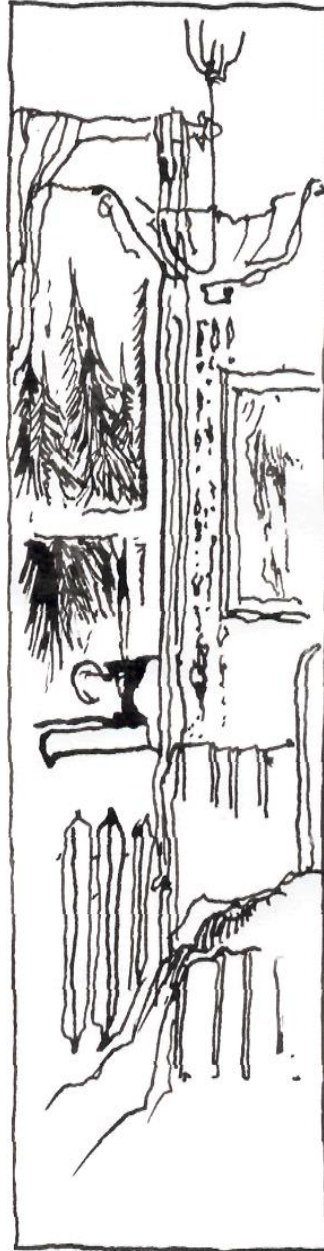
В целом данный *текст*, который выполнен в жанре «тяжбы» (причем неважно с кем — с бытием, с философией, с языком, с культурой, с Ф.И. Гиренком, с самим собой), представляет собой некий *тест* на философскую прочность языка (или языковую прочность философии). До каких пределов может распространяться власть антиязыка, в пепелящем горниле которой сгорают остатки всякого здравого смысла? Этим вопросом автор бесконечное количество раз, подчас виртуозно, подводит читателя к необходимости пересмотреть некоторые очевидные истины, которые до этого было вне зоны критической рефлексии. В некотором смысле «Философия антиязыка» несет в себе философский месседж, лежащий собственно за пределами данного текста. Это настройка сознания на определенную волну, которая позволяет подойти даже к таким вопросам, как «невербализируемость тайны» как показатель лингвистической некомпетентности философов. Это, кстати, наиболее спорный момент всей концепции, поскольку невыразимость тайны не только, как считает автор, «выдает эмоциональный апломб вопрошающего о тайне», которая «требует своего призора в языке», но потому, что сам антиязык и основывается на этой невыговариваемой тайне, являясь ее невербальным репрезентом в структуре самого обыденнейшего дискурса. Более того, антиязык и есть тайна, благодаря которой возможна философия.

Прочитать книгу А.С. Нилогова среднестатистическому читателю нет никакой возможности; этот текст непрочитываем до конца. Но не

по причине особой «сложности» или «заумности» данного текста. Такова природа (в высшей степени парадоксальная) нашего языка и сознания, в конечном счете, нашего бытия, которое так тесно, но совершенно непостижимо связано с языком (или уже с антиязыком?!). Но, несмотря на все «подводные камни» антиязыка, эту книгу все-таки следует рекомендовать к чтению, особенно тем дерзновенным философам, которые ищут новых путей в философии.

Философия антиязыка — это своего рода последний шанс для существа, опознавшего себя некогда исключительно языковым существом. Остается сказать, что выдержав этот тест, вы чувствуете себя освобожденным и очищенным от гнетущей неопределенности и многозначности, в которую нас нудит детерминизм естественного языка. Будем благодарны автору: философский катарсис сработал, и философия снова победила язык, доказав и показав свои преимущества перед всем остальным.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Поздравления Б.И. Пашко

ЦОН при МГУ и Академия философии хозяйства сердечно поздравляют *Бориса Игнатьевича Пашко* по случаю его семидесятипятилетия, нисколько не сомневаясь в его намерениях и дальше продолжать свою разнообразную и плодотворную деятельность на благо российского ученого мира — как от себя лично, так и от имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации!

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Философия хозяйства и историософия (философско-хозяйственный подход к историософии)

История человечества есть история его хозяйства, понимаемого как реализация жизнеотправления человека. Вне хозяйства нет жизни, нет существования, нет бытия, нет и истории. Хозяйство — непрерывная бытийная реальность, а история — осознанная фиксация этой реальности во времени. Реальной истории нет, а потому история — та или иная трактовка. Учитывая хозяйство, можно «обреальить» историю — как историю хозяйства! Историческая фактология и историческая смыслология — не одно и то же. К последней ближе философия хозяйства с ее феноменом хозяйствующего человека, однако феномена столь же трансцендентного, сколь и имманентного. Метафизика хозяйства на службе у метафизики истории, если, конечно, признавать первичность первой над второй. Философия хозяйства — величайшее подспорье для историософии, обретающей в связи с этим необходимую металогичность. Но, возможно, всё и не так — у философии хозяйства никакого тут приоритета. Прекрасный повод для дискуссии!

14 февраля 2014 г., вторник
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна (по случаю 60-летия со времени ухода из жизни И.В. Сталина)

Советский период в истории России имеет как уникальное, так и великое значение. От драмы русской революции до трагедии советского (антисоветского) краха через перевороты, преобразования, репрессии, достижения, завоевания, победы, подъемы, застои, кризисы, маразмы, измены. Невероятный взлёт и немислимое падение. Непреходящая роль большевизма, И.В. Сталина и сталинизма. Некапиталистическая система. Тотальный этатизм. Подконтрольное экономическое начало. Прямой натурализм. Эксплуатация и производительно-творческий эффект. Советская цивилизация. Вершина и начало стагнации. Самоистребление и невозможность продуктивной самотрансформации. Остекленение. Завороженность. Непреклонное стремление к гибели. Внутренняя измена и внешнее разрушительное давление. Исчерпаемость и внезапный конец. Громадный и поучительный исторический урок. Что же это на самом деле было?

18 марта 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2014

**VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

17—19 апреля

Секция лаборатории философии хозяйства *Инновационный дирижизм в современной хозяйственной практике*

Научно-технический прогресс и инновационное развитие — процессы насколько самопроисходящие, настолько и централизованно осознаваемые и в решающей мере субъективно из центров управляемые. Роль государств не переоценить!

Россия — страна государственническая. Отсюда особое значение государственного дирижизма в инновационной сфере, органично и эффективно сочетающегося с инициативами снизу. Дирижизм — не

тотальное и директивное управление из центра, а настойчивая эффективная поддержка инновационных начинаний и побуждение к достижению чётко осознанных целей. Сегодня это неодирижизм, учитывающий неоиндустриальный характер хозяйства, его высокую технологичность, финансовый характер экономики, мирообусловленность научно-технического прогресса и инновационного развития.

Конструктивный государственный инновационный неодирижизм — ясный ответ на потребность времени и на острый вызов исторического момента.

Просим учесть, что публикация статей осуществляется до конференции! Пожалуйста, следите за сайтом экономического факультета, где будут указаны сроки и условия предоставления публикаций.

18 апреля 2014 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Философско-хозяйственная трактовка экономики

Философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства даёт свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизического феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, её «грааль». Экономика — это стоимость, её движение, её реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге иное понимание сути экономики, её функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

16 июня 2014 г., четверг

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

**Кризис мира и мир кризиса
(эсхатологическая драма современности)**

Современный мир в кризисе, безусловно, в переходном, но в то же время и в апокалиптическом. Мир на краю, в борьбе миров, в сложной схватке Постмодерна (торжествующей ультрасовременности), Модерна (продолжающейся модернизации) и Премодерна (оставшей традиции). Постмодерн — не только не преодоление кризиса мира, но, наоборот, его генератор. Выход мира к Постмодерну — не выход мира из кризиса. Потребность преодоления Постмодерна через обращение к традиции, но не через нисхождение в Премодерн. Человечество не перед выбором, а внутри судьбы, уготованной ему исторической трансценденцией. Уж не сбываются ли библейские пророчества?

Сентябрь 2014 г.

**Пос. Новомихайловский, Краснодарский край
(по специальным приглашениям)**

* * *

VIII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Лекция-дискуссия профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского**

на тему:

**Философия хозяйства в фундаментальной подготовке
экономистов**

Философия хозяйства сложилась в целостное знание, оставаясь открытой для новых суждений, смыслового и категориального обогащения, дальнейшего развития. Имеет место практика преподавания философии хозяйства в высшей школе, в МГУ. Ознакомление учащихся с основами философии хозяйства способствует расширению их профессионального кругозора, стимулирует творческие потенции. Пришло время более основательного внедрения философии хозяйства в образовательный процесс.

Октябрь 2014 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***Постмодерн: инфернализация гуманизма,
или От культуры к антикультуре***

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Российский антикризис:

потребности, препятствия, исходы

(социум, государство, экономика, культура)

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монопольно-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на бесспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который вовсю просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И, однако, будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжество антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается

в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации?! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевая кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

1. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.
2. Государственный антикризис и национальное возрождение.
3. Культурный антикризис ради человека и общества.

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183.

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Наши авторы

АНДРЕЕВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

БАБАЕВА АЙДАН АЛИДЖАН кызы,

аспирант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет (г. Баку, Азербайджан). (*aydan-babayeva@hotmail.com*).

БАБАЯН ВИЛЕН ГУРГЕНОВИЧ,

к.х.н., старший научный сотрудник, Институт фундаментальных исследований, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*kaf-mei@yandex.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский государственный университет (*birs.07@mail.ru*).

БИСКЭ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ,

д.г.-м.н., профессор, кафедра динамической и исторической геологии, Санкт-Петербургский государственный университет (*gbiske@hotmail.com*).

БУЛАВКА-БУЗГАЛИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА,

д.ф.н., главный научный сотрудник, Российский институт культурологии (*bulavka81@inbox.ru*).

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, факультет философии и психологии, Воронежский государственный университет (*vldimir_varava@list.ru*).

ВОРОНИН ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.и.н., доцент, Прокопьевский филиал Томского государственного университета (*voronin@prk-tsu.tck.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ГРИНЮК АННА ИГОРЕВНА,

соискатель, философский факультет МГУ (*anne.grinuk@gmail.com*).

ЕГОРОВ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

д.ф.н., профессор, Псковский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики (*nemo13@mail.ru*).

ЗОЛКИН ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ,

соискатель, кафедра мировой экономики, Московский государственный университет (*i.s.zolkin@mail.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н. профессор, заведующий кафедрой экономической теории и мировой политики, Государственный морской университет имени Ф.Ф. Ушакова (*kash-vic@mail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vi-korn1@rambler.ru*).

КУБАНЁВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

д. культур., профессор, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Арзамасский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (*nabilkina@yandex.ru*).

ЛАЧАЕВА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России, исторический факультет, Московский государственный педагогический университет; профессор, кафедра источниковедения, исторический факультет МГУ (*lachaeva@mail.ru*).

ЛЕКУС ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА,

аспирант, кафедра философии, культурологи и политологии, Московский гуманитарный университет (*lekus_elen@mail.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк республики Беларусь (г. Минск, Белоруссия) (*G.Mojsejchik@nbrb.by*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., к.э.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.ru*).

НАУМЕНКО ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА,

д.ф.н., профессор, кафедра философии и методологии, экономический факультет МГУ (*t-naumenko@yandex.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель, Центр кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета; заведующий кафедрой гуманитарных и общих дисциплин (*ocean_65@mail.ru*).

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

СОМКО МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА,

аспирант, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (*mbkl@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

доцент, кафедра культурологии и литературы, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*alekst_24@mail.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АРНОЛЬДОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, заместитель декана по науке, заведующий кафедрой философии и методологии экономики, экономический факультет МГУ (*tutov@econ.msu.ru*).

ФЕДОТОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член Российской академии естествознания, д.и.н., к. богосл., профессор, заместитель директора по научной работе, Ивановский филиал Института управления (г. Архангельск) (*aalfedotov@ya.ru*).

ФЕСЕНКО ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра истории и культурологии, Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А.Н. Бекетова, (*g.glicinia@gmail.com*).

ФИЛИМОНОВ СТАНИСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

ассистент кафедры экономической теории и мировой экономики Государственный морской университет имени Ф.Ф. Ушакова (*kashvic@mail.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

ЮРЬЕВ ВЛАДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*rector@tsu.tmb.ru*).

Содержание за 2013 г.

Пятнадцатый! (Ю.М. Осипов).....	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российский вызов развитию России	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия на подъеме!	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции	№ 5
Философия хозяйства	
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма.....	№ 1
<i>О.В. Бойко-Бойчук</i>	
Постреформенная Россия — возвращение в себя.....	№ 2
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Философия хозяйства и политическая экономия: тождество и различия	№ 2
<i>А.В. Бузгалин</i>	
«Русский вопрос»: марксистский анализ (тезисы к дискуссии)	№ 5
<i>М.В. Вьлева, Ю.А. Платонова</i>	
Социальная ответственность и хозяйственная деятельность: софийное хозяйство С.Н. Булгакова и современная концепция устойчивого развития	№ 4
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Горизонты русской философии хозяйства	№ 5
<i>О.Г. Домбровский</i>	
Хронотоп геоэкономики в условиях биномиальной интерпретации глобализационных процессов	№ 4
<i>Л.М. Ипполитов</i>	
Христианско-этическая концепция распределения доходов С.Н. Булгакова	№ 5
<i>С.Г. Ковалев, В.Е. Сабинин</i>	
Философия глобализации	№ 4
<i>Ф.Д. Кожурин</i>	
К мировоззренческой подоплеке теории хозяйства и христианской демократии	№ 3
<i>В.К. Королев</i>	
Проблема «модернизации» человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов.....	№ 5
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком.....	№ 5

<i>М.Ю. Лачаева</i>	
Осознание и реализация «фактора древности» в «лаборатории» русской хозяйственной жизни: ученые и власть.....	№ 1
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Философия хозяйства как парадигма инноваций	№ 4
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Ю.М. Осипов как создатель новой парадигмы стоимости Евразийского союза	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Уроки Макиавелли — уроки для всех: заблудших правителей, разуверившихся народов, запутавшихся мудрецов (к 500-летию написания великим итальянцем Никколо Макиавелли не устаревшего в веках и ныне остро актуального многослойного, многоумного и искрометного произведения под названием «Государь»)	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философско-хозяйственный ключ к постижению исторической реальности	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск	№ 4
<i>Г.А. Родина</i>	
Прорыв к развитию: сочетание универсалий и самобытности.....	№ 2
<i>М.А. Румянцев</i>	
Путь российского хозяйства и отечественная мысль	№ 5
<i>С.З. Семерник</i>	
Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического».....	№ 3
<i>С.В. Синяков</i>	
Философия и экономическая наука.....	№ 4
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о принципах солидарности и субсидиарности на международном уровне	№ 1
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма	№ 2
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства в изложении Совета глав протестантских церквей России	№ 3
<i>А.В. Тарасов</i>	
Хозяйство — визуальное зеркало логоса	№ 6
<i>Л.А. Тутов</i>	
Философия хозяйства и кризис неоклассики	№ 6

<i>А.А. Федотов</i>	
Новейшая история Русской православной церкви (1943—2000) сквозь призму экономического подхода.....	№ 4
<i>Г.Г. Фесенко</i>	
Город: философско-хозяйственные контексты	№ 6
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Проблема ценности теории по С. Булгакову и политическая экономия сегодня	№ 4
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Поле боя. Четвертая ипостась.....	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Главное бухгалтерское уравнение России.....	№ 3
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Блеск и нищета экономической мысли России	№ 5
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Реформистское и постреформистское иго России.....	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизика и анатомия Сети	№ 2
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Развитие или преобразование России?	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Россия или экономика-хрестоматика?	№ 5
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: историографический анализ вопроса «Религии Китая».....	№ 1
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственного развития Китая	№ 2
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: производительное земледелие Китая	№ 3
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: фундаментальные технологии Китая.....	№ 5
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: Китай и современная наука	№ 6
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Христианский социализм С.Н. Булгакова и современность.....	№ 2
Экономическая теория	
<i>Л.Ю. Андреева, М.Л. Сомко</i>	
Система профессиональных компетенций, переподготовки и повышения квалификации работников крупных компаний как фактор экономической динамики	№ 6

<i>А.А. Бабаева</i> Новая индустриализация как неотъемлемая составляющая инновационного роста.....	№ 6
<i>Н.И. Балдыч</i> Кризис доверия к финансовым институтам в условиях несовершенной информации: пути преодоления.....	№ 1
<i>А.А. Горшков</i> Неоклассическая теория провалов рынка и ее критика.....	№ 1
<i>А.В. Готнога</i> Рентные механизмы воспроизводства будущего общества	№ 5
<i>А.А. Гриценко</i> Постреформизм: методологические основания постановки проблемы	№ 2
<i>Е.А. Демакова, Л.А. Слонова, И.В. Шишкина</i> Задачи квалиметрии в сфере закупок продукции для государственных и муниципальных нужд.....	№ 3
<i>А.Г. Домбровский</i> Экономический хронотоп в синергетическом измерении	№ 1
<i>О.Г. Домбровский</i> Экономические системы в условиях коэволюции и энтропии	№ 3
<i>А.В. Донченко</i> Повышение конкурентоспособности экономики Франции в условиях развития инновационной системы стран.....	№ 4
<i>С.А. Дятлов</i> Энтропийная экономика: методологический подход к исследованию	№ 5
<i>Д.Г. Егоров</i> Экономический мейнстрим и стоимость: о позитивизме в экономической теории.....	№ 2
<i>А.А. Залетный</i> От «активов» к «авуарам»: финансовый сектор	№ 4
<i>А.А. Залетный</i> Человеческий потенциал управленца как экономического субъекта: факты, стереотипы, принципы	№ 5
<i>И.С. Золкин</i> Первые итоги членства России в ВТО: влияние на внешнеэкономическую безопасность.....	№ 6
<i>С.В. Кайманаков</i> Необходимость неоиндустриализации в России: выход на безопасный технологический уровень и траекторию инновационного развития	№ 4
<i>В.В. Кашицын, С.В. Филимонов</i> Дискуссия о рынках в России в конце XIX — начале XX в. и ее непреходящее значение	№ 6
<i>Л.Д. Киянова, Е.В. Форост</i> Классификация регионов	№ 5

<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i> Застраховаться от нео-неоиндустриализации	№ 2
<i>В.И. Корняков</i> Главный фантом классической теории и современность	№ 6
<i>В.М. Кульков</i> Постреформизм и трансформация в экономике России.....	№ 3
<i>П.С. Лемещенко</i> Базовые регуляторы неоиндустриальной экономики	№ 3
<i>П.С. Лемещенко</i> Институциональная ценность как категория новой политической экономики.....	№ 6
<i>А.Б. Николаев</i> Мирохозяйственные аспекты формирования стоимости	№ 1
<i>М.Ю. Павлов</i> Контуры посткризисного мира: на пути к преодолению экономизма	№ 3
<i>П.В. Павлов</i> Особая экономическая зона как институт эффективного развития инновационной экономики	№ 4
<i>Н.В. Рассказова</i> Устойчивое развитие социально-экономической системы в контексте теории интересов.....	№ 5
<i>И.Е. Рудакова, Т.И. Курносова</i> Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории	№ 2
<i>В.С. Сизов</i> Новая экономика и ее региональные аспекты.....	№ 5
<i>П.В. Скотный</i> Рост человеческого капитала как основа развития государства.....	№ 1
<i>П.В. Скотный</i> Методология синергетического анализа экономического знания: логика обновления	№ 4
<i>Б.Б. Славин</i> Информация и кризис экономики	№ 1
<i>Д.П. Соколов</i> Эволюция системы взглядов на сущность отношений собственности	№ 2
<i>К.И. Сотникова</i> Почему в России нет компаний подобных «Apple» или «Toyota»? ...	№ 1
<i>М.С. Тимофеева</i> Управление качеством образования как продуцент релевантных знаний для развития неоиндустриальной экономики.....	№ 4
<i>А.В. Туча</i> Проблема идентификации монополии в контексте современной трансформации российской экономики.....	№ 4

<i>Т.С. Черников</i>	
Кризис как форма теоретического развития экономической науки...	№ 3
<i>Г.С. Широкалова</i>	
Продовольственная безопасность России: как считать и что считать?.....	№ 5
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Краеугольные камни стратегии научно-технологического прорыва	№ 4
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Маньяки истины.....	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Без надежды на успех.....	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский.....	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Критика теории перманентного Ренессанса.....	№ 4
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О романтизме в XXI веке.....	№ 5
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Эстетика катастрофы.....	№ 6
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Игра. Тезисы.....	№ 4
<i>В.В. Гришин</i>	
Некоторые особенности общественного сознания современности.....	№ 2
<i>З.Н. Джамалдинова</i>	
Свобода в поисках своей идентичности.....	№ 4
<i>Д.Г. Егоров</i>	
Что такое наука и почему мы ей доверяем?.....	№ 6
<i>О.Н. Казакова</i>	
Символ как основа культуры информационной реальности.....	№ 4
<i>Э.А. Камалов</i>	
Экономическая и техническая рациональность: источники легитимности.....	№ 3
<i>Э.А. Камалов</i>	
Свободно ли свободное время?.....	№ 5
<i>А.А. Кравченко</i>	
Творчество учителя в структуре архетипа.....	№ 4
<i>А.А. Кравченко</i>	
Концепт ответственности в рефлексиях «циничного разума» Постмодернизма.....	№ 5
<i>К.В. Молчанов</i>	
«Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения.....	№ 6
<i>В.А. Морозов</i>	
Совместимость науки и религии. Постижение истины.....	№ 4

<i>Ж.Л. Океанская</i>	
Философское имяславие как продолжение Кирилло-Мефодиевского дела.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Сеть как феномен человека и человечества	№ 3
<i>В.Н. Рогожникова</i>	
Свобода в философии, экономике и социологии: различия интерпретаций и точки пересечения	№ 4
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Хаос и форма в структуре субъективности	№ 2
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Сакральное и аффект	№ 3
<i>С.В. Синяков</i>	
Ценностно-мировоззренческие ориентиры истории	№ 5
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Лики и личины национальной идеи	№ 2
<i>Г.В. Христокин</i>	
Сравнительный анализ софиологии С. Булгакова и неопатристики в контексте перспектив развития православной теологии XXI века ..	№ 2
<i>В.М. Юрьев, В.Г. Бабаян</i>	
Власть как отражение конкуренции между блоками в социально-экономических системах	№ 6
Актуальная культурология	
<i>Л.А. Булавка</i>	
Культура: перезагрузка	№ 2
<i>Л.А. Булавка-Бузгалина</i>	
Проблема идентификации: между героическим и мещанским императивом бытия	№ 6
<i>А.В. Вислова</i>	
Новый русский театр в контексте модернизации	№ 2
<i>Н.А. Кубанёв, В.П. Океанский</i>	
Культурология и геополитика в истории России.....	№ 6
<i>Е.Ю. Лекус</i>	
Феномен «постмонументальности» в отечественной скульптуре рубежа XX—XXI веков.....	№ 2
<i>Е.Ю. Лекус</i>	
Псевдоидентичность, или Как выжить в мире распавшихся универсалий.....	№ 6
<i>Т.В. Науменко, А.И. Гринюк</i>	
Проблема культуры в аспекте межкультурной коммуникации.....	№ 6
Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Постреформизм в современной России: к новой стратегии эволюционного развития.....	№ 2

<i>С.В. Бирюков</i>	
Югославские «узлы»: прелюдия общеевропейской драмы?.....	№ 4
<i>С.В. Бирюков</i>	
Австрославизм: идея и наследие	№ 5
<i>С.В. Бирюков</i>	
Галичина: выбор в пользу Центральной Европы?	№ 6
<i>А.Г. Давыдов</i>	
«Боснийский» проект: через раскол и войну — к нации?.....	№ 4
<i>А.А. Коваленко</i>	
Политическое самоопределение стран Центральной и Восточной Европы: между евроскептицизмом и национализмом	№ 2
<i>Т.В. Кремень</i>	
Украинская независимость: политическая апатия как результат деструкции идентичности	№ 5
<i>И.В. Назаров</i>	
Украинско-российские отношения в контексте становления и кризиса восточнославянской православной цивилизации	№ 5
<i>А.А. Федотов</i>	
Империализм начала XX в. в формировании геополитики начала XXI в.	№ 6
Актуальная история	
<i>Д.В. Воронин</i>	
Советский госарбитраж в послевоенные годы: трудности и проблемы.....	№ 6
<i>М.Ю. Лачаева</i>	
О нашей революции.....	№ 6
Актуальный Ленин	
<i>Р.Т. Зяблюк</i>	
Природа современной экономики	№ 1
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»: современное прочтение	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальный Ленин: к 95-летию классической работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».....	№ 1
<i>П.А. Покрытан</i>	
К вопросу о признаках империализма периода глобализации (к 95-летию выхода в свет работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»).....	№ 1
<i>И.И. Рудяк</i>	
Ступени многомерной глобализации в монтажном историческом времени: от Ленина — через наносферу и ноосферу — до Булгакова	№ 1

<i>Н.Б. Шулевский</i> Империализм как форма антихристианского экономизма.....	№ 1
Современное образование	
<i>Л.С. Воробьева</i> Образование как фактор развития в эпоху глобализации	№ 1
<i>В.С. Сизов, Е.Н. Сизова</i> Проблема оценки эффективности деятельности вузов	№ 1
Современная Европа	
<i>В.В. Кашицын</i> Европейский союз, Польша и Россия в контексте взаимосвязей мирового и внутреннего рынков	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Мир, Европа и Россия.....	№ 3
<i>Я. Пасечны</i> Польша в процессе европейской интеграции — опыт и перспективы	№ 3
<i>В.Т. Рязанов</i> Интеграционные процессы в посткризисной экономике: возможности и ограничения	№ 3
<i>З.Э. Скрынник, Е.С. Зотова</i> Европейские ценности и рыночные механизмы на политическом поле постсоветских стран.....	№ 3
Рецензии и отклики	
<i>А.А. Антропов</i> Сводные данные по экспертируемым изделиям систем РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Реасекеерг» - МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-36М2 «Воевода».....	№ 4
<i>Г.С. Бискэ</i> Советский проект: потенциал обновления	№ 6
<i>В.В. Варава</i> «Черная кошка познания», или Как философствуют антиязыком	№ 6
<i>Ф.И. Гиренок</i> По поводу книги Ю.М. Осипова «Обретение»	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i> Эстетика фильма «Ты и я»	№ 3
<i>П.Н. Евстратов</i> «Мы помним...».....	№ 2
<i>В.Н. Ерзнкян</i> Парадигмальное знание.....	№ 2
<i>Т.А. Есина</i> Историческая память народа как источник его культуры (размышления о книге «Мы помним...»)	№ 1

<i>Н.И. Злыгостева</i>	
Берег с радостной пристанью (деревня в контексте русской культуры)	№ 5
<i>В.П. Казарин, М.А. Новикова</i>	
«Не бойся, подойди...» (о дате смерти Н.В. Недоброво).....	№ 4
<i>Е.С. Кешишева</i>	
Письмо к Василию Васильевичу Розанову	№ 3
<i>А.В. Коровин</i>	
Датский модернизм и философская новелла Мартина А. Хансена.....	№ 1
<i>В.Я. Курбатов</i>	
Во имя	№ 5
<i>В.А. Кутырёв</i>	
О чем был «Диалог мировоззрений»?	№ 1
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Pro-тив философии(ю) антиязыка	№ 6
<i>А.В. Никоноров</i>	
«Мы помним...».....	№ 1
<i>А.С. Нилогов</i>	
Бремя человека, или Кутырёвов труд/п	№ 3
<i>А.С. Нилогов</i>	
Минимум философии для кандидатского минимума (реплика).....	№ 4
<i>В.П. Океанский</i>	
Компетенции без компетентности: новые угрозы качеству образования	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Постреформизм и развитие.....	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Реплика по поводу Макиавелли	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Парижские перипетии	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Предисловие к книге «Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы»	№ 6
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Философия от своего имени	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Мы, стоящие вверх ногами. Заметки о фильме Александра Столярова	№ 3
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Государь.....	№ 4
Научная жизнь	
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Как сделать отечественные реформы полезными.....	№ 1
<i>М.В. Леонтьев</i>	
Алгоритм новой индустриализации	№ 1

<i>С.А. Марков</i>	
Большая идея и формирование социальности.....	№ 1
<i>А.А. Нагорный</i>	
По ухабам «реформирования».....	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальный Бердяев.....	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации.....	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Университеты сегодня: что происходит?	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Национальное богатство: феномен и трактовка.....	№ 5
<i>В.Н. Рогожникова, Т.А. Савинова</i>	
Выставка, посвященная 100-летию со дня выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова	№ 3
<i>Т.С. Сухина</i>	
Системное перестроение и новый облик объединенной Европы.....	№ 2
<i>В.Ф. Шаповалов</i>	
Характерные черты и особенности российской цивилизации.....	№ 2

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжат в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

